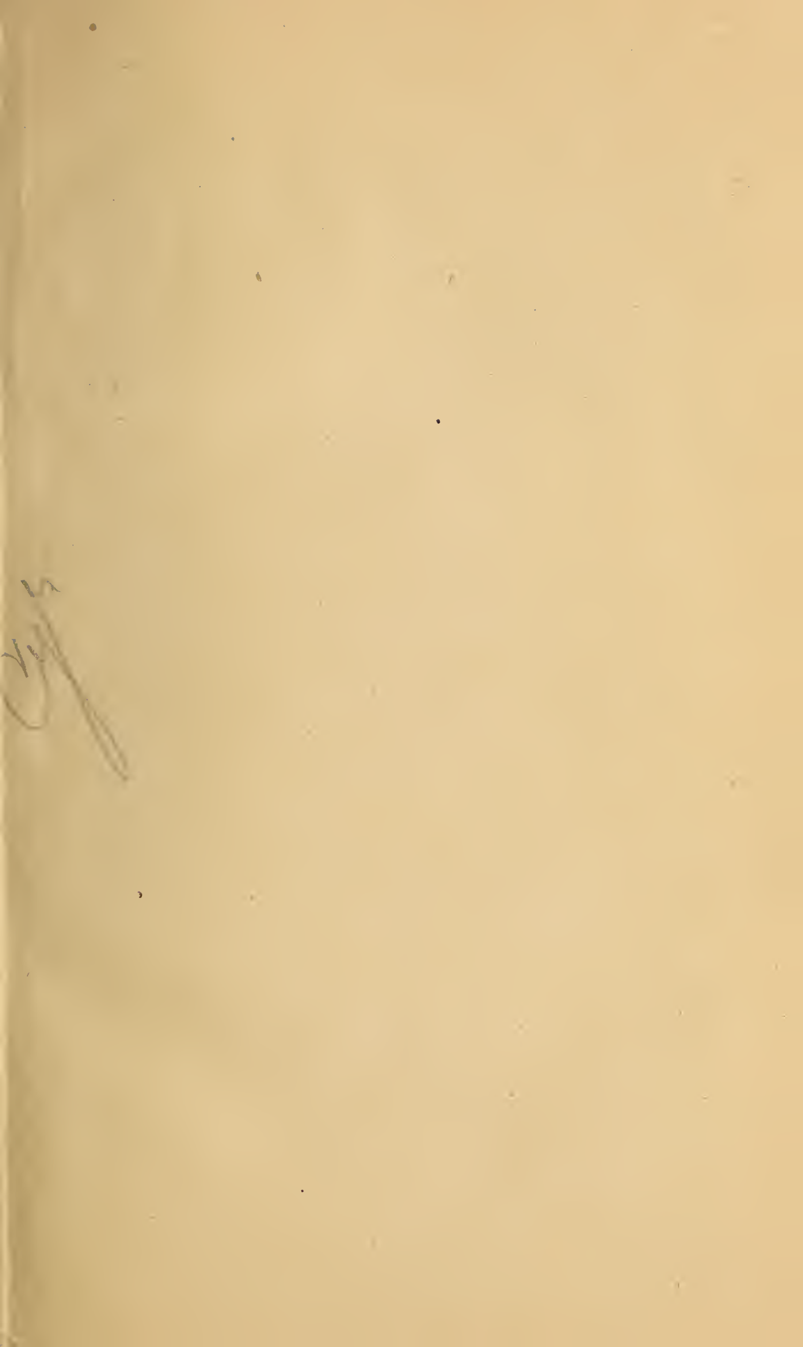

ИСКАНДЕРЪ ГЕРЦЕНЪ.

I. Философія революціи и соціализмъ Искандеровой школы.
II. Затмѣніе „Полярной звѣзды“.
III. Голосъ на кликъ: „Съ того берега“.
IY. Г. Герценъ и его значеніе.

БЕРЛИНЪ.

ТИПОГРАФІЯ КАРЛА ШУЛЬТЦЕ.

Kommandanten-Strasse No. 72.

1859.

Elagin, Nikolai Vasil'evich

Iskander - Gertsen

ИСКАНДЕРЪ ГЕРЦЕНЪ.

БЕРЛИНЪ.

ТИПОГРАФІЯ КАРЛА ШУЛЬТЦЕ.

Kommandanten-Strasse No. 72.

1859.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФИЛОСОФІЯ РЕВОЛЮЦІИ

И

СОЦІАЛИЗМЪ

ИСКАНДЕРОВОЙ ШКОЛЫ.

Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей, —
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце ихъ отравлены? тобою.
Кто осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты
Супружества, начальства, власти
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти
И связи общества рвался расторгнуть? ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье — просвѣщеньемъ.
Не ты-ль въ приманчивый, прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ.

Изъ басни Крылова: Сочинитель и разбойникъ.

Вся нынѣшняя Искандерова пропаганда можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: теоретической и практической. Въ ея теоріи проводятся соціальныя идеи о новомъ порядкѣ вещей, къ которому будто бы должно стремиться человѣчество, и, для подкрѣпленія этихъ идей, перетолковывается на изворотъ Священное Писаніе и совершенно отвергается ученіе Православной Церкви.

Въ практическомъ отношеніи эта пропаганда имѣетъ обличительное направленіе. Здѣсь обсуживается существующій въ Россіи ггажданскій порядокъ, обнаруживаются разные недостатки нашей администраціи и критикуются дѣйствія правительственныхъ лицъ. Въ статьяхъ этого рода попадаются дѣльныя замѣчанія, выказывающія иногда наблюдательность, много указаній на разные недостатки нашего общественнаго организма и на ошибочныя или неблагонамѣренныя дѣйствія служащихъ лицъ, но, къ сожалѣнію, и эти правдивыя замѣтки прикрашены или, вѣрнѣе сказать, обезображены лживыми и желчными выходками и преувеличеніями, которыя подрываютъ довѣріе къ высказаннымъ истинамъ и лишаютъ силы обличеніе.

Какъ бы то ни было, въ этой части Искандеровой пропаганды обнаруживаются, хотя отчасти, и знаніе дѣла и стремленіе къ раскрытію истины и желаніе лицемѣрное, или искреннее, принести пользу отечеству, тогда какъ въ первой части, направленной къ ниспроверженію Церкви, нѣтъ ничего подобнаго; вмѣсто стремленія къ истинѣ — самая безсовѣстная ложь въ истолкованіи фактовъ, вмѣсто

знанія дѣла — совершенное невѣжество или умышленное непониманіе предмета, вмѣсто желанія принести соотечественникамъ какую нибудь нравственную пользу — одни кощунства и софизмы, направленные къ тому, чтобы поколебать въ насъ, какимъ бы то ни было образомъ, религіозныя убѣжденія, унизить и отравить ядовитыми насмѣшками наши завѣтныя чувства и вѣрованія.

Общее же основаніе обѣихъ частей этой соціально-атеистической пропаганды, по видимому столь противоположныхъ между собою, выражено въ эпиграфѣ, который красуется въ заголовкѣ каждой книжки Полярной звѣзды: да здравствуетъ разумъ! Этотъ возгласъ Искандеръ называетъ революціоннымъ знаменемъ, которое одно изъ всѣхъ революціонныхъ знаменъ, по его мнѣнію, уцѣлѣло непосрамленнымъ. — Что подъ знаменемъ разума проповѣдуются безсовѣстныя клеветы на Церковь и возмутительныя кощунства противъ Бога, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, со временъ Вольтера, который въ несчастной борьбѣ, поднятой во имя разума, противъ божественной истины, подстрекалъ своихъ товарищей- энциклопедистовъ къ лжамъ и

клеветамъ на Священное Писаніе такимъ образомъ: „Надобно лгать дьявольски не робко, не „временно, — но смѣло и всегда. Великіе „политики должны всегда обманывать пу-„блику.“ (Volt. oeuv. compl. Corresp. gener. lett. du 21. Oct. 1736 et du 4. Fev. 1762).

И новая школа Герцена, — школа атеистовъ, съ увлеченіемъ, достойнымъ временъ Вольтера, открываетъ свою пропаганду противъ Церкви, правительствъ, собственности и существующаго гражданскаго порядка такою бездною лжи и софизмовъ, которая бы сдѣлала честь любому энциклопедисту прошлаго столѣтія.

Этой революціонной теоріи посвященъ особый отдѣлъ подъ громкимъ названіемъ: Философія революціи и соціализмъ. Самая капитальная статья въ немъ, подъ заглавіемъ: что такое государство, выражающая всю сущность и характеръ соціальной пропаганды, составляетъ предметъ нашего разбора.

Самъ Искандеръ говоритъ объ этой статьѣ въ своемъ предисловіи: „первый томъ нашъ богатъ: „писатель необыкновеннаго таланта и рѣзкой діа-

„лектики, прислалъ намъ, только что разнесся слухъ „о Полярной звѣздѣ, — превосходную статью „подъ заглавіемъ: что такое государство? Мы „перечитывали её десять разъ, удивляясь смѣлости „и глубинѣ революціонной логики автора (стр. IX).“

Послѣ такого отзыва самаго главы революціонной школы объ этомъ сочиненіи, конечно нечего было искать въ немъ какихъ нибудь нравственно-философскихъ воззрѣній, основанныхъ на вѣчныхъ началахъ добра и истины; но мы ожидали найти въ этой передовой статьѣ революціонной философіи, по крайней мѣрѣ много ума и учености, по крайней мѣрѣ внѣшній блескъ, очарованіе новыхъ идей и ловко построенныхъ софизмовъ; — потому что всѣ эти условія тѣмъ необходимѣе для всякой фальшивой теоріи, чѣмъ болѣе она шатка и ложна въ своемъ основаніи.

Но каково же было изумленіе наше, когда вмѣсто всего этого . . .; но не станемъ предупреждать читателя; пусть испытаетъ онъ самъ всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на насъ новой соціальной теоріей.

Философское воззрѣніе автора на правительственныя власти.

Авторъ говоритъ, что государство есть тайное общество-заговоръ имущихъ противъ неимущихъ, и объясняетъ это тѣмъ, что цѣль, на которую простолюдинъ далъ себя завербовать въ члены этого общества, составляетъ для него тайну.

А кажется тутъ ни для кого нѣтъ никакой тайны, — и если подобный вопросъ не приходитъ въ голову простолюдинамъ; то развѣ потому, что они, при крайней ограниченности понятій и образованія, не привыкли задавать себѣ такихъ отвлеченныхъ вопросовъ, но тѣмъ не менѣе каждый нашъ Русскій крестьянинъ, при всей своей необразованности, довольно ясно сознаётъ цѣль и необходимость государства, когда несетъ жалобу правительству, т. е. государству, на притѣсненіе или обиды сильнаго сосѣда, или когда, напримѣръ, во время войны посылаетъ въ рекруты своего сына, да еще, по собственному усердію, жертвуетъ частицею своего бѣднаго имущества, — тому-же правительству или

государству, на военные издержки, для отраженія враговъ.

„Простолюдинъ, по большей части, и сказать не „умѣетъ за чѣмъ, на что онъ платитъ подати, при„носитъ себя въ жертву государству.“

„Ему говорятъ агенты тайнаго общества (Пра„вительства): ты долженъ платить подать потому, „что всѣ платятъ, всѣ съ нами и за насъ, кромѣ „незначительнаго числа злодѣевъ, которые за то и „не избѣгаютъ наказанія.“

„Говорить каждому человѣку порознь: ты съ „нами, не правда-ли? всѣ съ нами, — уловка упо„требительная у заговорщиковъ для увлеченія тол„пы.“

Уловки заговорщиковъ конечно хорошо должны быть знакомы революціонной логикѣ; но за что же возводитъ она такія небылицы на тѣ правительства, которыя, при объявленіи всякаго новаго налога, или рекрутскаго набора, — вовсе не думая прибѣгать къ этой уловкѣ заговорщиковъ, просто обнародываютъ свои требованія и обыкновенно объясняютъ при этомъ самую надобность, для которой

необходимо государству увеличенiе податного налога или увеличенiе войска.

Но пойдемъ далѣе и посмотримъ, какъ революцiонная логика развиваетъ свою идею, называя государство тайнымъ обществомъ. Можетъ быть дальше мы найдемъ какое нибудь разъясненiе этой идеи, которая, согласитесь сами, кажется до сихъ поръ немножко пошлой и натянутой.

„Постараюсь описать,“ продолжаетъ авторъ, „какъ составились тайныя общества, называемыя „государствами.“

„Вступить съ кѣмъ нибудь въ союзъ, составить „общество, значитъ раздѣлить съ нимъ какой ни„будь трудъ. Нѣтъ и не можетъ быть обществъ, „которыя бы не были основаны на раздѣленiи тру„да, на обмѣнѣ произведенiй (товаровъ) труда, раз„дѣленнаго между членами общества; но обмѣнъ. „торгъ — одно и тоже. И такъ можно утвердитель„но сказать: нѣтъ общества, которое-бы не было „торговымъ обществомъ.“

„Такъ и государство есть торговое общество. „Кто же въ немъ торгующiе, обмѣнивающiе между „собою свои товары, произведенiя?“

„Съ одной стороны государственные люди, или „правительство, съ другой подданные или народъ.“

„Подданные работаютъ въ потѣ лица, и про-„изводятъ всѣ богатства, какія только есть на зем-„лѣ. Изъ нихъ они отдаютъ правительству часть, „именуемую податью, изъ которой правительство „беретъ себѣ жалованье. Въ замѣнъ этого жало-„ванья, правительство даетъ народу распредѣленіе „податей, т. е. даетъ направленіе производительнымъ „жизненнымъ силамъ; оно даетъ ему сверхъ того „сужденія (творитъ судъ), указанія (указы, зако-„ны); словомъ даетъ умъ, мысли, направленіе воли.“

„Но что-же во всемъ этомъ тайнаго? воскли-„цаетъ съ косой усмѣшкой неблагосклонный мой „читатель.“

„— Тутъ все — тайна, начиная уже съ того, что „никакое правительство не хочетъ признаться, что „оно торговая компанія. А не хочетъ оно потому, „что въ душѣ сознаетъ, что промышляетъ такимъ „товаромъ, какимъ честнымъ промышленникамъ „торговать не подобаетъ. Скажите, какъ воз-„можно честнымъ образомъ брать деньги за умъ, „за мысли, за сужденья?“

Вотъ это новость! по этому всѣ писатели, всѣ художники, которые берутъ деньги за произведенія своего ума, своего таланта, или искусства, по понятіямъ революціонной логики, промышленники не честные, или безчестные; но какія же у этой логики плохія экономическія понятія о трудѣ: она повидимому не знаетъ даже, что во всякомъ произведеніи человѣческаго разумнаго труда непремѣнно участвуютъ мысль, талантъ, искусство и что ихъ то участіе и придастъ бо́льшую или мѐньшую денежную цѣнность произведенію — какъ товару.

Мы покупаемъ у слесаря замо̀къ, у столяра мебель, у художника картину, у писателя его книгу и платимъ деньги, сколько за матеріалы: желѣзо, дерево, краски, холстъ и бумагу, — потраченные на эти вещи; и сколько за физическій трудъ, употребленный при ихъ производствѣ, — столько-же и часто еще болѣе — за умственную работу, за удачную мысль, за искусство — съ какимъ сдѣланы замокъ, или мебель, сочинена и нарисована картина, сочинена и написана книга. И почему-же такая продажа умственнаго труда есть промышленность безчестная? — и какая же промышленность будетъ честная,

по понятіямъ революціонной логики, если вовсе нѣтъ и быть не можетъ такихъ произведеній человѣческаго разумнаго труда, при покупкѣ которыхъ мы бы не платили за умъ, мысль и искусство, употребленные при производствѣ, также какъ платимъ за матеріалы и физическій трудъ? Но посмотримъ, какъ авторъ старается оправдать свой промахъ противъ основныхъ началъ политической экономіи.

„Какое, гдѣ мѣрило между цѣнностью мысли и „цѣнностью произведеній труда механическаго, ко- „торая одна первоначально и собственно представ- „ляема монетой?“

А по нашему цѣнность труда умственнаго, также какъ и цѣнность механическаго труда одинаково представляемы монетой; — потому что и та и другая цѣнности вполнѣ опредѣляются количествомъ предложенія и количествомъ запроса, на произведенія того или другаго труда.

„Каждый можетъ расчитать сколько времени и „труда нужно ему, чтобы произвесть кусокъ хлѣба. „А кто же можетъ измѣрить сколько труда и вре- „мени ему нужно было для того, чтобъ набресть

„на умную или глупую, на истинную или ложную „мысль, на вдохновенье.“

Но ужѐли думаете вы, господинъ философъ, что цѣнность каждаго товара опредѣляется только количествомъ времени и труда на него употребленныхъ. Ай! ай! ай! какія же у васъ дикія, отсталыя понятія, и въ чемъ же? удивительно! въ политической экономіи, на которой, какъ кажется, хотите вы построить свое идеальное зданіе общества, уничтоживъ всѣ нынѣшнія его основы. Мало ли есть такихъ произведеній ума, даже весьма ученыхъ, на которыя потрачено пропасть времени и труда и которыя не имѣютъ почти никакой денежной цѣнности, — по неимѣнію на нихъ запроса, требованія. Между тѣмъ какъ за какой нибудь удачный проектъ охотно платятъ огромныя деньги, соразмѣрно съ пользой, какую отъ него ожидаютъ, хотя бы проектъ не стоилъ автору вовсе почти ни труда, ни времени, — и былъ произведеніемъ одной счастливой случайной мысли, или вдохновенія, — какъ бо̀льшая часть великихъ открытій и изобрѣтеній.

„И сверхъ того“ продолжаетъ авторъ „развѣ „мысли уменьшаются, убываютъ оттого, что ими

„подѣлишься, такъ какъ убываетъ кусокъ хлѣба, „когда имъ подѣлишься съ другими? Мысль, какъ „огонь, сколько ни давай засвѣтить свою свѣчу объ „ту, которую ты держишь зажженною въ рукѣ, у „тебя то вѣдь свѣта не убудетъ, твоя свѣча вѣдь „оттого не погаснетъ.“

Нѣтъ погаснетъ, если подъ свѣчею разумѣть умственный свѣтъ, или познанія. Перестаньте платить ученымъ людямъ деньги за произведенія ихъ ума и учености и они бросятъ науку, чтобъ не умереть съ голоду, а образованіе, т. е. — свѣтъ, отъ этого конечно, не прибудетъ, а убудетъ.

„Продавать мысли за деньги, это все равно, что „скупиться на огонь, на свѣтъ, на пламень; это все „равно, что скрыть свѣтъ подъ спудъ и говорить „проходящимъ мимо васъ въ темнотѣ: у меня есть „свѣтило, вы идете по краю пропасти; какъ разъ „можете обступиться; я готовъ вамъ засвѣтить ва- „ши свѣчи, но сколько вы мнѣ за то дадите? „Наконецъ умомъ промышлять также позорно, какъ „поцѣлуями, красотою“ (!!!...).

Какая дикая мысль! можетъ быть авторъ хотѣлъ сказать, что злоупотреблять умомъ и талан-

томъ, да еще за деньги, также позорно, какъ промышлять красотою. — Вотъ съ этимъ мы согласны и дѣйствительно писатель, употребившій свой умъ и талантъ на то, чтобъ распространять за деньги безнравственныя, растлѣвающія идеи, и составившій изъ этого спекуляцію, намъ кажется еще гаже, еще отвратительнѣе гнусной развратницы, промышляющей своей красотою и распространяюшей вокругъ себя ядъ распутства и болѣзней.

„Красота, крѣпость здоровья, точно также какъ „расторопность ума, драгоцѣнныя блага, не всѣмъ „въ удѣлъ достающіяся, рѣдкія; онѣ, точно также „какъ блестящія умственныя способности были до- „селѣ удѣломъ не чернаго народа, а аристократи- „ческихъ родовъ. Онѣ, также какъ счастливое устрой- „ство мозга, обыкновенно (не говорю: всегда) вы- „работываются поколѣніями, живущими въ до- „вольствѣ.“

Вотъ что правда, то правда. Что-жъ изъ этого?

„Нужда истощаетъ, притупляетъ, дѣлаетъ чах- „лымъ не только самаго того человѣка, который „её претерпѣваетъ, но и дѣтей имъ пораждаемыхъ,

„которыхъ онъ не въ состояніи порядочно вскор-„мить, не только воспитать. Но уже не говоря о „томъ, что для того, чтобъ нѣкоторые могли быть „холены и взлелѣяны, нужно было чтобъ другіе за „нихъ работали, изнурялись и тѣмъ самымъ достав-„ляли прародителямъ первыхъ средства ихъ взле-„лѣять, — изъ чего слѣдуетъ, что эти первые, сво-„ими преимуществами обязаны именно изнурявшим-„ся и должны за то воздать ихъ потомкамъ, — не „говоря объ этомъ, я спрашиваю читателя, кото-„раго предполагаю одареннымъ высокимъ умомъ: „было-ли бы честно съ его стороны, еслибъ онъ „сталъ промѣнивать на трудовыя произведенія дру-„гихъ то, что ему то самому досталось даромъ, по „наслѣдству.“

Тутъ авторъ уже коснулся другаго соціальнаго вопроса: — вопроса о собственности, и какъ видно, не признаетъ за людьми вообще права пользоваться собственностію, достающеюся даромъ — по наслѣдству, и вымѣнивать на нее трудовыя произведенія другихъ.

Такой взглядъ на право собственности очевидно противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ о собственности

существующимъ въ мірѣ со временъ Патріарховъ, когда еще не было государствъ, а тѣмъ не менѣе существовало право наслѣдственной собственности, которая и переходила отъ родителей къ дѣтямъ, также какъ и теперь, что служитъ яснымъ доказательствомъ, что такое понятіе о собственности врожденно человѣчеству отъ сотворенія міра. — Но чему же и удивляться, если понятія революціонной логики совершенно противорѣчатъ понятіямъ и убѣжденіямъ, вложеннымъ въ человѣка Самимъ Творцомъ: — на то она и революціонная, чтобъ ихъ опровергать. Но если ужъ она имѣетъ претензію называться логикой и даже философіею, то, опровергая наши коренныя убѣжденія, не должна ли она противопоставить имъ противоположную, равносильную (хотя на первый взглядъ) идею. Повторимъ же вкратцѣ въ чемъ заключается идея автора: онъ говоритъ, что правительство есть тайное общество — заговоръ имущихъ противъ неимущихъ и вмѣстѣ торговая компанія, — которая потому только въ этомъ не сознается, что промышляетъ такимъ товаромъ, которымъ честный человѣкъ промышлять не долженъ, а именно — умомъ, мыслію, талан-

томъ, — вымѣнивая за свой умственный, на пользу народа, трудъ, матеріальныя произведенія народнаго труда, и что это тѣмъ безсовѣстнѣе со стороны правительственныхъ лицъ, что ихъ умственное превосходство надъ массою народа досталось имъ даромъ — по наслѣдству отъ родителей.

Мы уже указали на то, какъ нелѣпа эта мысль съ экономической точки зрѣнія; — съ нравственной стороны она еще нелѣпѣе и прямо противорѣчитъ успѣхамъ разума человѣческаго, потому что умственное развитіе общества было бы невозможно, если бы умственный капиталъ знаній, составляющій, въ нѣкоторомъ смыслѣ, то-же родовую собственность привиллегированныхъ сословій, не переходилъ отъ родителей къ дѣтямъ, вмѣстѣ съ вещественнымъ наслѣдствомъ и не умножался болѣе и болѣе отъ поколѣнія къ поколѣнію, при помощи необходимаго денежнаго достатка, безъ котораго затруднительно и почти невозможно успѣшное развитіе и образованіе умственныхъ способностей и пріобрѣтеніе обширныхъ знаній.

По идеѣ автора, чтобъ не было никому стыдно пользоваться пріобрѣтеннымъ безъ труда родовымъ

наслѣдствомъ и не было позорно трудиться умственно за деньги, пришлось бы лишить человѣка права передавать пріобрѣтенное его трудами имущество въ наслѣдство дѣтямъ и слѣдовательно отнять у человѣка всякую охоту заботиться о благосостояніи своего потомства и заставить каждаго жить только для самаго себя. А вмѣстѣ съ этимъ пришлось бы отказаться и отъ успѣховъ просвѣщенія, осудивъ людей, посвящающихъ свою жизнь умственной дѣятельности, — на механическій трудъ, для поддержанія своего существованія.

Но этого мало: посмотрите какъ авторъ, стараясь разными софизмами доказать свою мысль, что государство есть тайное общество — „заговоръ „имущихъ противъ неимущихъ“ — отбился отъ этой мысли и запутался въ своихъ софизмахъ: онъ признаетъ, что аристократическимъ родамъ, какъ живущимъ въ постоянномъ довольствѣ и имѣющимъ всѣ средства къ своему умственному развитію и къ образованію дѣтей своихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, наиболѣе свойственны блестящія умственныя способности, столь необходимыя для того, чтобъ творить народу судъ и расправу — давать, какъ онъ

говоритъ, направленіе его жизненнымъ силамъ и прибавилъ — чтобы принимать мѣры къ охраненію его внѣшней безопасности отъ другихъ народовъ — словомъ, чтобъ управлять народомъ.

А это прямо наводитъ на истинное понятіе о томъ, какъ составились общества — государства, — а именно: что въ каждомъ народѣ, пока онъ жилъ въ дикомъ состояніи безъ всякаго государственнаго устройства, первая причина побудившая большинство подчиниться вліянію и власти меньшинства — не могла быть иная, какъ врожденное человѣку (слѣдовательно вложенное въ душу человѣческую Самимъ Богомъ) — свойство подчиняться всегда нравственному и умственному превосходству другаго человѣка, свойство, въ которомъ невозможно усомниться, потому что мы безпрерывно испытываемъ его въ себѣ, сталкиваясь съ людьми, которые выше насъ по характеру или уму и другимъ нравственнымъ качествамъ.

Народъ, замѣчая и сознавая такое нравственное превосходство въ нѣсколькихъ лицахъ, или семействахъ, изъ среды своей, — естественно подчинялся ихъ вліянію, предоставляя имъ надъ собою судъ и

расправу, направленіе общенародныхъ дѣйствій, верховное руководство, правленіе, то есть такую дѣятельность, для которой необходимы высшія нравственныя и умственныя способности, и за то окружалъ ихъ почетомъ, довольствомъ, повиновеніемъ, а этимъ самымъ давалъ избраннымъ (передовымъ людямъ) пред-водителямъ своимъ возможность избѣжать необходимости заработывать хлѣбъ тяжелымъ механическимъ трудомъ. Естественно также, что эти вожди народа, развивая въ правительственной дѣятельности свои счастливыя отъ природы способности, мало по малу усвоивали себѣ опытность въ дѣлѣ правленія, искусство повелѣвать и передавали эти свойства своимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ превосходство умственныхъ и нравственныхъ способностей, которому первые народные правители обязаны своею властію надъ народомъ, дѣлалось наслѣдственнымъ, переходило отъ родителей къ дѣтямъ, изъ поколѣнія въ поколѣнье, вмѣстѣ съ соединенными съ властію преимуществами, подкрѣпляемое и усиливаемое правительственнымъ опытомъ, навыкомъ править людьми, повелѣвать. А этотъ навыкъ самъ по себѣ такъ важенъ,

что многіе государственные люди, ненаслѣдовавшіе отъ природы великаго ума и гражданскихъ доблестей своихъ предковъ, но воспитанные въ ихъ духѣ, въ высшей сферѣ государственной жизни и поставленные съ юности у кормила правленія, съ пользою служили отечеству, усвоивъ себѣ тотъ административный тактъ, ту привычку власти, — безъ которыхъ иногда люди большаго ума и блестящихъ талантовъ, случайно попавшіе на высшія правительственныя ступени, оказываются неспособными къ государственной дѣятельности.

Такой простой, естественный взглядъ на образованіе наслѣдственной правительственной власти во всѣхъ возникшихъ Монархіяхъ, какъ нельзя лучше подтверждается нашею отечественною исторіею. Славяне были подъ властію Варяговъ и платили имъ дань, — но свергнули ихъ владычество, тягостное для народной гордости; потому что оно пріобрѣтено было силою меча. Что-же побудило нашихъ предковъ, возстановивъ, конечно не безъ труда и крови, свою народную независимость, съ такимъ удивительнымъ единодушіемъ обратиться къ прежнимъ своимъ побѣдителямъ и властителямъ и призвать

ихъ къ себѣ на княженье? Чѣмъ объяснить это, если не тѣмъ, что во время перваго насильственнаго владычества Варяговъ — народъ видѣлъ и чувствовалъ ихъ умственное и нравственное превосходство надъ собою, и, не смотря на вражду противъ своихъ побѣдителей, не могъ не сознавать всѣхъ благодѣяній власти, сосредоточенной въ однихъ рукахъ, послѣ народной неурядицы, которая прежде терзала страну и которая, по изгнаніи Варяговъ была уже невыносима для народа, ознакомившагося при кратковременномъ ихъ владычествѣ съ нѣкоторымъ гражданскимъ порядкомъ? И вотъ огромная масса народа, сильнаго духомъ, нетерпѣвшаго никакой ни внѣшней, ни внутренней зависимости, покорно шлетъ своихъ представителей къ бывшимъ врагамъ съ знаменитыми словами, въ которыхъ не знаешъ чему болѣе изумляться: глубокой ли мудрости народной, или величію смиренія, столь поразительнаго въ народѣ языческомъ, — „земля наша велика и обильна, но порядка „въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть „нами.“ — И предоставивъ призванному племени власть надъ собою, народъ оставляетъ ее наслѣд-

ственною на вѣчныя времена въ потомствѣ Рюрика. Не обнаруживаетъ ли это безусловнаго, непоколебимаго народнаго уваженія къ доблестямъ и правительственнымъ способностямъ призванныхъ витязей и совершенной увѣренности въ томъ, что эти доблести, это нравственное превосходство Князей Варяжскихъ, покорившіе имъ сердца народа, будутъ переходить въ родѣ ихъ изъ поколѣнья въ поколѣніе и на всегда упрочатъ странѣ добрый гражданскій порядокъ? И когда эта увѣренность народа стала оправдываться рядомъ героевъ, послѣдовавшихъ за Рюрикомъ, — когда Олегъ, Игорь и Святославъ положили основаніе политическому могуществу и самобытности Россіи и мужествомъ своимъ, силою меча, сдѣлали ее страшною сосѣдямъ; а мудрая Ольга и Великій Владиміръ, озаривъ Россію спасительнымъ свѣтомъ Христіанства, — вдохнули въ нее новую жизнь; — тогда преданность народа и благоговѣніе его къ признанной имъ власти — уже не имѣли предѣловъ, чему очевиднымъ доказательствомъ служитъ изумительная покорность и единодушіе съ какими народъ, по волѣ своего Князя, бросилъ язычество, сокрушилъ идоловъ,

пожертвовалъ своими вѣрованіями и обычаями старины, принимая Христіанство, причемъ нельзя не обратить вниманія на то убѣжденіе народа, которое выразили его старѣйшины, что если-бы вѣра Христіанская не была лучшею, то, мудрѣйшая всѣхъ людей, Княгиня Ольга, не приняла бы ее.

Какимъ страшнымъ искушеніямъ подвергалась эта преданность народа къ Князьямъ во времена кровавыхъ усобицъ между ними, потомъ при Татарскомъ владычествѣ, потомъ во времена Грознаго, наконецъ во время Самозванцевъ и Междуцарствія, когда прервался на престолѣ царственный родъ, но и послѣ всѣхъ этихъ тягостныхъ испытаній, народъ не измѣнилъ въ своей любви, безусловномъ довѣріи и преданности этому дому и черезъ 750 лѣтъ съ тѣмъ же единодушіемъ, какъ во времена Гостомысла, Россія подноситъ вѣнецъ отдаленному потомку Рюрика, умоляя его принять власть.

Скажите! ради истины, если она имѣетъ хотя какую нибудь цѣну въ глазахъ революціонной логики, гдѣ же во всемъ этомъ торговая сдѣлка между правительствомъ и народомъ? гдѣ этотъ тайный заговоръ меньшинства противъ большинства,

имущихъ противъ неимущихъ, — посредствомъ котораго, наперекоръ и здравому смыслу и исторіи хотятъ намъ объяснить, во что бы то ни стало, возникновеніе государствъ и образованіе въ нихъ правительственной власти?

По истинѣ нельзя не изумляться, изумляющей самаго Искандера смѣлости революціонной логики, что она подъ знаменемъ разума и громкимъ титломъ „философіи революціи" проповѣдуетъ такую жалкую теорію, сплетенную изъ софизмовъ до того плохихъ, что они рвутся какъ паутина отъ одного прикосновенія здраваго смысла, — но еще изумительнѣе, что для подкрѣпленія этой соціально-революціонной теоріи авторъ прибѣгаетъ къ Св. Евангелію, надѣясь поддержать её авторитетомъ Слова Божія.

Революціонная Философія и Евангеліе.

Замѣчая въ авторѣ ученость или покрайней мѣрѣ обширную начитанность и, не предполагая въ немъ отсутствія здраваго смысла, мы не можемъ допустить мысли, чтобы онъ самъ вѣрилъ своей теоріи

и не сознавалъ вполнѣ, какъ она ложна и несостоятельна, и потому мы не иначе можемъ объяснить себѣ дерзкую попытку связать самыми безсовѣстными натяжками эту теорію съ Евангеліемъ, — какъ желаніемъ затмить чистоту его и подорвать уваженіе къ Божественному Откровенію — сдѣлавъ его опорой своихъ революціонныхъ утопій.

Съ этой точки зрѣнія ложная теорія дѣлается уже злонамѣренно-лживой теоріей и требуетъ опроверженія, потому что при плохомъ пониманіи Св. Писанія, при шаткости, а часто и полномъ отсутствіи истинныхъ религіозныхъ убѣжденій въ томъ кружкѣ читателей, для котораго преимущественно предназначается Полярная звѣзда, — надо опасаться, что революціонныя идеи, кощунственно прикрываемыя Евангельскимъ ученіемъ, ложно перетолкованнымъ, принесутъ вредныя для общества послѣдствія.

Пойдемъ же вслѣдъ за авторомъ и разсмотримъ всѣ его ссылки на Евангеліе и мнимо — догматическіе доводы, которыми онъ, выбиваясь изо всѣхъ силъ, старается поднять и поддержать свою падающую на каждомъ шагу теорію соціализма.

„Какъ судьбы Божіи неисповѣдимы,“ говоритъ

онъ, „то почему знать кто передъ Нимъ выше: „бѣдный ли искушаемый страданіями или могучій „искушаемый своею властію.“

Что за мысль? Изъ двухъ искушаемыхъ конечно выше тотъ, кто лучше выноситъ искушенія — состоятъ ли они въ страданіяхъ бѣдности, въ нуждахъ, тяжкомъ трудѣ и лишеніяхъ разнаго рода, или же въ роскоши богатства, въ почестяхъ и наслажденіяхъ, въ вихрѣ свѣтской жизни со всѣмъ ея одуряющимъ обаяніемъ.

И вотъ является въ Іудеѣ „Сынъ человѣ-„ческій, который такъ себя и называетъ, но при-„томъ говоритъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ и „Сынъ Божій, и что даже никто ближе чѣмъ Онъ „не знаетъ Его Отца Бога. Зная неисповѣди-„мыя — для другихъ судьбы Божіи, — Іи-„сусъ Христосъ отвѣчаетъ на предъидущій вопросъ: „предъ Богомъ Лазарь выше богача, предъ „Богомъ первые будутъ послѣдніе и пос-„лѣдніе первые.“

Но почему Лазарь выше богача и наслѣдовалъ Царствіе Небесное, — не потому только, что онъ былъ бѣденъ, а потому что выносилъ покорно въ

глубокомъ смиреніи всѣ бѣдствія и искушенія нищеты; потому безъ сомнѣнія, что не смотря на всѣ испытанія въ жизни, остался вѣренъ въ любви къ Господу, — что безъ злобы и зависти смотрѣлъ на богача и, покрытый ранами, лежа на гноищѣ вблизи отъ его чертоговъ, смиренно довольствовался крошками, выбрасываемыми послѣ его стола, а не роталъ на жребій свой и на неравенство благъ земныхъ, достающихся въ удѣлъ людямъ.

И для чего въ притчѣ Спасителя этотъ несчастный, нищій Лазарь, представленъ въ раю на лонѣ Авраама, который, напротивъ, обладалъ на землѣ огромными богатствами и наслаждался при жизни обиліемъ всѣхъ благъ земныхъ? Не для того-ли, что бы показать, что не бѣдность и не богатство привели туда того и другаго, а общія обоимъ имъ добродѣтели и любовь къ Богу. Богачъ мучится въ адѣ, но очень хорошо чувствуетъ, что виною тому его минувшая нечестивая, чувственная жизнь и умоляетъ Авраама послать Лазаря къ братьямъ его (богача), чтобъ образумить ихъ и наставить на путь истинный.

Авторъ продолжаетъ: „Онъ (Іисусъ Христосъ),

„— глава, вождь своихъ, Его обожающихъ, послѣ„дователей, — Онъ омываетъ имъ ноги, какъ слу„га, и тѣмъ сокрушаетъ всякое чинопочитаніе*)."

Какъ? и этотъ поразительный образецъ смиренія, преподанный Спасителемъ ученикамъ въ Его предсмертной бесѣдѣ съ ними, преподанный очевидно съ тою цѣлію, чтобы предохранить ихъ отъ фарисейскаго тщеславія между собою и предупредить стремленіе къ преобладанію однихъ надъ другими, — не постыдилась революціонная философія представить какъ попытку сокрушить всякое чинопочитаніе?

Но перѣзко-ли отдѣлилъ Спаситель даже въ словахъ, на которые ссылается авторъ (Мат. гл. XX. ст. 25—27.), Свою юную Церковь отъ міра съ его властями, съ его гражданскимъ устройствомъ и общественнымъ порядкомъ и чинопочитаніемъ, безъ котораго никакой гражданскій порядокъ не возможенъ. Слова эти слѣдующія: Вы знаете, что Князья народовъ господствуютъ надъ ни-

---

*) Мысль эта опирается въ 6мъ примѣч. на Еванг. Матѳ. — глава XX ст. 25—27.

ми и вельможи (велиціи) обладаютъ ими. Не такъ пусть будетъ между вами, но кто изъ васъ быть хочетъ первымъ (у Ев. Марка старшимъ. гл. 10 ст. 23—25) да будетъ вамъ (у Марка всѣмъ) слуга, ибо Сынъ человѣческій пришелъ не за тѣмъ, чтобы служили Ему, а за тѣмъ, чтобы послужить и положить душу Свою во избавленіе многихъ. А сказано это было Спасителемъ ученикамъ, когда Іаковъ и Іоаннъ просили себѣ первенства, права возсѣсть одесную и ошуію Его во славѣ Его (той же главы ст. 18.) и сказано съ очевидною цѣлью показать ученикамъ, что, высшій изъ нихъ, любезнѣйшій Ему, тотъ кто не власти и первенства будетъ домогаться; а стараться служить всѣмъ какъ служилъ Онъ, положившій за другихъ (жизнь) душу Свою.

Авторъ продолжаетъ: „Онъ (Іисусъ Христосъ) „говоритъ, что скорѣе верблюдъ пройдетъ сквозь „ушко иголки, чѣмъ богатый человѣкъ внидетъ въ „Царство Небесное или Божіе (Ев. Матѳ. XIX, 16— „25), то есть въ тотъ порядокъ вещей, который не „есть настоящій, а имѣетъ впередь быть устано-

„вленъ Богомъ. Нынѣ же не Богъ, а Дьяволъ — „Князь міра сего, говоритъ Христосъ. Для во-„дворенія царствія небеснаго людямъ, по ученію „Христа, прежде всего нужно отвергнуть право „частной собственности (Ев. Матѳ. гл. 10 ст. 9. 10.), „оставить взысканіе долговъ (Ев. Матѳ. VI стр. 12.) „и раздѣлить между собою произведенія своихъ „кровныхъ трудовъ, произведенія добываемыя въ „потѣ лица — хлѣбъ и вино — по братски. (Тай-„ная вечеря)."

„Ясно, что съ такимъ ученіемъ Государство не „могло существовать. Либо Христово ученіе, либо „Государство должно было пасть."

Такой нелѣпый выводъ поражаетъ прежде всего противорѣчіемъ своимъ съ историческими фактами. Истина непререкаемая, что Христіанство-то и развило гражданственность до той степени, на какой видимъ ее у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, что оно-то и упрочило силу Государства; а потому, ни до пришествія Спасителя, ни послѣ Него, ни одинъ изъ народовъ языческихъ и мусульманскихъ, не пользовался и не пользуется такимъ гражданскимъ благоустройствомъ, какого достигли Христіанскія Госу-

дарства, обязанныя и своимъ просвѣщеніемъ и всѣмъ, что есть истинно добраго въ ихъ гражданственности, — благотворному вліянію Божественной Религіи.

Но, чтобъ лучше разъяснить эту истину и опровергнуть приведенный софизмъ — о несовмѣстности Государства съ Христіанскимъ ученіемъ; разсмотримъ всѣ положенія, на которыхъ этотъ софизмъ построенъ.

Первое изъ этихъ положеній опирается на слѣдующія мѣста изъ Евангелія:

(Ев. Матѳ. гл. 10, ст. 9. 10.) „Не стяжите „злата, ни сребра, ни мѣди при поясахъ „вашихъ. Ни мѣха въ путь, ни двою ризу, „ни сапогъ, ни жезла, достоинъ бо есть „дѣлатель мзды своея.“

Заповѣдь эта, данная Спасителемъ не народу, а только Ученикамъ, — посылаемымъ на проповѣдь, — и легла въ основаніе добровольной нищеты, отреченія отъ своего имущества, и совершенной нестяжательности — этой главной догмы иночества, первообразомъ котораго было въ первые вѣка Христіанства — пустынножительство, отшельниче-

ство, организовавшіеся въ послѣдствіи въ монастырскую жизнь, въ монашество.

Этотъ же идеалъ совершенной нестяжательности, какъ высшей добродѣтели Христіанской, свойственный только избраннымъ послѣдователямъ Господа, представляется еще яснѣе въ событіи, изложенномъ у Ев. Матѳ. XIX, 16 — 27., Луки гл. XVIII, ст. 18 — 27; у Марка гл. X, 17 — 22.

Какой-то добродѣтельный юноша Князь спрашивалъ. „что ему дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную“: Іисусъ Христосъ отвѣтствовалъ: „заповѣди знаешь? не прелюбодѣйствуй, не „убей, не украдь, не клевещи, не обижай, „чти отца твоего и матерь.“ Вопрошающій отвѣчалъ: учитель! все это сохранено отъ юности моей. Іисусъ посмотрѣлъ на него съ любовію и сказалъ: одного еще не кончилъ: если хочешь быть совершеннымъ, иди, продай все, что имѣешь и раздай нищимъ — и будешь имѣть сокровища на небеси, тогда прійди и, принявъ крестъ, слѣдуй за мною; опечаленный этимъ словомъ юноша, отошелъ скорбя, ибо имѣлъ большое богатство.“

Тогда-то Іисусъ замѣтилъ Ученикамъ, какъ трудно богатому войти въ Царствіе Божіе, но очевидно, что отреченіе отъ имущества предложено было добродѣтельному юношѣ — какъ вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей — (аще хочешь совершенъ быти) — какъ такой подвигъ, который приличенъ людямъ, исполнившимъ всѣ другія заповѣди и могущимъ, поднявъ Крестъ, идти по слѣдамъ Іисуса Христа.

Такое отреченіе отъ имущества и слѣдовательно отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, посредствомъ его пріобрѣтаемыхъ, также какъ отреченіе отъ брачной жизни, удаленіе отъ отца и матери, отъ друзей и родныхъ — для слѣдованія по Крестному пути Господа — не было поставлено въ обязанность всѣмъ Христіанамъ, а только избраннымъ, посвятившимъ себя Господу, что выражено также и въ словахъ Спасителя „не всѣ вмѣщаютъ это слово (о цѣломудріи), но только тѣ, которымъ дано это“ и потомъ далѣе: „могущій вмѣстити да вмѣ„ститъ“ (Ев. Матѳ. гл. 19, ст. 11—13).

И не напрасно видно указанъ былъ Господомъ этотъ Крестный путь, исполненный величайшаго самоотверженія, цѣломудрія, совершенной нестяжа-

тельности, отреченія отъ всѣхъ мірскихъ благъ и удовольствій и даже отъ имущества, ибо на этотъ самый путь вскорѣ устремились сперва Апостолы и ближайшіе Ученики Спасителя, а потомъ безчисленное множество святыхъ избранниковъ Божіихъ. Изъ нихъ многіе, занимая высшія мѣста въ Римской Имперіи, — покинули славу и почести, которыми блистали въ мірѣ, роздали нищимъ всѣ свои богатства и бѣжали отъ міра въ пустыню, чтобы посвятить Господу каждую минуту жизни, каждую мысль, каждое біеніе сердца. И эти то святые отшельники своею жизнью, своимъ словомъ и примѣромъ одушевляли подвижниковъ Христіанства, проливавшихъ кровь за Св. вѣру — въ борьбѣ противъ Язычества и Іудейства, — они-то — изъ глубины пустынь Ѳиваиды и Палестины — и озаряли, въ своихъ писаніяхъ, Христіанскій міръ истиннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія, разсѣявая мглу ересей и лжеученій, грозившихъ погубить Христіанство. Удалясь отъ міра, разорвавъ повидимому всѣ гражданскія связи съ обществомъ, презрѣвши, какъ суету, блескъ и славу почестей, богатство и всѣ блага гражданской и семейной жизни; — они представ-

ляли собою, предъ глазами всего Христіанскаго міра, идеалъ высшихъ Христіанскихъ добродѣтелей, указанный Спасителемъ, а этимъ самымъ послужили — къ поддержанію и распространенію Христіанскаго ученія, которому всѣ образованныя Государства обязаны успѣхами своего просвѣщенія и гражданственности предъ другими народами.

О двухъ остальныхъ ссылкахъ на Евангеліе, которыми авторъ хочетъ подкрѣпить свои софизмы и говорить нечего: первая изъ нихъ указываетъ на слова Спасителя изъ преподанной Имъ молитвы: „остави намъ долги наша, якоже и мы „оставляемъ должникомъ нашимъ," — а вторая относится къ Тайной вечери. Ни та, ни другая ссылка очевидно не имѣютъ ничего общаго съ приведеннымъ софизмомъ о несовмѣстности Христіанства съ существующей гражданственностію.

Далѣе авторъ, упорно продолжая перетолковывать по своему разныя мѣста изъ Евангелія, говоритъ: „Христосъ этого не скрываетъ отъ „своихъ приближенныхъ," то есть того будто бы, что Его ученіе противорѣчитъ идеѣ Государства и что одно при другомъ существовать не мо-

жетъ, „Онъ (Христосъ) прямо говоритъ: „Не ду-„майте, что я пришелъ миръ принесть на „землю; я не миръ но мечь принести при-„шелъ.“ (Ев. Матѳ. X. 34—35.)

Опять фальшивая ссылка: раскрываемъ Евангеліе и находимъ, что эти слова сказаны въ заключеніе наставленія, которое преподано было Спасителемъ двѣнадцати Апостоламъ, когда посылалъ Онъ ихъ на проповѣдь и предупреждалъ между прочимъ, что за ученіе Его, они подвергнутся тяжкимъ гоненіямъ и истязаніямъ, что повлекутъ ихъ въ суды и на сборищахъ будутъ бить ихъ и за Христа поведутъ къ Царямъ и властителямъ во свидѣтельство имъ и народамъ.... что предастъ братъ брата на смерть и отецъ чада и возстанутъ чада на родителей и убіютъ.... Всѣ эти пророческія слова сбылись по вознесеніи Спасителя съ страшной вѣрностію. Крестная проповѣдь распространялась съ неудержимою быстротой и силой по лицу земли, безпрерывно привлекая къ Христіанству безчисленныхъ послѣдователей и воспламеняя противъ него яростное гоненіе тѣхъ, которые не принимали этого

ученія. Отцы и матери предавали мучителямъ дѣтей своихъ, — обратившихся въ Христіанство, дѣти доносили на родителей, или дѣлались ихъ палачами, — кровь Христіанская лилась рѣками и ожесточенные язычники, предавая мукамъ и смерти послѣдователей Христа, дѣйствительно, мнили, какъ предрекалъ*) Онъ, службу приносити Богу: вотъ прямое значеніе и смыслъ словъ Спасителя: Я не миръ пришелъ принести на землю, но мечь, — словъ сказанныхъ Апостоламъ въ предупрежденіе того, что ожидало ихъ на проповѣди.

Теперь посмотримъ какое значеніе придаетъ этимъ словамъ авторъ: онъ продолжаетъ: „Ему „(Іисусу Христу), разумѣется, нужно было сперва „распространить свое ученіе, которое онъ называлъ „Доброю вѣстью и доброю именно для бѣднаго „народа (Матѳ. XI, 5.).“ Опять раскрываемъ Евангеліе и находимъ подъ этой цитатой слѣдующее: слѣпые прозираютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые возстаютъ и нищіе благовѣству-

*) Іоан. гл. 17, ст. 2.

ютъ. — Слова эти, сказанныя ученикамъ Іоанна, посланнымъ спросить Іисуса: Онъ ли обѣщанный Мессія? вовсе не показываютъ, чтобы Евангеліе было благовѣстіемъ для однихъ бѣдныхъ: — мало ли было и богачей подобныхъ Мытарю Закхею, — которымъ открыло оно путь въ Царствіе Божіе.

Авторъ продолжаетъ, что „Іисусу Христу нужно „было распространить свое ученіе сперва между „бѣднымъ народомъ, составить себѣ изъ этого на-„рода многочисленное войско, прежде нежели всту-„пить въ открытый бой, — въ бой вооруженною „рукою — противъ государственныхъ властей (?!!!).“

Какая безсовѣстная клевета на Того, Кто въ теченіи всей земной жизни былъ образцомъ высочайшей покорности властямъ, на Того, Кто, насытивъ чуднымъ образомъ пять тысячь человѣкъ въ пустынѣ — пятью хлѣбами, скрывается отъ народа, какъ только захотѣли Его провозгласить Царемъ*),

---

*) Іоан. VI, 14—15.) Люди же видя знаменіе, которое совершилъ Іисусъ говорили, что Онъ есть истинно Пророкъ, грядущій въ міръ. Іисусъ же уразумѣвъ, что собираются прійти, захватить Его и поставить Царемъ, опять удалился на гору-одинъ.

— на Того, Кто, исполняя великое дѣло искупленія человѣчества, Самъ предается въ руки властей, на страшныя муки и позорную казнь — тогда какъ всякую минуту могъ бы подвигнуть*) въ защиту Свою — силы небесныя.

Далѣе авторъ продолжаетъ:

„Оттого онъ (Іисусъ Христосъ) часто бывалъ „въ необходимости не только лично скрываться изъ „города въ городъ, изъ села въ село, изъ страны „въ страну, бѣжать иногда даже въ степь, но „онъ бывалъ принужденъ и скрывать прямой смыслъ „своего ученія передъ лазутчиками-шпіонами (Фа- „рисеями и Иродіанами), которыхъ правительство „къ нему подсылало. Кому не извѣстно, что пра- „вительство (князь міра сего, дьяволъ, сказано „въ Евангеліи), развѣдавъ, что Христосъ соединился

*) (Матѳ. XXVI, 51—55). Когда взяли Іисуса, одинъ изъ бывшихъ съ нимъ: извлекъ ножъ и нанесъ ударъ рабу Архіерееву, порубилъ ему ухо: „Тогда сказалъ ему Іисусъ: возврати ножъ твой на свое мѣсто; всѣ бо обнажившіе ножъ, ножомъ погибнутъ. Не мнишь ли ты, что не могу нынѣ умолить Отца Моего и представитъ мнѣ болѣе двѣнадцати легіоновъ Ангеловъ, но какъ тогда сбудутся Писанія, ибо пободаетъ всему этому быти.

„съ Іоанномъ Крестителемъ, который самъ имѣлъ „большое число послѣдователей, развѣдавъ также, „что Христосъ находился въ крайней нищетѣ*) по„пыталось переманить его на свою сторону, прель„щая, („искушая“) его предложеніемъ ему вла„сти, т. е. высокаго, важнаго мѣста въ правленіи? „Кому неизвѣстно, что Христосъ отослалъ „искуси„теля“ къ „чорту?“

Авторъ, какъ видите, прикидывается будто не понимаетъ, что Спаситель, называя дьявола княземъ міра сего, разумѣетъ подъ этимъ именемъ сатанинскую силу, господствующую въ мірѣ. Самъ Господь Іисусъ Христосъ, пришедшій на землю разрушить дѣла діавола, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, постоянно боролся съ этою силой, съ самаго начала проповѣди, подвергшись искушеніямъ діавола въ пустынѣ, потомъ изгоняя много разъ бѣсовъ изъ одержимыхъ ими людей и до са-

*) (Ев. Маѳ. IV. 1. 2. 3.) Тогда Іисусъ возведенъ бысть духомъ въ пустыню искуситися отъ діавола. — И постившеся дней четыредесятъ и нощей четыредесятъ, на послѣдокъ взалкалъ. И приступилъ къ нему искуситель и проч., и проч.

маго конца дней Своихъ, когда діаволъ вошелъ въ сердце предателя Іуды, чтобы погубить Іисуса, Который говоритъ о силѣ діавола, какъ о торжествующей въ эту минуту: „Ктому не много„глаголю съ вами: грядетъ бо сего міра „князь и во Мнѣ не имать ничесоже.“ (Ев. Іоан. гл. 14. ст. 30.); а когда взяли Іисуса, Онъ говоритъ пришедшимъ Архіереямъ, Воеводамъ церковнымъ и старцамъ: всякій день я былъ съ вами въ Церкви и не возложили рукъ на Меня, но теперь настала ваша пора (година) и область темная (Луки гл. XXII, 52—54.). Философу, соціалисту и притомъ, какъ видно, глубокому матеріалисту — конечно странно было бы признать существованіе діавола и духовъ злобы, но такъ какъ о нихъ безпрерывно упоминается въ Евангеліи, въ которомъ автору непремѣнно хочется найти опору для своихъ революціонныхъ бредней — и какъ по этому ему нельзя не признать всѣхъ Евангельскихъ событій за истинныя, то онъ придумываетъ вотъ какую уловку: — представляетъ, что княземъ міра сего — діаволомъ Спаситель называетъ Правительство — и вотъ демонъ-

искуситель, являвшійся Господу въ пустынѣ, переносившій Его на вершину горы и потомъ на высоту Храма церковнаго, и обольщавшій Его славою міра, представляется у автора какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ, подосланнымъ отъ Правительства, чтобы шпіонить Іисуса и переманить Его на свою сторону.

Какое дѣло автору, что въ это время еще и не началось преслѣдованіе Іисуса Христа, потому что Онъ еще не вступилъ на проповѣдь и не имѣлъ послѣдователей, какое дѣло, что изъ нелѣпаго предположенія о діаволѣ, какъ агентѣ Правительства — являются тысячи необъяснимыхъ несообразностей и въ дѣйствіяхъ Спасителя, каковы многочисленныя изгнанія бѣсовъ и въ рѣчахъ Его — когда Онъ говоритъ о сатанѣ, вельзевулѣ князѣ бѣсовскомъ, діаволѣ — князѣ міра сего? Авторъ не обратилъ даже вниманія и на тотъ поразительный фактъ, что когда книжники, законники (ученые того времени) предали Спасителя на казнь, то одно Правительство въ лицѣ Пилата приняло Іисуса Христа подъ свое покровительство, признавая Его всенародно невиннымъ, и стараясь освободить Его отъ

ярости безумнаго народа, — поджигаемаго книжниками.

Впрочемъ смѣшно бы было искать какой нибудь логической послѣдовательности и истины въ революціонной логикѣ, — вѣдь не напрасно-же она до того революціонна, что приводитъ въ изумленіе самаго Искандера. Но вооружимся терпѣніемъ и выслушаемъ до конца всѣ доводы, взятые авторомъ изъ Евангелія, для поддержанія своей жалкой соціальной теоріи, — чтобы обнять ее со всѣхъ сторонъ и имѣть право произнести ей приговоръ.

„Кому не извѣстно," продолжаетъ авторъ, „что „тѣже самые лазутчики-шпіоны подъѣхали однажды къ нему съ вопросомъ; А какъ по вашему: „слѣдуетъ ли платить подати Царю? — Христосъ, „познавъ ихъ лукавство, отвѣчалъ: лицемѣры! „что искушаете (шпіоните) вы меня? Покажите „мнѣ монету платимую въ подать. — Они подали „ему динарій. Чье изображеніе, чья надпись „тутъ? спросилъ Онъ ихъ. Кесаря. — Ну „такъ отдавайте кесарю что кесарево, а „Богу что Божіе!! — И лазутчики," говоритъ Евангелистъ, — „ушли смущенные."

„Но, благодаря попамъ, умышленно читающимъ „скороговоркою нѣкоторыя мѣста Евангелія, многіе „упускаютъ изъ виду, что Христосъ именно съ „гнѣвомъ, съ негодованіемъ высказалъ знаменитое „кесарю кесарево,“ что онъ далъ имъ понять, „чтобъ они убирались, отстали отъ него, не на-„доѣдали ему ихъ кесаремъ и всѣмъ, что къ ке-„сарю относится. А между-тѣмъ это вовсе не „иносказательно высказано въ Еванг. Матѳ. XXII, „ст. 15, 16, 18. Еванг. Марка XII, ст. 13, 15, осо-„бенно-же явственно у Матѳея въ гл. XVII, ст. „24—27.“

Снова обращаемся къ Евангелію, отыскиваемъ цитируемыя авторомъ мѣста и не находимъ, ни одного слова о гнѣвѣ и негодованіи Спасителя, словомъ ничего, о чемъ будто-бы умышленно, скороговоркою читаютъ наши священники. Если же и допустить, что въ словахъ Господа, приведенныхъ выше самимъ авторомъ, скрывается негодованіе, то очевидно, что оно возбужено было лицемѣріемъ книжниковъ (ученыхъ), которые сами очень хорошо понимали, что необходимо платить подать Царю, равно какъ и воздавать должное почитаніе Богу, —

но лукаво испытывали Іисуса Христа: — не отвергнетъ ли Онъ, изъ угожденія народу, обязанности платить дань Кесарю Римскому, тяготившую Израильскій народъ и тогда Его бы уличили въ возмущеніи противъ Царской власти. Но Господь изобличилъ лукавство вопрошающихъ и смутилъ ихъ мудрымъ отвѣтомъ.

Наконецъ изъ событія въ Капернаумѣ, на которое въ особенности опирается авторъ, еще поразительнѣе видно уваженіе, — какое обнаруживаетъ Спаситель къ государственнымъ повинностямъ: — Изъ вопроса сборщика податей, обращеннаго къ Апостолу Петру: „учитель вашъ не дастъ ли двѣ драхмы“ — замѣтно, что они не считали Іисуса Христа въ числѣ людей, обязанныхъ платить подать — быть можетъ потому, что Онъ происходилъ отъ Царскаго рода, что можно отчасти заключить изъ словъ Спасителя къ Петру: „какъ тебѣ кажется Симонъ: Цари земные съ кого получаютъ дань, (или подать,) съ своихъ ли сыновъ или чужихъ? Петръ говоритъ Ему: съ чужихъ. Іисусъ сказалъ ему: и такъ сыны свободны!... Но чтобы вамъ

не соблазнить ихъ, поди на море, брось уду и первую рыбу, которая попадется, — возми и открывъ у ней ротъ, найдешь статиръ (4 драхмы), взявъ, отдай за Меня и за себя.“

Если бы кто нибудь, по закону или обычаю изъятый лично отъ обязанности платить подать, для того только заплатилъ ее, чтобъ не соблазнить кого либо своимъ примѣромъ; — то мы, по простой логикѣ, называемой здравымъ смысломъ, заключили бы, что человѣкъ этотъ чрезвычайно высоко чтитъ гражданскія обязанности, — въ отношеніи къ Правительству, опасаясь подать и малѣйшій поводъ другимъ къ нарушенію ихъ; но революціонная логика изъ такого точно событія въ Евангеліи, — не задумываясь выводитъ вотъ какое заключеніе: — Іисусъ Христосъ заплатилъ подать, которой не былъ обязанъ платить; — слѣдовательно платить подати не согласно съ Его ученіемъ! Есть ли хоть капля человѣческаго смысла въ этомъ выводѣ?

Тяжело продолжать эти выписки, перечитывать и переписывать возмутительныя лжи и нелѣпости, оскорбляющія нравственно-религіозное чувство и

унижающія бѣдный „разумъ“ человѣческій, во имя котораго они проповѣдаются. Но вооружимся терпѣніемъ, сдѣлаемъ еще одну, послѣднюю выписку, которая намъ кажется необходимою, чтобы вполнѣ выяснить себѣ сущность стремленія философіи революціи.

Авторъ продолжаетъ: „Христосъ наконецъ былъ „казненъ — какъ Государственный преступникъ, когда „правительству удалось подкупить измѣнника Іуду.“

„Но со смертію Христа не прекратилось распро- „страненіе и дѣйствіе“ Доброй вѣсти.“

„Когда вѣрная мысль возникаетъ въ человѣче- „ствѣ, распинать людей на крестахъ, вѣшать ихъ, „растрѣливать, ссылать на каторгу или сажать въ „тюрьмы — средства недостаточныя, чтобъ остано- „вить распространеніе мысли. По этому гоненія, „воздвигнутыя на Христіанъ императорами, какъ „они ни были свирѣпы, скорѣе способствовали тор- „жеству Евангелія, чѣмъ подѣйствовали во вредъ „ему. Поэтому Апостолъ Павелъ нанесъ гораздо „менѣе вреда ученію Христову, когда онъ, подъ „именемъ Саула, съ лютой яростью преслѣдовалъ „Христіанъ, — чѣмъ когда онъ, ставъ Апостоломъ,

„началъ искажать самую мысль Христа — втѣснивъ „въ нее пресловутое ученіе о необходимости пови-„новенія каждой власти. Этимъ онъ сдѣлалъ Хрис-„ту больше вреда, чѣмъ самъ Іуда Искаріотъ.“

„Господствующимъ сословіямъ удалось лишь „тогда совершенно затмить первоначальный, простой, „практическій смыслъ Евангелія, перетолковать его „въ свою выгоду, сдѣлать изъ него оплотъ своей „власти, — представить простолюдинамъ Іисуса „Христа какимъ-то приторно-чувствительнымъ „человѣкомъ, наговорившимъ будто бы множество „непонятныхъ вещей, относящихся не столько къ „этой жизни, сколько къ существованію загробному, „толковавшимъ будто бы преимущественно не о вод-„вореніи „царствія Божіяго“ на землѣ, а о цар-„ствіи Божіемъ за облаками; — имъ удалось от-„влечь умы отъ нравственныхъ общежитейскихъ „мыслей, содержащихся въ Евангеліи, направить „вниманіе людей на разборъ вопросовъ о могущихъ „быть отношеніяхъ между Богомъ Отцемъ, Богомъ „Сыномъ, Богомъ Духомъ Святымъ, Богородицею, „Ангелами и. т. д. — словомъ сдѣлать изъ хри-„стіанскаго ученія ученіе совершенно языческое; —

„это окончательно удалось господствующимъ сосло-
„віямъ, когда произошелъ въ Римской имперіи тотъ
„огромный переворотъ, который называется въ
„исторіи переселеніемъ народовъ. Христіанство пало
„вмѣстѣ съ древнимъ, классическимъ міромъ, въ
„которомъ оно возникло. — Правда и то и другое
„впослѣдствіи воскресли; но сперва было возста-
„новлено языческое, государственное воззрѣніе древ-
„нихъ; потомъ лишь стало возставать изъ мерт-
„выхъ и Христово воззрѣніе. Можно съ Бѣлинс-
„кимъ утвердительно сказать, что подлинное зна-
„ченіе Евангельскаго ученія стало воскресать лишь
„съ конца прошедшаго столѣтія.“

Что это такое — если не сцѣпленіе безстыдныхъ лжей и нелѣпостей — столько же противныхъ исторіи Христіанства, сколько и здравому смыслу?

Если бы Апостолъ Павелъ проповѣдывалъ повиновеніе властямъ не на основаніи ученія Христа Спасителя, а изъ угожденія Правительствамъ, или господствующимъ классамъ Римскаго міра, то власти безъ сомнѣнія приняли бы его самого и его ученіе подъ свое покровительство. Почему-же съ самаго вступленія своего на проповѣдь Христіанства,

онъ подвергается постоянно преслѣдованіямъ, много разъ тюрьмѣ, и разнаго рода истязаніямъ и наконецъ предается смертной казни, какъ ревностный послѣдователь Богочеловѣка, Котораго ученіе онъ проповѣдывалъ.

Изъ жетокаго гонителя Христіанства Св. Павелъ сдѣлался Апостоломъ тогда уже, когда другіе Апостолы и Ученики Господа распространяли въ мірѣ Его Божественное ученіе. Безъ сомнѣнія если бы онъ въ чемъ либо уклонился отъ него, — и сталъ превратно его толковать и проповѣдывать, то не только Апостолы, но и всѣ послѣдователи Спасителя, которыхъ въ то время было уже множество и которые приняли это ученіе изъ устъ Самого Іисуса Христа или изъ устъ Его первыхъ Учениковъ и Апостоловъ — обличили бы заблужденіе Павла, и это не могло бы не обнаружиться въ разногласіи между ученіемъ его и ученіемъ всѣхъ прочихъ Апостоловъ и Учениковъ Христовыхъ — между тѣмъ какъ мы вездѣ видимъ между ними полное, совершенное единодушіе въ проповѣдываніи слова Божія.

Наконецъ, послѣ мученической смерти Апостола Павла, болѣе трехсотъ лѣтъ продолжались страшныя

гоненія на Христіанъ. Ихъ преслѣдовали по всему пространству Римскаго древняго міра, подвергали неслыханнымъ истязаніямъ, пыткамъ и мукамъ; истребляли ихъ поодиночно и массами, тысячами и десятками тысячь, и чѣмъ болѣе истребляли, тѣмъ болѣе расло число мужественныхъ исповѣдниковъ истины. Они геройски за нее умирали на кострахъ, на крестахъ, въ циркахъ, разтерзываемые лютыми звѣрями, на улицахъ и площадяхъ подъ ножами Римскихъ воиновъ, лютѣйшихъ чѣмъ звѣри. И во все это время не было ни одной попытки къ возстанію противъ властей. Что же заставляло эти полчища героевъ-мучениковъ, презиравшихъ смерть, смѣло проповѣдывавшихъ Божественную истину Евангелія въ лицо тирановъ, — предъ которыми трепеталъ міръ, — переносить на себѣ безмолвно всю тяжесть Римскаго деспотизма, если не глубокое убѣжденіе въ томъ, что возмущеніе противъ власти, даже языческой, противно ученію Христа Спасителя, за которое они подвизались?

Наконецъ откуда взялась у автора эта дикая мысль, что подлинное значеніе Христіанской вѣры, искаженное будто бы Апостоломъ Павломъ, утра-

тилось съ самаго начала Христіанства и воскресло уже въ концѣ прошлаго столѣтія, т. е. во время господства безбожной философіи энциклопедистовъ, когда отвергалась нетолько Вѣра въ Христа Спасителя, но и Вѣра въ Бога, когда атеизмъ проповѣдывался открыто въ просвѣщеннѣйшихъ Государствахъ — и Парижская Академія — представительница высшей Европейской учености — торжественно отвергала бытіе Божіе*).

Множество выписокъ приведенныхъ нами, заключающихъ всю сущность революціонной теоріи соціализма, даютъ о ней полное понятіе и избавляютъ насъ отъ труда продолжать дальнѣйшій разборъ.

---

*) Когда Бернарденъ де Сен-Піеръ, которому поручено было представить Институту мнѣніе свое о предметахъ нравственности, осмѣлился заговорить о Богѣ, — на него со всѣхъ концевъ залы посыпались ругательства. Одни свистали и спрашивали: „гдѣ онъ видѣлъ Бога и какую Богъ имѣетъ фигуру.“ Другіе упрекали его въ легкомысліи, самые спокойные смотрѣли на него съ презрѣніемъ, называли человѣкомъ слабымъ и суевѣрнымъ и грозили изгнаніемъ изъ общества, нѣкоторые даже хотѣли вызвать его на дуель, чтобы доказать что Бога нѣтъ! Bernard de S. Pierre, Oeuvres t. I p. 245.

Довольно сказать, что цѣль сочиненія: представить во 1хъ, какъ мы выше видѣли, что Государство есть какой то тайный заговоръ имущихъ противъ неимущихъ, Правительствъ противъ народовъ; во 2хъ, что оно (Государство) противно Евангельскому ученію, которымъ будто бы проповѣдывалось уничтоженіе права собственности, властей и всего существующаго гражданскаго устройства Государствъ; въ 2хъ, что благосостояніе тогда только распространится во всѣхъ сословіяхъ народа, когда осуществятся соціальныя теоріи Сенъ-Симона, Фурье, Кабе и Прудона (стр. 35), т. е. уничтожено будетъ ненавистное право личной собственности движимой и недвижимой, посредствомъ котораго богатые люди угнетаютъ бѣдныхъ, меньшинство живетъ и наслаждается довольствомъ на счетъ большинства, обреченнаго на трудъ и нищету и когда, вмѣсто собственности, — установлено будетъ (стр. 49.) правильное раздѣленіе труда — между народами и людьми, подлежащее разсужденію и обсужденію на народныхъ собраніяхъ.

Смѣшно было бы придавать важность и какое либо научное значеніе этимъ фантастическимъ уто-

піямъ, скорѣе похожимъ на безсмысленныя грезы сновидѣнія, нежели на философскую теорію — какъ представляетъ ее Искандеръ; но, повторяемъ, нельзя не удивляться, вмѣстѣ съ нимъ, смѣлости и, по нашему, наглой дерзости и безсовѣстности революціонной логики; но гдѣ онъ нашелъ въ ней глубину: — рѣшительно не постигаемъ; — мы сколько не перечитывали статью — не нашли въ ней ни малѣйшаго признака ни глубины, ни возвышенности — посреди множества плоскостей.

Какое вліяніе можетъ имѣть революціонная пропаганда Искандера на русское общество.

Въ началѣ статьи мы замѣтили, что пропаганда Искандера представляетъ два направленія, несогласныя между собою: одно соціально-религіозное, которое мы сейчасъ разсмотрѣли въ разобранномъ нами сочиненіи, — другое обличительное, о которомъ мы сказали уже, что оно, не смотря на множество желчныхъ выходокъ, односторонность и преувеличенія, — обнаруживаетъ, хотя отчасти, и знаніе дѣла, и стремленіе къ раскрытію истины и

желаніе, лицемѣрное или искреннее, принести пользу отечеству. Какъ согласить эти два противуположныя направленія? какъ опредѣлить чего именно хочетъ Искандеръ отъ своихъ соотечественниковъ? къ чему стремится эта, къ стыду нашему, — Русская революціонная пропаганда?

У насъ большая часть образованнаго общества думаетъ, что Искандеръ съ его школою, по одной дикой страсти къ революціоннымъ волненіямъ, стремится, во что бы то ни стало, возмутить спокойствіе родного края, и предпринялъ свою разрушительную пропаганду, прикрытую личиною патріотизма, — для того только, чтобы предать отечество въ жертву революціонныхъ бурь — безвѣрія и анархіи, въ надеждѣ воспользоваться потомъ этимъ хаосомъ къ осуществленію своихъ соціальныхъ утопій.

Другіе думаютъ, что Искандеръ озлобленъ противъ нашего Правительства за преслѣдованія, которымъ онъ подвергался въ Россіи — и мститъ теперь ему своими революціонными сочиненіями.

Первое мнѣніе оправдывается всѣми дѣйствіями Искандера, о второмъ скажемъ, что если онъ и

терпѣлъ преслѣдованіе Правительства за свое революціонное направленіе, то, хотя онъ и представляетъ себя въ своихъ запискахъ (Тюрьма иссылка) чуть не святымъ въ этомъ дѣлѣ; но гибельное для общества такое направленіе его ума, — такъ рѣзко изобличилось теперь само собою въ нынѣшнихъ его сочиненіяхъ, что надо еще удивляться, — что Правительство, замѣтивъ въ немъ еще во время пребыванія его въ Россіи это направленіе, — ограничилось однимъ временнымъ удаленіемъ его изъ столицы въ отдаленныя губерніи. Во многихъ Европейскихъ Государствахъ съ нимъ поступили бы гораздо строже. А между тѣмъ не Россіи ли обязанъ Искандеръ весьма многимъ? Не въ Русскомъ ли университетѣ получилъ онъ образованіе? Не подъ покровительствомъ ли значительныхъ служебныхъ привиллегій, дарованныхъ **Императоромъ Николаемъ** ученому сословію и воспитанникамъ высшихъ заведеній, — молодой Герценъ пользовался даже почетнымъ мѣстомъ по службѣ, при всемъ своемъ нерадѣніи къ ней, — какъ самъ онъ сознается?

Не снисходительности ли даже — русской цен-

зуры — обязанъ онъ своею литературною извѣстностію и успѣхомъ своихъ первыхъ произведеній, пропитанныхъ соціальными идеями, — принесшими теперь такіе ядовитые плоды.

Не великодушію ли, наконецъ, Русскаго Правительства обязанъ онъ тѣмъ, что ему дозволено было выѣхать за границу и вывезти капиталы Яковлева, и не этимъ ли капиталамъ, пріобрѣтеннымъ предками Яковлева или отъ щедрости Русскаго Правительства, или тяжелыми трудами нѣсколькихъ поколѣній крѣпостныхъ крестьянъ Яковлевыхъ, — обязанъ онъ своимъ состояніемъ и даже своими матеріальными средствами проповѣдывать по всей Европѣ соціальную теорію противъ крѣпостныхъ крестьянъ и права наслѣдственной собственности?

Можетъ ли человѣкъ за всѣ такія благодѣянія заплатить злобой и ненавистью противъ отечества? Неужели человѣческое сердце способно къ такой чудовищной ненависти? Правда знаменитые изгнанники Греціи и Рима — Ѳемистоклъ и Коріоланъ тоже возненавидѣли свое отечество и сдѣлались его врагами, но это было чувство мщенія. Они мстили своимъ неблагодарнымъ согражданамъ во имя ве-

ликихъ заслугъ, которыя каждый изъ нихъ оказалъ своему отечеству.

Но гдѣ же Государственныя заслуги Русскаго добровольнаго изгнанника, ставшаго во главѣ заклятыхъ враговъ Россіи? что сдѣлалъ онъ, по крайней мѣрѣ, для того, чтобъ оправдать, хотя отчасти, тѣ благодѣянія, какими обязанъ отечеству онъ самъ и весь родъ его?

Нѣтъ! съ какой стороны ни посмотришь, нельзя допустить безпристрастно мысли, чтобы Искандеръ могъ питать злобу противъ своего отечества. — Напротивъ мы скорѣе готовы повѣрить, что его ѣдкія выходки противъ Св. Вѣры и Церкви происходятъ только отъ совершеннаго непониманія истиннаго значенія и сущности Божественной Религіи — и изъ несчастнаго его заблужденія въ томъ, что будто для успѣховъ Россіи на пути соціальнаго, умственнаго и нравственнаго прогресса, — надо разрушить господствующія у насъ религіозныя вѣрованія и уничтожить вліяніе Св. Церкви на общественную жизнь.

Останавливаясь на этой мысли, обращаемся къ вамъ самимъ, Г. Герценъ, и просимъ васъ выбрать

минуту, когда вы чувствуете себѣ спокойнѣе и свободнѣе отъ влiянiя своей социальной манiи, своей idée fixe, — минуту, когда сердце ваше съ любовiю обращается къ покинутой родинѣ, и просимъ подумать наединѣ съ самимъ собою и съ своею совѣстью, — какое дѣйствiе можетъ производить на умы и нравственность Русскаго общества ваша революцiонная пропаганда въ настоящее время. А мы пособимъ вамъ прослѣдить это влiянiе на нѣсколькихъ лицахъ изъ разныхъ кружковъ нашего общества.

Согласитесь, что для людей, съ твердою Вѣрою и истиннымъ благочестiемъ, которыхъ вся жизнь, вся дѣятельность общественная и семейная строго согласуется съ религiозными убѣжденiями, проникнута страхомъ Божiимъ, глубокой преданностью Церкви и благу отечества, для людей, которымъ вы сами, по этому, не можете отказать въ уваженiи — ваша революцiонная философiя, слѣпленная изъ такихъ плохихъ софизмовъ и направленная противъ Божественнаго Откровенiя, — покажется жалкимъ безумiемъ.

Слѣдовательно, если пропаганда ваша и найдетъ

сочувствіе въ какой нибудь части Русскаго общества, то развѣ между людьми съ слабой нравственностію и шаткими религіозными убѣжденіями, между людьми вообще легкомысленными и пустыми, которыхъ могутъ прельстить одни фразы, новизна и дерзость мыслей революціонной философіи и которые, обыкновенно, вовсе не способны ни усвоить себѣ какую бы то ни было отвлеченную идею, ни отвергнуть ее силою убѣжденія, и, всего скорѣе, между людьми вовсе развращенными, неимѣющими ни Религіи, ни совѣсти; и ни какихъ нравственныхъ правилъ. Посмотримъ же какое впечатлѣніе и какое дѣйствіе можетъ произвести на людей той и другой каттегоріи ваша революціонная пропаганда.

Представимъ себѣ, для примѣра, одно изъ тѣхъ лицъ, которые достигнувъ степеней извѣстныхъ — силою аристократическихъ связей и пронырства, называемаго свѣтскою ловкостію, а можетъ и другими не совсѣмъ чистыми путями, — сами видятъ, что не въ силахъ ни сочувствовать благимъ стремленіямъ Правительства, ни выполнять, какъ должно его предначертанія, — но не имѣютъ довольно совѣсти и страха Божія, чтобы, чувствуя свою не-

способность къ выполненію своихъ обязанностей, принести въ жертву общественному благу свои личныя выгоды и удалиться съ блестящаго поста, предоставивъ его другимъ болѣе способнымъ и достойнымъ людямъ.

Вотъ предъ нами одна изъ такимъ личностей: по сердцу это не совсѣмъ дурной человѣкъ, въ молодости онъ увлекся честолюбіемъ и блестящей обстановкой въ жизни, какую устроила ему судьба и, благодаря которой, не смотря на свою ограниченность, добился онъ значительнаго мѣста; но мѣсто это требуетъ и умственныхъ и нравственныхъ способностей далеко выше тѣхъ, какія онъ имѣетъ. Онъ видитъ, что его безхарактерность, недальновидность, неумѣніе выбирать людей и слѣдить за ихъ дѣйствіями, пораждаютъ много зла по управленію, которое ему ввѣрено. Видитъ, и поневолѣ вынужденъ употреблять всѣ возможныя уловки и хитрости, чтобы скрыть всѣ безпорядки и злоупотребленія по своей части отъ высшей власти и не обнаружить своей неспособности и недѣятельности, а зло отъ этого разумѣется, растетъ болѣе и болѣе. Часто однако пробуждается въ немъ совѣсть

и страхъ отвѣтственности предъ Богомъ такъ сильны, что онъ почти готовъ пожертвовать собою для блага общаго и добровольно удалиться съ своего поприща; но обаяніе почестей, блескъ богатства и отличій овладѣли мелкою душею и въ немъ возникаетъ тяжелая, упорная борьба страстей съ совѣстью, съ Вѣрой, съ страхомъ суда Божія; съ лѣтами страсти слабѣютъ, тревожныя мысли о смерти и вѣчности становятся безотвязнѣе, совѣсть и Вѣра готовы восторжествовать, наконецъ онъ рѣшается уступить свое мѣсто другому, даже быть можетъ тому, кого за умъ и дарованія прежде тѣснилъ всѣми способами, какъ опаснаго соперника, онъ хочетъ этимъ самопожертвованіемъ искупить предъ Богомъ и людьми, хотя отчасти, причиненное имъ зло; но вотъ попадаются ему въ руки ваши революціоныя сочиненія: жадно перечитываетъ онъ все, что касается Религіи и загробной жизни, вопросовъ тревожащихъ всего болѣе его умъ и сердце, и что же находитъ? что Религія есть не болѣе, какъ одно изъ множества соціальныхъ ученій, котораго истинный смыслъ открыли только недавно и то люди безъ всякой Вѣры. Что вѣчность и от-

вѣтственность за гробомъ — не болѣе какъ дѣтскія вѣрованія и проч. и проч. И вотъ нашъ бюрократъ, неспособный углубиться въ предметъ, не имѣя ни твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, ни достаточныхъ познаній въ Св. Писаніи, чтобъ опровергнуть софизмы и разоблачить ложь, мало по малу поддается увлеченію безбожной философіи, не смотря на всю ея лживость и чудовищныя нелѣпости. Мы такъ охотно вѣримъ всему, что только льститъ нашимъ страстямъ и слабостямъ! Мудрено-ли, если такой господинъ станетъ наконецъ разсуждать такъ: „чего же я такъ тревожилъ себя и мучилъ? — если „нѣтъ жизни за гробомъ, значитъ нѣтъ и отвѣт-„ственности. Мало ли что толкуетъ мнѣ духовникъ „мой и читаютъ въ Церкви о страшномъ судѣ Бо-„жіемъ? — Церковь сама, какъ доказываютъ ум-„ные люди, не понимаетъ ученія Христова, да и „Христово ученіе, — если это не Откровеніе Божіе, „то почему я долженъ ему слѣдовать? Изъ за „чего буду жертвовать всѣми наслажденіями остат-„ка своей жизни, лишать себя добровольно богат-„ства, почестей, власти, — съ которыми такъ „свыкся! какое мнѣ дѣло, что дѣла по управленію

„моему идутъ худо, если я умѣю представить ихъ „въ прекрасномъ видѣ? Какое мнѣ дѣло до об-„щественнаго блага? Если смѣшно жертвовать со-„бою изъ религіозныхъ вѣрованій, то еще смѣшнѣе „и глупѣе приносить себя въ жертву ради соціаль-„ныхъ утопій о народномъ благосостояніи и проч. „и проч."

И вотъ вы окончательно погубили человѣка, не совсѣмъ испорченнаго, уничтожили въ немъ добрыя, благородныя побужденія, бросили его въ омутъ сомнѣній, поблажающихъ страстямъ и порочнымъ наклонностямъ; онъ уже не думаетъ больше о томъ, чтобы предоставить мѣсто свое, для блага общаго, другимъ, болѣе способнымъ людямъ, а заботится только о томъ, чтобъ искуснѣе прикрыть все зло, которое рождается отъ его неспособности. И если этотъ человѣкъ занимаетъ такое мѣсто въ обществѣ, что отъ его нравственнаго направленія и образа дѣйствій зависитъ участь и благосостояніе многихъ, то сколько частныхъ бѣдствій и страданій можетъ онъ надѣлать подъ вліяніемъ вашей, убаюкивающей совѣсть, философіи, которая такимъ образомъ сама

порождаетъ то зло, противъ котораго вы вооружаетесь. —

Представимъ теперь другой примѣръ: передъ нами отъявленный мерзавецъ, — развращенный до глубины души; у него нѣтъ ни Вѣры, ни совѣсти, никакихъ нравственныхъ правилъ, но за то пропасть ума, хитрости и пронырства, посредствомъ которыхъ, разными темными путями, пробился онъ на значительную ступень въ бюрократическомъ мірѣ и, хитро обманывая всѣхъ своимъ лицемѣріемъ, ловко поддержирая связи и свой кредитъ предъ высшими властями, дѣлаетъ въ тайнѣ тьму мерзостей и беззаконій, отъ которыхъ страдаетъ все, что находится подъ его гибельнымъ вліяніемъ.

Такого человѣка ужъ не развратитъ никакая философія. Для него Вѣра и совѣсть, и добродѣтель, и честь, и благо общее, и справедливость, — одни пышныя слова, годныя умному человѣку только для того, чтобъ обманывать публику и прикрывать, гдѣ нужно, свои дѣйствія. Онъ совершенно согласенъ съ вашимъ взглядомъ въ отношеніи Вѣры и будущей жизни, о которой страшно было-бы ему помыслить и внутренно въ восторгѣ

отъ вашей философіи, хотя, быть можетъ, лицемѣрно и бранитъ васъ въ обществѣ, какъ революціонера, чтобъ выказать свой мнимо благонамѣренный консервативный образъ мыслей. Но вотъ въ одномъ изъ нумеровъ, положимъ Полярной звѣзды или Колокола, появляется статья, въ которой рѣзко обрисованъ этотъ господинъ, набросана его біографія, раскрыты гнусные пути, которыми проложилъ онъ себѣ дорогу, даже изобличены отчасти его преступныя дѣйствія, — но какъ на все это у васъ нѣтъ и не можетъ быть юридическихъ доказательствъ, потому что у этихъ людей все обдумано и предупреждено на всякой случай, — все обдѣлано такъ чисто, гладко и ловко, что трудно къ чему нибудь придраться, — то плутъ смѣется надъ вашей горячей противъ него филиппикой.

Смѣло является онъ въ кругу людей, на которыхъ обличительная статья ваша могла сдѣлать впечатлѣніе и поколебать довѣріе, — какимъ онъ пользуется въ обществѣ; онъ гордо держитъ себя и, повидимому, не обращаетъ никакого вниманія, если высшія лица, вмѣсто прежняго расположенія, — выказываютъ ему холодность и когда кто нибудь изъ

нихъ, желая поубавить спѣси наглеца, — спроситъ съ колкою улыбкою: „не читали ли вы такого-то „номера Полярной звѣзды или Колокола“ (разумѣется того самаго номера, гдѣ почтенный господинъ выведенъ на чистую воду). Онъ преспокойно отвѣчаетъ: „извините Ваше Превосходитель-„ство, я не читаю подобныхъ книгъ.“ „Со-„гласитесь однако,“ замѣчаетъ Его Превосходительство, „что тамъ есть отчасти и правда.“ — „По-„милуйте,“ отвѣчаетъ плутъ съ жаромъ, „можно „ли искать правды тамъ, гдѣ открыто про-„повѣдуется безбожіе, безначаліе, ниспро-„верженіе властей, гдѣ столько возмути-„тельной лжи, и клеветъ даже на Св. Цер-„ковь.“

„Признаюсь — я удивляюсь, что Ваше „Превосходительство читаете подобныя „книги и находите въ нихъ — хотя искру „правды.“

И вотъ ваша обличительная статья — уничтожена вашимъ же оружіемъ, — а негодяй сдѣлался еще смѣлѣе и самоувѣреннѣе прежняго. Онъ продолжаетъ попрежнему грабить изъ подтишка каз-

ну, обманывать Правительство — давить подчиненныхъ и притѣснять всѣхъ, кто имѣетъ въ немъ нужду или отъ него зависитъ, и чѣмъ больше дѣлаетъ въ тайнѣ зла, тѣмъ роскошнѣе и изящнѣе живетъ, привлекая къ себѣ знать пышностью и пуская всѣмъ пыль въ глаза личиной благонамѣренности, филантропіи и гуманности, не хуже казнокрадовъ, которые попадали на престуный путь не случайно, не по увлеченію молодости, а по глубокой развращенности ума и сердца и твердо шли этимъ путемъ съ такимъ расчетомъ, что если личина наконецъ будетъ сорвана и ихъ преступныя продѣлки выйдутъ наружу, то можно будетъ нѣсколькими золотниками яда или пороха и покончить съ жизнью, въ полной увѣренности, что вмѣстѣ съ жизнью, все кончено и что избѣжавъ отвѣтственности здѣсь, нечего страшиться тамъ.

Между тѣмъ господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, разсуждаетъ о вашей противъ него филиппикѣ такимъ образомъ: „какъ смѣшонъ и жалокъ этотъ „Искандеръ съ своей противъ меня сатирой и ѣд„кими намеками на тѣ, конечно не очень чистыя, „средства, какими я нажилъ себѣ богатство и втер-

„ся въ знать. Онъ, кажется, и не подозрѣваетъ, „что мы съ нимъ одного поля ягода, — только въ „различныхъ родахъ. Въ основаніи его философіи „и во всѣхъ его выходкахъ противъ Бога и Церкви „отражается такое же точно полное безвѣріе, — „какое лежитъ и у меня въ основаніи всѣхъ мо- „ихъ, — такъ называемыхъ, — злоупотребленій и, „пожалуй, преступленій, противъ которыхъ вопіетъ „онъ. И мы сходимся съ нимъ не только въ этихъ „основаніяхъ, но и въ стремленіяхъ къ общей цѣли, „которой добиваемся. Не вѣря въ будущую жизнь, „— мы оба думаемъ только о томъ, чтобъ насла- „диться настоящею, отвергая безсмертный духъ, — „оба заботимся только о грѣшной плоти, о Reha- „bilitation de la chair! какъ называетъ это Искан- „деръ. Его увлекаютъ извѣстность и деньги; меня „почести и деньги. Мы разнимся только въ сред- „ствахъ, — потому что находимся въ различныхъ „положеніяхъ. Ему, какъ литератору, попавши въ „Лондонъ въ числѣ революціонеровъ, всего выгод- „нѣе сдѣлаться предводителемъ Русской революціон- „ной школы, потому что въ нашъ развращенный „вѣкъ никакіе добросовѣстные ученые и литератур-

„ные труды не могутъ доставить столько извѣст-
„ности и денегъ, сколько революціонная пропаганда.
„Въ моемъ положеніи всего выгоднѣе дѣйствовать
„такъ, какъ я дѣйствую, чтобы достигнуть поче-
„стей и богатства. Правда, что я не разборчивъ
„на средства и мало думаю о томъ, выиграетъ или
„нѣтъ отъ моихъ дѣйствій общественное благосо-
„стояніе и не пострадаетъ ли кто нибудь невинно
„отъ моихъ продѣлокъ; а онъ развѣ думаетъ о
„томъ, сколько зла распространяетъ его безбожная
„философія, сколько честныхъ, но слабыхъ Вѣрою
„людей сдѣлаются по милости его негодяями, сколь-
„ко разрушитъ онъ дорогихъ вѣрованій, составляю-
„щихъ единственное счастіе въ жизни огромной
„массы бѣдняковъ."

„Онъ проповѣдуетъ прогрессъ, уничтоженіе дес-
„потизма и рабства, освобожденіе бѣдныхъ клас-
„совъ изъ подъ зависимости богатыхъ и, стараясь
„выказать свою благонамѣренность и любовь къ
„отечеству, изъ всѣхъ силъ выбивается, чтобы об-
„наружить существующія въ Россіи злоупотребленія
„администраціи, безнравственность служащихъ лицъ
„и проч."

„Я тоже, не хуже его, проповѣдую подчасъ „такія же прекрасныя вещи: безкорыстіе, преданность Престолу, общественное благосостояніе, бросаю деньги на филантропическія затѣи, и даже готовъ прикинуться, — гдѣ нужно, — набожнымъ и „благочестивымъ, — скрывая свой настоящій образъ „мыслей; потому что это также необходимо для „успѣха въ дѣлахъ моихъ, какъ Искандеру необходимо выказывать себя самымъ ярымъ атеистомъ „и жаркимъ патріотомъ, чтобы придать болѣе блеску, заманчивости и благовидности своей пропагандѣ“

„Наконецъ даже въ отношеніи къ своему отечеству, какъ граждане, мы оба находимся въ одинаковомъ положеніи. Попадись онъ въ руки Правительства и попадись я въ моихъ продѣлкахъ, — „и онъ и я очутимся въ Сибири на каторгѣ: стало-быть мы оба — будущіе каторжники, — если попадемся. А Богъ знаетъ, кто изъ насъ болѣе заслужилъ эту казнь; я ли, тѣмъ — что, злоупотребляя „закономъ, подъ защитою авторитета власти, грабилъ чужіе карманы и карманъ Правительства — „казну; или онъ, тѣмъ — что, злоупотребляя своимъ

„талантомъ и авторитетомъ науки, подъ защитою „недавнихъ враговъ Россіи, — грабитъ, окрадываетъ „души и сердца довѣрчивыхъ и легкомысленныхъ „людей, и старается подорвать ужъ не казну, а са- „мыя основанія Правительственной власти?...“

Какъ вамъ нравится эта логика негодяя, Г. Искандеръ, право она не хуже революціонной, которая такъ восхищаетъ васъ?

Но перейдемъ теперь къ меньшей братіи — къ огромной массѣ бѣдняковъ, за которыхъ такъ горячо вступается ваша соціальная философія, — и посмотримъ, не оказываетъ ли она хотя на нихъ какого нибудь добраго вліянія.

Вы жили въ разныхъ краяхъ Россіи и имѣли случай наблюдать за бытомъ разныхъ сословій — и, если пристально всматривались въ жизнь и нравы людей бѣдныхъ, то навѣрное не разъ поражены были замѣчательнымъ фактомъ: что въ громадной толпѣ этихъ тружениковъ, — которымъ тяжкій трудъ не доставляетъ иногда и самыхъ необходимыхъ средствъ къ жизни, посреди этихъ горюновъ, обреченныхъ съ дѣтства до могилы на безпрерывную борьбу съ лишеніями, скорбями, униженіями, а

иногда и съ нищетою, — часто встрѣчаются лица съ такимъ свѣтлымъ, веселымъ, такимъ добрымъ и довольнымъ выраженіемъ, которое рѣзко противорѣчитъ ихъ жалкой наружности, и въ которомъ есть что-то чрезвычайно привлекательное и вмѣстѣ загадочное для наблюдательнаго взора. И если вы старались добраться, откуда берется у этихъ людей такое завидное довольство своей судьбой, какого никогда почти не встрѣтимъ на лицахъ богачей, утопающихъ въ роскоши, довольство безъ малѣйшей примѣси гордости, а напротивъ — исполненное кротости и доброты, то вы навѣрное замѣтили, что эти люди отличаются всегда чистою, безукоризненною нравственностію; а если вамъ случалось знакомиться съ кѣмъ нибудь изъ нихъ покороче, то вы не могли не замѣтить, что эти люди всегда глубоковѣрующіе, люди живущіе, какъ говорится, въ страхѣ Божіемъ.

И это совершенно естественно: только горячая Вѣра въ Господа Іисуса Христа вноситъ спокойствіе, тихое довольство, кротость и любовь въ сердца несчастливцевъ посреди всѣхъ горестей, нуждъ и тягостей жизни, только страхъ Божій, глубоко про-

никшій сердце бѣдняка-горемыки, можетъ сохранить его нравственно-чистымъ посреди всѣхъ порочныхъ искушеній, которымъ на каждомъ шагу онъ подвергается въ жизни.

Представьте же себѣ, что кому нибудь изъ этихъ бѣдняковъ-счастливцевъ попадается въ руки ваша соціальная философія, не постыдившаяся представить Богочеловѣка какимъ-то демагогомъ, возмущающимъ народъ противъ Правительства — для осуществленія какой-то темной и невыразимо нелѣпой утопіи. Человѣкъ съ твердыми религіозными убѣжденіями и хоть немного развитымъ умомъ конечно съ отвращеніемъ броситъ книгу и можетъ быть пожалѣетъ объ издателѣ и сотрудникахъ, принимая эти дикія фантазіи за помѣшательство ума; но вѣдь не для этого же вы пишете и издаете ваши революціонныя книги; вамъ нужно, чтобы васъ читали и вамъ вѣрили. Что же, если въ самомъ дѣлѣ найдутся бѣдные люди, слабые умомъ и Вѣрою, которые станутъ читать васъ съ увлеченіемъ, обольщаясь вашими софизмами и вашимъ сочувствіемъ къ ихъ участи.

Что если удастся вамъ поколебать въ нихъ свя-

тыя вѣрованія и разрушить то внутреннее счастіе, которымъ наслаждались они, наперекоръ жестокой судьбѣ своей, вѣдь вы ограбите нищихъ, отнимите единственное сокровище отраду, и утѣшеніе въ жизни несчастливцевъ, — и что же дадите вы имъ въ замѣнъ всего этого? неужели ваши соціальныя мечты? — но соберите все, что было писано соціалистами со временъ Платона о равенствѣ людей, объ идеальныхъ республикахъ, комунахъ, фаланстеріяхъ и разнаго рода фантастическихъ устройствахъ общества, придуманныхъ съ цѣлью уничтожить на землѣ бѣдность, и поставьте рядомъ со всѣми этими утопіями кроткое ученіе Богочеловѣка, прислушайтесь сердцемъ къ этимъ, — дышащимъ Божественною любовію, — словамъ, взывающимъ къ бѣдствующей половинѣ человѣчества: „Пріидите ко Мнѣ „вси труждающіися и обремененніи и Азъ „упокою вы, возмите иго Мое на себе „и научитеся отъ Мене, яко кротокъ „есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете по„кой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо „и бремя Мое легко есть“ (Ев. Матѳ. гл. XI ст. 28—30.).

Неужели не чувствуете вы, какъ самыя блестящія теоріи соціалистовъ становятся жалки, безсмысленны возлѣ этихъ нѣсколькихъ словъ, открывающихъ честному труженику и невинному страдальцу безконечный міръ надеждъ, успокоенія, отрады и любви.

Вы сознаетесь сами, что, не смотря на отсутствіе всякихъ религіозныхъ убѣжденій съ самаго дѣтства, не могли читать Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ, безъ искренняго глубокаго уваженія къ читаемому и что во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ — когда возвращались вы къ чтенію Евангелія, всякій разъ содержаніе его низводило миръ и кротость на вашу душу (Поляр. зв. кн. 1ᵃ. стр. 84.).

Удивительно, какъ, при такомъ благотворномъ вліяніи на васъ Евангелія и при вашемъ умѣ, могли вы увлечься жалкой теоріею соціализма, основанной на безвѣріи и рѣшились проповѣдывать ее своимъ соотечественникамъ. Непостижимо, какъ при чтеніи Евангелія не поразили васъ эти грозно-пророческія слова Спасителя: „горе тому его же ради со-„блазнъ приходитъ. Уне ему было-бы,

„аще жерновъ оселскій облежалъ бы о выи „его и вверженъ въ море, неже да соблаз- „нитъ отъ малыхъ сихъ единаго“ (Ев. Луки гл. XVII, ст. 1 и 2.).

ЗАТМѢНІЕ „ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ.“

6

Думы Русскаго человѣка о Полярной звѣздѣ.

(Книжкахъ 1й и 2й 1855 и 1856 года.)

Есть книги, которыя читаются съ цѣлію извлечь изъ нихъ какое нибудь назиданіе или наставленіе; есть книги, которыя читаются для одного удовольствія и пріятнаго препровожденія времени, и есть наконецъ книги, которыя, кажется, читаются единственно для того только, чтобы извлечь изъ нихъ какой нибудь вредъ для ума или для сердца. Нечему удивляться, если читаются книги перваго и втораго разряда: кто жь не желаетъ знать что нибудь полезное или назидательное? — Это — сладкая пища для сердца и души. Кому также не пріятно послѣ обыденныхъ трудовъ и серьезныхъ занятій прочитать какую нибудь, если не полезную, то, по крайней мѣрѣ, занимательную книгу? — Это — сладкій отдыхъ послѣ трудовъ. Но

нельзя довольно надивиться, если читаются вредныя книги, а, видно, читаются и онѣ: иначе ихъ не писали бы...

Къ этому-то послѣднему разряду книгъ должно отнести и Полярную Звѣзду, издаваемую Искандеромъ въ Лондонѣ на Русскомъ языкѣ, — и ее, безъ сомнѣнія, читаютъ: иначе зачѣмъ бы ей и являться на свѣтъ?... Почему же читаютъ? — Всѣ вообще пороки, безъ сомнѣнія, гнусны, безобразны, отвратительны, вредны, и, между тѣмъ, каждый изъ нихъ имѣетъ свою какую-то прелесть, конечно, мнимую, обманчивую, но тѣмъ не менѣе способную привлекать къ себѣ людей: иначе люди не грѣшили бы. Подобнымъ образомъ могутъ дѣйствовать на человѣка и вредныя книги, обольщая и увлекая его своимъ мнимымъ достоинствомъ: иначе ихъ не читали бы. Нѣтъ сомнѣнія, человѣкъ положительный, твердый въ нравственныхъ и религіозныхъ началахъ, никогда не увлечется подобными книгами: онъ подобенъ опытному химику, который, разлагая какое нибудь ядовитое вещество на составныя его части, не боится яда, потому что онъ хорошо знаетъ, что тутъ ядовито, и что без-

вредно. Но каждый ли читатель — такой опытный химикъ?... Умъ молодой, шаткій, мечтательный, не твердый въ правилахъ Религіи и нравственности, развѣ не можетъ увлекаться подобными книгами? Спросите у опыта, — и онъ скажетъ, что это было и есть. Между тѣмъ долгъ каждаго благомыслящаго Христіанина — по возможности предохранять собрата отъ подобныхъ обольщеній. И вотъ единственная цѣль, съ которою мы рѣшились прочитать двѣ книжки Полярной Звѣзды, и представить на судъ читающей публикѣ свои мысли о ней, тѣмъ болѣе, что объ этой „Звѣздѣ" носятся часто глухіе, неопредѣленные слухи, а въ самой „Звѣздѣ" помѣщено даже письмо, въ которомъ кто-то будто даже изъ Русскихъ расточаетъ похвалы „Звѣздѣ" Искандера, и увѣряетъ его, будто она читается съ горячимъ сочувствіемъ и увлеченіемъ*). — Пожалѣемъ о такихъ читателяхъ и приступимъ къ дѣлу.

Содержаніе двухъ книжекъ Полярной Звѣзды очень разнообразно. Чего тутъ нѣтъ? Тутъ есть и письма и переписка всякаго рода; тутъ есть и

---

*) См. 2 кн. Пол. Звѣзды стр. 252.

разныя разсужденія (наприм. „что такое Государ-„ство?" „Нѣтъ соціализма безъ республики"... „Мѣсто Россіи на всемірной выставкѣ" и пр.); тутъ есть разныя стихотворенія Пушкина, Рылѣева, Лермонтова, неизданныя въ Россіи; тутъ есть разныя думы и пр. и пр. Но какъ ни разнообразны статьи по содержанію, — всѣ онѣ связаны между собою единствомъ цѣли, которую предположилъ себѣ редакторъ „Звѣзды", и которую онъ выразилъ такъ: „у насъ нѣтъ никакой системы, никакого ученія.... „Мы приглашаемъ (къ участію въ Звѣздѣ) всѣхъ, „и исключаемъ изъ нея одно то, что будетъ „писано въ смыслѣ самодержавнаго прави-„тельства, съ цѣлью упрочить соверменный „порядокъ дѣлъ въ Россіи: ибо всѣ усилія на-„ши только къ тому и устремлены, чтобъ его за-„мѣнить свободными и народными учреж-„деніями*)." И вотъ все, что должно быть особенно дорого и священно для сердца каждаго Русскаго, — все это редакторъ, вѣрный своей цѣли, старается здѣсь всѣми силами подорвать, осмѣять,

*) См. кн. 1. стр. 230. —

извратить. Для Русскаго дорого наприм. Государство и власти въ немъ поставленныя; дорого Слово Божіе, которымъ, какъ духовнымъ хлѣбомъ, онъ питается, дорога Св. Церковь, которая составляетъ какъ бы душу и всегда служила опорою Государства, — и противъ этихъ-то предметовъ близкихъ къ намъ и священныхъ для всѣхъ честныхъ людей, онъ преимущественно и возстаетъ въ своей мрачной „Звѣздѣ"...

Вотъ что здѣсь говорится наприм. о Государствѣ. „Какой нибудь сильный, какъ разбойникъ, нападаетъ на извѣстныхъ людей, побѣждаетъ ихъ, и, отнимая ихъ собственность, не убиваетъ ихъ, а удѣляетъ имъ часть ихъ же собственности, чтобы они изъ ней удѣляли еще ему, удѣляетъ, какъ милость, потому что могъ бы отнять совсѣмъ, могъ бы убить ихъ" *). — Такъ здѣсь объясняется происхожденіе каждаго Государства!.. Но тутъ же говорится еще: „государство вообще есть торговое общество, гдѣ подданные работаютъ въ потѣ лица, и отдаютъ правительству подать, изъ которой оно беретъ себѣ жалованье, а за то даетъ имъ умъ,

*) См. кн. 1 стр. 22.

мысли, направленіе воли"*). „Но какъ можно честнымъ образомъ брать деньги за умъ, за мысли, за сужденія? Каждый можетъ разсчитать, сколько ему нужно времени и труда, чтобы произвесть кусокъ хлѣба. Но кто можетъ измѣрить, сколько ему нужно было труда и времени для того, чтобы набресть на умную, или на глупую, истинную или ложную мысль, на вдохновеніе? И, сверхъ того, развѣ мысли уменьшаются, убываютъ отъ того, что ими подѣлишься, такъ какъ убываетъ кусокъ хлѣба, когда имъ подѣлишься съ другимъ"**)?

Не много нужно ума, чтобы понять всю шаткость, всю неосновательность подобныхъ разсужденій. Кто-жъ изъ здравомыслящихъ скажетъ, что каждый основатель Государства есть какой-то разбойникъ, который напалъ на извѣстныхъ людей, одолѣлъ ихъ, отнялъ ихъ имущество, удѣлилъ имъ потомъ только часть ихъ же собственности, заставилъ ихъ работать въ свою пользу, — и вотъ образовался властитель, и вотъ появи-

---

*) См. кн. 1. стр. 17.
**) См. тамъ же стр. 18.

лись и его подданные? Государство ли это? Нѣтъ; это — не Государство; это — шайка разбойниковъ, смѣшанная со скопищемъ невольниковъ. Да и долго ли могла бы существовать такая шайка? — Чтобы извѣстное общество могло долго и прочно существовать, — для этого необходимы, между прочимъ, два условія, — это — 1, сочувствіе, взаимная любовь, соединяющая, скрѣпляющая членовъ общества между собою, и 2, взаимная нужда членовъ другъ въ другѣ. Но какое же сочувствіе, какая любовь можетъ быть между разбойникомъ ограбившимъ и невольниками ограбленными?... И пусть разбойникъ имѣетъ нужду въ невольникахъ: но какую нужду могутъ имѣть невольники въ разбойникѣ? Итакъ что же сталось бы съ этимъ обществомъ? Очевидно, невольники при первой возможности разбѣжались бы, — и разбойникъ остался бы одинъ съ разбойничьими чувствами; общество исчезло бы.... А между тѣмъ Государства существуютъ не годы, а цѣлыя столѣтія. Отъ чего же это? Отъ того, что они совсѣмъ не такъ образовались, какъ представляетъ себѣ уродливое воображеніе Искандера и его сотрудниковъ. Государство есть соеди-

неніе многихъ семействъ, связанныхъ, подъ однимъ высшимъ начальствомъ, въ одно цѣлое для общаго блага и взаимной безопасности. Являются на землѣ по волѣ Божіей семейства, и соединяются между собою союзомъ единой власти, союзомъ взаимной любви и родства, взаимныхъ нуждъ и общей пользы, — и вотъ изъ семействъ образуется уже племя. Размножаются племена, и по тѣмъ же причинамъ опять соединяются между собою, — и вотъ является Государство. — Взглянемъ въ Свящ. Писаніе. Вотъ, на прим. Аврааму, благочестивому отцу семейства, почти только-что начинающагося, Богъ говоритъ: возращу тя зѣло, зѣло, и положу тя въ народы, и Царіе изъ тебе изыдутъ (Быт. 17, 6), — и вотъ, по волѣ Божіей, семейство Авраама растетъ все больше и больше, вотъ вмѣсто семейства является уже цѣлый народъ Еврейскій, — вотъ наконецъ — и Царство Еврейское, въ которомъ Самъ Богъ даетъ законы для Правителей и подчиненныхъ, Самъ возводитъ своихъ избранниковъ въ санъ Правителей народа, Самъ видимо принимаетъ во всемъ такое участіе, что каждому приходитъ на мысль, что точно: Вышній вла-

дѣетъ Царствомъ человѣческимъ (Дан. 4, 22). Вотъ Царство человѣческое! Есть ли въ немъ какое нибудь сходство съ государствомъ, описаннымъ въ Полярной Звѣздѣ?...

Полярная Звѣзда называетъ каждое государство торговымъ обществомъ, гдѣ будто бы подданные трудятся въ потѣ лица, а власти только за нихъ думаютъ, и изумляется тому, что власти берутъ деньги за умъ, за мысли и пр. Государство — торговое общество! Какъ это понимать? Если такъ, что Государство есть общество, въ которомъ для общей пользы происходитъ мѣна услугъ, т. е. въ немъ Царь нуждается въ подданныхъ, а подданные въ Царѣ; власти нуждаются въ подвластныхъ, а подвластные во властяхъ; Царь и власти служатъ подчиненнымъ, подчиненные служатъ Царю и властямъ; — это — мысль вѣрная; такъ и должно быть, чтобы общество могло быть обществомъ. Но назвать Государство обществомъ чисто-торговымъ, въ которомъ будто бы происходитъ какой-то торгъ, и больше ничего, — это — явная ложь! „Звѣздѣ" кажется страннымъ то, что подданные трудятся въ потѣ лица, а власти только думаютъ за

нихъ, и за думы, за мысли свои берутъ съ подданныхъ подать, какъ будто мысль можно продавать за деньги, и какъ будто она убавится, когда съ кѣмъ нибудь ею подѣлишься. — А кажется, что тутъ страннаго? — Тяжело въ потѣ лица добывать хлѣбъ: а развѣ легко выработывать мысли, которыя бы могли принести истинную пользу добывающимъ хлѣбъ? Кто мыслилъ, и мыслилъ серьезно, мыслилъ сколько для собственнаго блага, столько же и для блага общаго, — тотъ знаетъ, дешево ли, легко ли достаются подобныя мысли . . . Нечего, кажется, удивляться даже и тому, если, какъ выражается „Звѣзда,“ власти за подчиненныхъ думаютъ и за думы берутъ съ нихъ подать или жалованье. Правда, мысль не товаръ; правда, она не убавится, когда ею подѣлишься съ другимъ. Но что же будетъ съ мыслителемъ, который, мысля, не будетъ имѣть возможности и досуга самъ добывать хлѣбъ, и между тѣмъ добывающій хлѣбъ, для котораго онъ мыслитъ, откажетъ ему въ хлѣбѣ? Вѣдь у голоднаго не мысль, а хлѣбъ на умѣ, и вотъ онъ, бѣдный труженникъ, или долженъ будетъ умереть отъ голода, если не хочетъ разстаться съ мышленіемъ для блага

другихъ, или долженъ разстаться съ мышленіемъ, если не хочетъ умереть отъ голода. Худо, если всѣ начнутъ только разсуждать и перестанутъ заботиться о добываніи хлѣба; но худо, если всѣ примутся за добываніе хлѣба и перестанутъ разсуждать для общаго блага... А между тѣмъ земледѣльцу наприм. недосугъ за плугомъ размышлять о какихъ нибудь средствахъ для улучшенія общественнаго быта, для открытія рынковъ, гдѣ продать хлѣбъ; иначе онъ борозду испортитъ; равно и мыслящему о средствахъ для улучшенія общественнаго быта недосугъ пахать землю.

Мы хотѣли было еще выставить на видъ нѣсколько странныхъ мыслей „Звѣзды" о Государствѣ; но насъ останавливаетъ одинъ изъ горячихъ почитателей Искандера; онъ пишетъ ему: „статью о государствѣ вы называете превосходною; вы перечитывали ее десять разъ. У насъ въ Россіи, думаю, едва ли она будетъ понятна; едва ли дочтутъ до конца такую темную, безплодную метафизику*)." Послѣ такого невыгоднаго отзыва одного изъ дру-

*) См. кн. 2 стр. 260.

зей Искандера, зачѣмъ и намъ долго задумываться надъ этою, дѣйствительно, безтолковою и безплодною метафизикою. Только потеря времени и трата трудовъ... И такъ въ сторону темное, Искандеровское, метафизическое государство.

Но жаль благословенную Россію!... Для вѣрнаго сына ея самый дымъ ея сладокъ. Такъ близка такъ священна она для сердца его; — и между тѣмъ вотъ что говоритъ про нее ея же сынъ, только уклонившійся на страну далече: „Россія представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, нѣтъ даже полицейскаго порядка; а есть только огромныя корпораціи воровъ и грабителей*), такъ что всеобщее воровство совершается даже въ судѣ, и неуловимая вездѣсущая власть крадетъ разомъ позолоту съ трона и желѣзо съ крестьянскаго плуга, не допускаетъ одной рукой паекъ до солдата, и вырываетъ другою послѣдній кусокъ хлѣба у

*) Кн. 1. стр. 67. 68.

крестьянина [1]), гдѣ казнятъ и праваго и виноватаго, хоть чаще всего только праваго [2]), и это дѣлается безъ суда [3]), гдѣ народъ — глубоко-атеистическій народъ [4]), гдѣ духовенство ни чѣмъ не было, кромѣ какъ слугою свѣтской власти, и находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа, отличается только дородствомъ, схоластическимъ педанствомъ, да дикимъ невѣжествомъ [5]), гдѣ дворянство пьянствуетъ, играетъ на пропалую въ карты, дерется съ слугами, развратничаетъ съ горничными, ведетъ дурно свои дѣла и еще хуже семейную жизнь [6]), гдѣ правительство до того грубо и не обтерлось, до того только деспотизмъ, что любитъ наводить страхъ, хочетъ, чтобъ передъ нимъ все дрожало [7]), въ самовластьи доходитъ до безумія [8]).“ и пр. и пр. —

1) Кн. 2. стр. V.
2) Кн. 1. стр. 69.
3) Кн. 1. стр. 221.
4) Кн. 2. стр. 70.
5) тамъ же.
6) Кн. 2. стр. 69.
7) Кн. 1. стр. 185.
8) Кн. 1. стр. 221.

Жаль благословенную Россію! Близка она, священа для насъ: близки, священны для насъ и всѣ ея представители, на которыхъ опирается Русская жизнь, а вотъ дерзкій, желчный языкъ Искандера и его сотрудниковъ не побоялся позорить, безчестить даже по именамъ ея представителей отъ духовенства и дворянства, до Царственныхъ Особъ!... Великій Петръ! мы благоговѣемъ предъ Тобою: Ты переродилъ Россію... Мудрый, попечительный Николай! Твоего имени не произнесетъ истинно-Русскій, не перекрестясь и не помолившись объ упокоеніи тебя въ сонмѣ блаженныхъ духовъ... Тридцать лѣтъ Ты пекся объ Россіи: Ты умеръ съ мыслію объ ней!... А Искандеръ?!... Для него никакая заслуга не имѣетъ цѣны... Адъ готовъ бы все попрать: Искандеръ готовъ бы все въ грязь втоптать...

Впрочемъ, что жалѣть?... Кто такъ желчно отзывается о Россіи? Искандеръ, преступникъ, изгнанникъ, перебѣжчикъ... Не лестно слышать и хвалу отъ такого человѣка, потому что не красна похвала во устѣхъ грѣшника, яко не отъ

Господа послана бысть (Сир. 15, 9): что же слишкомъ къ сердцу принимать и хулы его?...

Между тѣмъ, кто-жъ не знаетъ, что на Св. Руси люди не торгуютъ людьми, а только одни служатъ другимъ по необходимости, для общей пользы?... Кто слыхалъ, чтобы у насъ люди сами себя называли не именами, а кличками? Нѣтъ; если гдѣ, то у насъ именно вѣжливость въ этомъ отношеніи даже слишкомъ развита: въ иной странѣ довольствуются часто тѣмъ, что къ фамиліи какого нибудь вельможнаго лица прибавляютъ что нибудь въ родѣ monsieur или Herr, — у насъ слышится и чинъ, и имя, и отчество и фамилія... Клички же слышатся развѣ гдѣ нибудь въ захолустьѣ, среди грубой черни, и то въ видѣ брани. Кто повѣритъ, что въ Россіи нѣтъ никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, а есть только какія-то огромныя корпораціи воровъ и грабителей? Кто повѣритъ также, что въ Россіи тѣлесныя наказанія совершаются безъ суда, самовластье доходитъ до безумія и т. п... Если у меня есть честь, есть достоинство, — не при мнѣ ли онѣ остаются? И въ правѣ ли кто отнять отъ меня ихъ безнаказанно?

Если есть у меня собственность какая нибудь: опять — не при мнѣ ли она остается, если только я самъ ее не расточаю? И наши законы не ограждаютъ ли ее отъ всякой прикосновенности со стороны другихъ? — Слова нѣтъ, — могутъ быть среди насъ и такіе люди, какихъ описалъ Искандеръ.... Но гдѣ, въ какой странѣ найти ихъ нельзя? Ихъ нѣтъ только въ раю; но земля не рай: всегда и вездѣ они будутъ на землѣ, пока оставаться будетъ грѣхъ на землѣ.... По крайней мѣрѣ нѣтъ у насъ законовъ, нѣтъ правилъ, по которымъ бы сильные міра могли безнаказанно и грабить, и безъ суда тѣлесно наказывать, и въ своихъ Правительственныхъ распоряженіяхъ доходить до деспотизма, до безумія.... Люди могутъ злоупотреблять законами, но Россія никогда на то ихъ не уполномочивала, и не уполномочиваетъ; никогда имъ не сочувствовала, и не сочувствуетъ. Напротивъ, если Правительству становится извѣстнымъ какое нибудь злоупотребленіе, — то никогда не замедлитъ правый судъ, карающій преступленіе; если же злоупотребленіе остается для него тайною, — то, мы вѣримъ, есть другой, высшій Судія, отъ Ко-

тораго ничто не сокроется, и Которому страшно давать отчетъ въ преступленіи! ...

Искандеръ величаетъ Русскій народъ народомъ глубокоатеистическимъ. ... А что значатъ эти многочисленные монастыри, храмы, часовни, которые годъ отъ года все больше и больше ростутъ на Русской землѣ? Что значатъ Св. Иконы, которыя составляютъ для истинно-Русскаго человѣка лучшее украшеніе не только Храмовъ, но и домовъ? Что значатъ многочисленныя церковныя процессіи, которыми такъ умиляется и трогается Русское сердце? Что значатъ Св. Мощи, чудотворныя Иконы, которымъ съ такимъ благоговѣніемъ преклоняется Русское чело? Гдѣ совершается столько молебновъ, панихидъ и т. п., сколько совершается въ Русскомъ Царствѣ? ... По мысли ли все это, по сердцу ли атеисту, и притомъ глубокому атеисту? ... Нѣтъ; истинно-Русскій человѣкъ, — если только онъ через-чуръ не вкусилъ западной мудрости, или Искандеровской цивилизаціи, — именно религіозный человѣкъ; набожность, религіозное чувство — это коренная черта его, которую онъ наслѣдовалъ отъ благочестивыхъ пред-

ковъ своихъ, какъ вѣрный залогъ благоденствія царствъ и народовъ. — И дай Богъ, чтобы этотъ залогъ остался съ нимъ навсегда; дай Богъ, чтобы мудрость по стихіямъ міра (Колос. 2, 8) не успѣла охладить въ немъ горячаго чувства къ Вѣрѣ и Церкви!...

Искандеръ позоритъ и Русское духовенство; но въ чемъ? Въ томъ 1, будто оно не что иное, какъ слуга свѣтской власти, только низкопоклонничаетъ. Но не потому ли такими они кажутся ему, что они стараются, по возможности, быть учениками Того, Кто не только не искалъ для Себя мірской власти, а напротивъ всегда уклонялся отъ ней, и говорилъ въ слухъ всѣхъ: Царство Мое нѣсть отъ міра сего (Іоан. 18, 36), стараются быть послѣдователями Христа, Который умылъ ноги Ученикамъ Своимъ, и говорилъ о Себѣ: научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ средцемъ Матѳ 11, 29); стараются быть преемниками кроткаго, смиреннаго духа Апостольскаго?... Для гордаго смиреніе кажется низостію; а для истиннаго Христіанина всегда отрадно видѣть въ духовныхъ лицахъ кротость и смиреніе. Эта черта

особенно имъ къ лицу.... Въ томъ 2, будто оно во всеобщемъ презрѣніи у Русскаго общества и Русскаго народа. Можетъ быть, тутъ и есть частица правды, только не больше, какъ частица. Духовныхъ особъ презираетъ какой нибудь невѣрующій Искандеръ и ему подобные; но кто вѣритъ, что они, хоть и немощные, служители Бога Вышняго, что чрезъ нихъ Св. Церковь преподаетъ человѣку всѣ духовные дары, которые такъ необходимы ему и для здѣшней и для будущей жизни, кто хоть сколько нибудь помнитъ и знаетъ заслуги духовенства въ отношеніи къ Государству, а такихъ, по милости Божіей, еще не мало въ Россіи, — тотъ никогда не рѣшится презирать ихъ.... У того въ сердцѣ глубоко начертаны слова Премудраго: всею душею твоею благоговѣй Господеви, и іереи его чти; бойся Господа, и прослави іерея (Сир. 7, 32. 33). — Особенно простому Русскому народу священникъ близокъ, какъ отецъ, и потому онъ иначе и не называетъ его, какъ: батюшка, отецъ духовный.... Въ томъ 3, будто оно отличается дикимъ невѣжествомъ. Да; это эхо Искандеровское слышится не рѣдко. Но трудно по-

нять, отъ чего оно слышится не рѣдко... Пусть эти господа, такъ горько жалующіеся на невѣжество духовныхъ, пусть они укажутъ на священника въ столицѣ ли, или въ другомъ какомъ нибудь городѣ даже незначительномъ, который бы не могъ, наприм., дать отвѣта вопрошающему о его упованіи, который бы не съумѣлъ изложить и объяснить своему прихожанину, по его желанію, правила Вѣры и благочестія, которыя существенно необходимо знать Христіанину.... Вѣрно, такой не найдется, и можно смѣло сказать, что въ каждомъ городѣ священникъ можетъ быть духовнымъ учителемъ и руководителемъ всякаго прихожанина, кто бы онъ ни былъ. Гдѣ же его невѣжество?... И о, если бы прихожане, такъ много требующіе отъ священника, о, если бы они старались усвоить себѣ по крайней мѣрѣ то, что онъ проповѣдуетъ, старались исполнять на дѣлѣ хоть то, чему онъ научаетъ!... Они увидѣли бы въ себѣ значительную перемѣну къ лучшему, и перестали бы требовать отъ него чего-то особеннаго.... А сколько есть и такихъ прихожанъ, которымъ священникъ въ правѣ сказать: еще много имамъ глаголати вамъ, но не

можете носити нынѣ (Іоан. 16, 12), и которые не слушали и не слушаютъ его, а только, увлекаясь примѣромъ другихъ, оглашаютъ его невѣждою!... Найдется ли и сельскій іерей такой, который бы не въ состояніи былъ объяснить какому нибудь крестьянину правилъ Вѣры и жизни Христіанской? Вѣрно, на такого опять не укажутъ. Спрашивается гдѣ-жъ опять невѣжество духовенства? Конечно, наши духовныя лица мало знакомы съ прогрессомъ и цивилизаціей, какіе развиваются въ Полярной Звѣздѣ, не могутъ продекламировать твореній какого нибудь Пушкина, не всѣ могутъ объясняться на новѣйшихъ языкахъ и т. п. Но всѣ эти недостатки могутъ быть, пожалуй, бѣдой для кого нибудь другаго, только не для священника. Если онъ и не знаетъ этого, то, право, чрезъ это нисколько не будетъ ущерба ни для Вѣры Христовой, которой онъ есть учитель, ни для Церкви, которой онъ служитель. Вѣдь никто не въ правѣ называть невѣждою какого нибудь свѣтскаго человѣка, потому только, что онъ не знаетъ отчетливо курса Богословскаго: какое же право называть и священника невѣждою потому только, что онъ, зная свои духовныя науки, мало-

свѣдущъ въ тѣхъ наукахъ, которыя любитъ Полярная Звѣзда? Нѣтъ, сколько бы ни обвиняли ихъ въ невѣжествѣ, — отрадно то, что они доселѣ остаются вѣрными ученію Свящ. Писанія, ученію Отцовъ Церкви, ученію Вселенскихъ Соборовъ, доселѣ остаются до того твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, что не согласятся ни за что не только уничтожить, даже какъ нибудь измѣнить ни одной іоты древняго Православія. Это неоцѣненная ихъ заслуга!... А если, при всемъ этомъ, они и доселѣ не рѣдко подвергаются различнымъ нареканіямъ нѣкоторыхъ мірскихъ людей, хотя бы незаслуженно, то что удивительнаго въ этомъ? Спаситель давно сказалъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ: аще міръ васъ не навидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ (Іоанн. 15, 18. 19). Если же среди ихъ и нашелся бы какой либо недостойный пастырь, который бы заслуживалъ нареканія: Оле пастыри Израилевы! Се млеко ядите, и волною одѣваетеся, и тучное за-

калаете, а овецъ не пасете (Іезек. 34, 3): то что опять удивительнаго? И въ числѣ Апостоловъ, избранныхъ Спасителемъ, былъ Іуда-предатель!... Се Азъ на вы, (Іезек. 34, 10), грозитъ такимъ Адонаи Господь.

Очернивъ духовенство, Искандеръ чернитъ и дворянство Русское... Слова нѣтъ, между многочисленнымъ сословіемъ дворянъ, могутъ найтись и такія, не многія впрочемъ, лица, которыя называются только дворянами, а Двору не служатъ, потому именно, что, какъ выражается Искандеръ, они во дворахъ своихъ пьянствуютъ, играютъ на пропалую въ карты и т. п. Такимъ дворянамъ недосугъ служитъ Двору, которому нужны умъ, честность, трудолюбіе для блага Отечества, а не праздная и беспутная жизнь. Ему нужны такіе дворяне, въ которыхъ бы струилась кровь Пожарскаго, и, по милости Божіей, въ такихъ вѣрныхъ сынахъ Престола и Отечества у насъ не было и нѣтъ недостатка. А они-то и должны быть представителями Русскаго дворянства; съ ними-то и дѣлитъ Русскій Царь заботы о Царствѣ.

Языкъ Искандера не щадитъ ни Петра, ни Николая... Это отъ того, что онъ, видно, никогда не читалъ словъ Божіихъ: не прикасайтеся Помазаннымъ моимъ (Псал. 104, 15), видно, никогда не слыхалъ, чѣмъ поплатились Корей, Даѳанъ и Авиронъ съ своими единомышленниками за оскорбленіе Помазанниковъ Божіихъ Моѵсея и Аарона (Числ. гл. 16, и гл. 26, ст. 10), которые хоть и не были Царями, но первый былъ избранъ Самимъ Богомъ въ вождя для народа Еврейскаго, а послѣдній былъ помазанъ священнымъ елеемъ на Первосвященническое достоинство; видно, никогда не обращалъ вниманія на то, какими горькими слезами, ужаснымъ огнемъ и кровію наказывала себя просвѣщенная Европа за оскорбленіе Царскаго величія. Подумалъ бы Искандеръ, что сталось бы съ Государствомъ, если бы въ немъ власть какая-бы то ни была, тѣмъ болѣе Царская, не была ограждена и свято почитаема отъ народа? Какъ бы она могла свободно проявлять свои благотворныя дѣйствія, если бы вездѣ встрѣчала себѣ противодѣйствіе? Какъ бы она могла вполнѣ предаться заботамъ о безопасности Государства, когда бы сама каждую

минуту должна была думать о своей безопасности? И что это было бы за Государство? Это — городъ, построенный на огнедышущей горѣ: что пользы въ его крѣпостяхъ, твердыняхъ, когда подъ нимъ кроется враждебная сила, которая можетъ каждую минуту все превратить въ развалины. — Вдумался бы Искандеръ поглубже въ слова Апостола: нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть (Римл. 13, 1). — Нѣсть власть, аще не отъ Бога... Кто же можетъ безнаказаннотакъ святотатственно, какъ Искандеръ, касаться собственности Господа Вседержителя Царской власти, которая отъ Бога, когда и мы требуемъ, чтобы наше произведеніе, наша собственность были неприкосновенны для другихъ. Но онъ, видно, никогда, не вдумывался въ это, и потому-то такъ легко и порицаетъ имена Вѣнценосцевъ, которыя навсегда должны быть незабвенны, священны для Русскаго сердца.... Подобнымъ образомъ дѣйствовали и тѣ безумные, злые и лукавые Іудеи, которые и слышали ученіе Спасителя, и видѣли дѣла Его, и при всемъ томъ дерзáли кричать Ему: бѣса имаши.... Они не обдумали, чтò кричали...

Итакъ нечего жалѣть благословенную Россію: она совсѣмъ не такова, какъ описываетъ ее погибшій сынъ ея.... Не она, онъ достоинъ слезъ!... Есть ли для него хоть что нибудь достойное, священное на землѣ, или на небѣ?...

Посмотримъ.

Для всякаго Христіанина священно Св. Евангеліе: священно ли оно и для Искандера, вѣруетъ ли и онъ въ него?... Да; кажется, и онъ вѣруетъ, только вѣруетъ по своему и своими дикими толкованіями такъ извращаетъ смыслъ Писанія, что въ немъ истиннаго ученія Христа Спасителя и узнать нельзя. — Въ его мрачной „Звѣздѣ“ вездѣ проглядываетъ та общая мысль, будто Спаситель пришелъ на землю для того, чтобы утвердить на ней какой-то соціализмъ, возвѣстить людямъ свободу и равенство, и въ слѣдъ за тѣмъ уничтожить всякую власть на землѣ, и эта мысль развивается чуть не на каждой страницѣ. Какія же у него доказательства на то? Вотъ они:

Спаситель говорилъ Апостоламъ: Князи языкъ господствуютъ ими и велицыи обладаютъ ими. Не тако же будетъ въ васъ; но иже

аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга. И иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ (Матѳ. 20, 25—27). Онъ говорилъ имъ также: не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ (Матѳ. 10, 9). Онъ говорилъ одному богатому юношѣ: аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ (Матѳ. 19, 21). Что-жъ изъ всего этого слѣдуетъ? ... „Соціализмъ, кричитъ Искандеръ, соціализмъ, равенство!"*). Но крикъ не доказательство. — Разберемъ слова Спасителя.

Князи языкъ господствуютъ ими и пр. Господь сказалъ Апостоламъ, по тому случаю, что два сына Зеведеева, полагая, что Царство Христово будетъ видимое, земное, и что оно уже приближается, просили у него себѣ первыхъ мѣстъ въ этомъ Царствѣ, и вотъ Спаситель сказалъ имъ: вы не знаете, чего просите. Мое Царство не земное, а небесное, и чтобы получить это Царство, нужно смиреніе. Искать первенства между людьми дѣло

*) Кн. 1. стр. 27.

свѣтское, политическое: Князи языкъ господствуютъ ими . . ., а — вы Апостолы Мои, и избраны Мною совсѣмъ не для того, чтобы устроять Царство земное, и въ немъ занимать первыя мѣста, а для того, чтобы вести людей къ Царству небесному, котораго слуги прежде всего должны быть смиренны. Вотъ прямой смыслъ словъ Христовыхъ! Есть ли тутъ ученіе о соціализмѣ? . . Слова: не стяжите злата, ни сребра и пр. Господь также сказалъ Апостоламъ, когда посылалъ ихъ на проповѣдь: „вы, говорилъ Онъ, отправляясь на проповѣдь, не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, потому что достоинъ дѣлатель мзды своея. За ваши труды васъ будутъ и поить, и кормить, и одѣвать, и потому не заботьтесь объ этомъ, а занимайтесь одною проповѣдію. Иначе забота объ удовлетвореніи житейскихъ нуждъ можетъ повредить успѣху вашей проповѣди. — Есть ли опять тутъ ученіе о соціализмѣ? . . Что же касается словъ, сказанныхъ Спасителемъ богатому юношѣ, то ихъ должно принимать не какъ заповѣдь, безусловно обязательную для всѣхъ, а только какъ совѣтъ. Это видно изъ

того, что когда юноша спросилъ: что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный, — Спаситель велѣлъ ему исполнять заповѣди, и когда юноша этотъ, можетъ быть, не понимая духа заповѣдей, а понимая ихъ только буквально, или зараженный гордостію, сказалъ: вся сія сохранихъ отъ юности моея: что есмь еще не доконча лъ, — то Господь замѣтилъ ему: если ты соблюлъ всѣ заповѣди, — то сдѣлай то, чего нѣтъ въ заповѣдяхъ: продай имѣніе твое и раздай нищимъ, — и за то получишь ты высшую степень блаженства (Маѳ. 19, 16—21)... Есть ли и тутъ опять хоть какой-нибудь намекъ на ученіе о соціализмѣ, который будто бы Господь хотѣлъ утвердить между людьми на землѣ?..

Но, можетъ быть, тутъ только Искандеръ слабъ, — за то дальше сильнѣе въ доказательствахъ? — А вотъ увидимъ.

Онъ продолжаетъ: Спаситель умылъ ноги Ученикамъ своимъ, и этимъ сокрушилъ всякое чинопочитаніе. Онъ прямо говорилъ, что князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ (Іоан. 12, 31), разумѣя подъ княземъ міра вообще власть мірскую.

Онъ говорилъ также, что пришелъ въ міръ не миръ, а мечь принести на землю (Матѳ. 10, 34. 35), чтобы пресѣчь имъ всякое чиноначаліе, и это ученіе распространялъ между бѣдными, чтобы составить изъ нихъ многочисленное войско, которое бы могло потомъ вступить въ открытый бой противъ мірскаго правительства. Наконецъ когда Фарисеи и Иродіане приступили къ Спасителю съ вопросомъ: должно ли платить дань Кесарю, — Христосъ „съ гнѣвомъ, съ негодованіемъ высказалъ знаменитое кесарево кесареви, и этимъ далъ имъ понять, чтобъ они убирались, отстали отъ него, не надоѣдали ему своимъ кесаремъ и всѣмъ что относится къ кесарю,“ — обстоятельство, по замѣчанію Полярной Звѣзды, очень важное для ниспроверженія всякой власти на землѣ, которое „скороговоркой читаютъ на молебнахъ священники, собственно для того, чтобы слушающіе не могли вникнуть и понять настоящаго смысла чтенія*). —

Вотъ какъ самозванные учители толкуютъ Св. Писаніе! Читаешь и дивишься ихъ логикѣ . . . . .

---

*) Кн. 1. стр. 28.

Имъ думается, что если Іисусъ Христосъ на Тайной вечери умылъ ноги Ученикамъ Своймъ, — то этимъ Онъ какъ бы сравнилъ Себя съ ними и сокрушилъ всякое чиноначаліе; — а стоило бы только прочитать проповѣдь Іисуса Христа, которую Онъ сказалъ сряду же послѣ умовенія ногъ, — и тотчасъ бы увидѣли свою ошибку. Онъ сказалъ Апостоламъ: вы глашаете Мя Учителя и Господа, и добрѣ глаголете: есмь бо. Аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозѣ... Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его (Іоан. 13, 13. 14. 16). Не ясно ли отсюда, что Господь не только не сокрушаетъ, а напротивъ утверждаетъ чинопочитаніе: вы глашаете Мя Учителя и Господа, и добрѣ глаголете... нѣсть рабъ болій господа своего, ни посланникъ болій пославшаго? ... Имъ думается, будто въ словахъ Спасителя: князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ, подъ княземъ міра сего нужно непремѣнно разумѣть власть мірскую, а стоило бы только прочитать эти слова въ связи

съ предъидущими и послѣдующими словами, и тогда безъ труда можно было бы узнать, о комъ здѣсь рѣчь идетъ. Спаситель и прежде и послѣ сихъ словъ говорилъ о предстоящей Ему смерти (Іоан. 12, 23—36). Что же? ужели Господу нужно было пострадать и умереть для того, чтобы власть мірская была изгнана вонъ? Нѣтъ; не власть мірская искусила человѣка; не она причинила ему смерть; его искусилъ, ему причинилъ смерть діаволъ, который потомъ со времени перваго грѣхопаденія получилъ надъ людьми власть какъ бы надъ плѣнниками и рабами своими, и вотъ изъ подъ власти этого-то князя, погубившаго человѣка, и надобно было Ему освободить человѣка Своими страданіями и смертію. — Вотъ кто князь міра сего!.. Имъ думается, что когда Спаситель сказалъ: не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ (Матѳ. 10, 34), — то направилъ мечъ именно противъ правительства? Откуда же это видно?... А стоило бы только прочитать слѣдующій за сими словами стихъ, — и увидѣли бы прямое значеніе этихъ словъ. Тамъ сказано: пріидохъ бо разлучити человѣка на отца своего, и дщерь на матерь

свою, и невѣстку на свекровь свою (ст. 35), — и эти слова Спасителя не замедлили исполниться на дѣлѣ въ самомъ еще началѣ распространенія Христіанской Вѣры на землѣ, когда не рѣдко въ одномъ и томъ же семействѣ одни принимали ученіе Христово, а другіе отвергали, — и потому тутъ не могло обойтись безъ вражды между членами семейства и общества. Часто и часто сынъ возставалъ на отца, дочь на мать, невѣстка на свекровь, и мечь, принесенный Спасителемъ въ міръ, три вѣка упивался Христіанскою кровію. — А слова Спасителя: воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови, то ли имѣютъ значеніе, какое хотятъ придать имъ самозванные учители? Представимъ дѣло яснѣе. Фарисеи посылаютъ къ Іисусу Христу не только своихъ учениковъ, но и воиновъ Ирода съ вопросомъ: достойно ли есть дати кинсонъ Кесареви, или ни? Разумѣвъ же Іисусъ лукавство ихъ, рече: что мя искушаете, лицемѣри? Въ чемъ же тутъ искушеніе и лукавство? Очевидно въ томъ, что они хотѣли непремѣнно уловить теперь Его въ словахъ, — т. е. они думали, что если Спаситель скажетъ: должно

платить, — то этотъ отвѣтъ можетъ быть оскорбителенъ для Евреевъ, которые, конечно, не охотно платили подать Ироду, какъ чуждому Царю; кромѣ того могли бы обвинить его въ недостаткѣ ревности по Законѣ Божіемъ, въ которомъ написано: полдидрахмы дань Господу (Исх. 30, 13), а не земному Царю. Но если бы Онъ сказалъ: не должно платить, — то воины Ирода могли бы обвинить Его, какъ возмутителя противъ верховной власти Рима, — и вотъ, чтобы разсѣчь эту обоюдную сѣть, раскинутую лукавою рукою для уловленія Его, — нуженъ былъ и отвѣтъ обоюду острый, — и Спаситель, спросивъ: чій образъ сей и написаніе (на поданной Ему монетѣ), и получивъ въ отвѣтъ: Кесаревъ, сказалъ въ отвѣтъ: воздадите Касарева Кесареви, — платите Кесарю дань монетою, которая имъ чеканится и носитъ на себѣ его изображеніе и надпись, — знакъ его власти, — и Божія Богови, — отдавайте Богу въ храмъ полдидрахмы по предписанію закона. Есть ли и тутъ хоть какой нибудь намекъ Спасителя на возстаніе противъ верховной власти?...

Нашимъ толкованіямъ, конечно, могутъ не вѣрить, какъ и мы не вѣримъ толкованіямъ Искандера. Но кто же лучше могъ понимать смыслъ ученія Христова, какъ не Ученики Христовы, какъ не Св. Апостолы? А они, въ своихъ Боговдохновенныхъ Писаніяхъ, сколько разъ твердятъ и твердили міру: повинуйтеся властямъ, повинуйтеся! Что, на прим. яснѣе словъ Св. Апостола Павла: всяка душа властемъ предержащымъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущыя же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіися же, себѣ грѣхъ пріемлютъ.... Воздадите убо всѣмъ должная: ему же убо урокъ, урокъ; а ему же дань, дань: а ему же страхъ, страхъ: и ему же честь, честь (Римл 13, 1. 2. 7)? Что же Искандеръ? Прости насъ, Апостолъ Христовъ, прости, Первоверховный Павелъ, если мы дерзнемъ здѣсь повторить грубыя мысли о тебѣ Искандера, выраженныя имъ въ печати!... Вотъ онѣ: „Апостолъ Павелъ нанесъ гораздо менѣе вреда ученію Христову, когда онъ подъ именемъ

Саула (т. е. Савла) съ лютой яростью преслѣдовалъ Христіанъ, чѣмъ когда онъ, ставъ Апостоломъ, началъ искажать самую мысль Христа, втѣснивъ въ нее пресловутое свое ученіе (Римл. 13, 1—4) о необходимости повиноваться власти. Этимъ онъ сдѣлалъ Христу больше вреда, чѣмъ самъ Іуда Искаріотъ *)"... Мы сейчасъ видѣли, что Спаситель имѣлъ ту же самую мысль, какую выразилъ Апостолъ Павелъ. Слѣдовательно, послѣдній не могъ нанести никакого вреда ученію Перваго, — и въ словахъ Искандера наглая ложь. Открытою ложью доказывать нелѣпо; нужно было придумать что нибудь хитрѣе, если ужъ хочется бѣлое сдѣлать чернымъ.

Если Искандера достало на то, чтобы безстыдно извращать прямой смыслъ Св. Евангелія для своихъ низкихъ цѣлей, и такъ искажать, — извѣстное Русскому человѣку съ малолѣтства, то онъ конечно не затруднится ничѣмъ священнымъ и святымъ.

Что для него Святые? Вотъ онъ съ ироніею говоритъ: „только на образахъ мученики улыбают-

---

*) Кн. 1. стр. 29.

ся Ангеламъ, когда ихъ тѣла рвутъ на части*). Вотъ онъ съ тою же ироніею пишетъ друзьямъ своимъ: „вы, можетъ, упрекаете меня въ томъ, что я взялъ свои деньги изъ Россіи; ну, въ этомъ я дѣйствительно виноватъ: мнѣ бы предъ отъѣздомъ отдать все свое состояніе Митрофану Воронежскому на новую раку“.... И потомъ прибавляетъ: „не молитесь обо мнѣ: я совсѣмъ не такъ жалокъ, какъ вы думаете**)“.... Вотъ онъ смѣется надъ тѣмъ, что въ корпусахъ учатъ по Славянски, а про университеты говоритъ: „тамъ попы подъ именемъ философіи разбираютъ бредни Василія Великаго и другихъ византійскихъ растлителей ума***)“ и пр. и пр. Такъ страшно глумится онъ надъ тѣмъ, что должно служить предметомъ глубокаго благоговѣнія для всякаго Христіанина!... Но почему бы и не учиться по Славянски, чтобы понимать нашу Библію, наши лѣтописи? Вѣдь Искандеръ учился же по Французски

---

*) Кн. 1. стр. 159.
**) Кн. 2. стр. 223.
***) Кн. 2. стр. 252.

и по Англійски. Жаль, что не выучился по Славянски, чтобы впитать въ себя Русскую жизнь, чтобы, по крайней мѣрѣ, понимать Русскаго человѣка. Въ университетахъ подъ именемъ философіи творенія Василія Великаго не читаются. Ссылаемся на всѣхъ воспитанниковъ университетовъ, которые понимали то, что имъ преподавали. Къ чему же опять прибѣгать къ наглой лжи? Всѣ глаголы устъ его — беззаконіе и лесть (Псал. 35, 4)!... А Церковь что такое для Искандера?

Для насъ драгоцѣнны писанія Св. Отцевъ и Учителей Церкви, какъ памятники священной древности, высокаго ума и чистой нравственности, какъ писанія, въ которыхъ изъясняется и раскрывается для насъ смыслъ ученія Христова и Апостоловъ; а Искандеръ говоритъ: „люди сряду послѣ Христа начали затмѣвать первоначальный, простой смыслъ Евангелія, толковать его въ свою выгоду, дѣлать изъ него оплотъ своей власти, утверждать, будто Іисусъ Христосъ наговорилъ множество непонятныхъ вещей, относящихся не столько къ этой жизни, сколько къ существованію загробному, будто Онъ толковалъ преимущественно не о водвореніи

царствія Божія на землѣ, а о царствіи Божіемъ за облаками*)“ и пр. Какое глубокое невѣжество у самозваннаго учителя въ ученіи Вѣры! Какъ было не подумать, что если бы Спаситель говорилъ то, о чемъ думаетъ Искандеръ, то Римская власть сейчасъ взяла бы Его, какъ возмутителя, а между тѣмъ эта власть предъ народомъ объявила, что не обрѣтаетъ въ Нёмъ ни единой вины. Если бы только падала тѣнь подозрѣнія на желаніе поколебать власть, то намѣстникъ Кесаря самъ бы подвергся обвиненію за участіе въ замыслѣ. Одно слово Царь побудило намѣстника, даже умывши руки, предать смерти Того, Кого самъ признавалъ во всёмъ невиннымъ. Читаешь и, — дивишься глубинѣ невѣдѣнія.... Но вотъ еще слова его: „подлинное Евангельское ученіе стало воскресать не давно**); именно оно открыто философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой нибудь Вольтеръ, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти Его, кость отъ костей Его, нежели всѣ іереи

---

*) Кн. 1. стр. 30.
**) Кн. 1. стр. 69.

(въ подлинникѣ-попы), архіереи, митрополиты, патріархи. Теперь это не новость для всякаго гимназиста*)." Такъ назираетъ грѣшный праведнаго, и скрежещетъ нань зубы своими; Господь же посмѣется ему (Псал. 36, 12. 13). И мы нашлись бы кое-что сказать, чтобы посмѣяться ему; но намъ пришло на мысль: съ безумнымъ не множи словесъ (Сир. 22, 12), и мы не множимъ на этотъ разъ, потому что такое безуміе слишкомъ очевидно для каждаго гимназиста, о которомъ упоминаетъ Искандеръ.

Было время, когда язычники, стоя грудью за свои ложныя вѣрованія и за честь своихъ мнимыхъ боговъ проливали кровь Христіанскую; значитъ, дорожили своею религіею, своимъ богослуженіемъ. И Христіане, защищая ученіе Вѣры и Церкви, охотно жертвовали жизнію. Такъ дорога для нихъ Вѣра, такъ дорога Церковь! Было время такое: и теперь оно не прошло. И теперь не только истинный Христіанинъ дорожитъ своею Церковію, — и какъ не дорожить ему, когда она и здѣсь устрояетъ ему

---

*) Кн. 1. стр. 69.

счастливую жизнь, и тамъ за гробомъ готовитъ ему блаженную участь и даетъ ему всѣ средства къ достиженію этой участи? Какъ не дорожить ему, когда Самому Господу она обошлась такъ дорого, — куплена цѣною безцѣнной крови Его?... И не только Христіанинъ дорожитъ своею Церковію, — дорожитъ своею Церковію и Еврей, дорожитъ своими вѣрованіями и Магометанинъ, дорожитъ своими кумирами и кумирницами даже язычникъ. Дорожитъ ли своею Церковію Искандеръ?... Вотъ его мысли объ ней; „что общаго между Христомъ и какою нибудь, тѣмъ болѣе православною, церковію? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было спасеніемъ людей, пока не организовалось въ церковь и неприняло за основаніе принципа ортодоксіи. Церковь же явилась іерархіей, стало быть, поборницею неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми, чѣмъ продолжаетъ быть и

до сихъ поръ*)." — Вотъ, Господи, Ты сказалъ: созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей (Матѳ. 16, 13), а Искандеръ думаетъ увѣрить всѣхъ, что врата адовы одолѣли ее; одолѣли, потому что нигдѣ, ни въ какой церкви на землѣ, по его понятію, уже не преподается Твое ученіе! ... Ты основалъ Церковь Свою на Голгоѳѣ, проливъ тамъ пречистую Кровь Свою на крестѣ, — и усердный Христіанинъ съ радостію спѣшитъ туда — къ Голгоѳѣ: ему сладко тамъ прильнуть челомъ и устами къ тѣмъ святымъ мѣстамъ, которыя освящены пречистыми стопами Твоими; ему отрадно подышать тѣмъ воздухомъ, который нѣкогда оглашался спасительнымъ ученіемъ Твоимъ. ... Но Искандеръ и то запрещаетъ. Онъ говоритъ: „времена наивнаго благочестія давно уже прошли; теперь общество уже понимаетъ, что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда неносившіе его въ груди своей, или потерявшіе его**)"... Ты завѣщалъ Апостоламъ и

---

*) Кн. 1. стр. 69.
**) Кн. 1. стр. 74.

ихъ преемникамъ: шедше научите вся языки,... учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ (Матѳ. 28, 19. 20); Ты говорилъ имъ: слушаяй васъ, Мене слушаетъ: и отметаяйся васъ, Мене отметается (Лук. 10, 16); Ты заповѣдалъ всѣмъ намъ просить и молиться: просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вамъ (Лук. 11, 9).... Искандеръ запрещаетъ и проповѣдь и молитву. Онъ говоритъ: „Россіи нужны не проповѣди (довольно она слыхала ихъ!) не молитвы, (довольно она твердила ихъ!)“... Что же нужно? „Ей нужно пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ, нужны права и законъ, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостію *).“ Онъ говоритъ... но грустно, тяжело повторять его безумные глаголы.... Суди, Боже, обидящія Тя, побори борющія Тя (Псал. 34, 1), — и мы вѣруемъ, что когда нибудь по-

---

Кн 1. стр. 67.

требитъ Господь устны льстивыя, языкъ велеречивый (Псал. 11, 4)....

Итакъ Искандеръ съ своими сотрудниками, въ своей Полярной Звѣздѣ, старался, сколько могъ, осмѣять, исказить, извратить весь порядокъ церковный и гражданскій, — за чѣмъ же? За тѣмъ, чтобы водворить на землѣ какое-то новое царство, царство какого-то соціализма, гдѣ бы всѣ были равны между собою во всѣхъ отношеніяхъ, царство безначалія и своеволія, гдѣ бы были людіе, аки жрецъ, и рабъ, аки господинъ, и раба, аки госпожа; купуяй, аки продаяй, и взаимъ емляй, аки заимодавецъ (Ис. 24, 2); онъ хотѣлъ бы изъ царства человѣческаго сдѣлать царство животныхъ, гдѣ нѣтъ ни начальника, ни подчиненнаго. Царство животныхъ... Нѣтъ; и въ царствѣ животныхъ есть нѣкоторая подчиненность. Посмотрите, наприм. какъ птенцы послушны зову своей матери и подражаютъ ея дѣйствіямъ; посмотрите, какъ пчелы почитаютъ мать свою... Нѣтъ; онъ хотѣлъ бы... но, кажется, онъ и самъ не можетъ дать отчета, чего бы онъ хотѣлъ, какъ не можетъ дать отчета съумасшедшій ни въ рѣчахъ своихъ, ни въ

своихъ дѣйствіяхъ. Ибо воображать себѣ милліоны людей, которые бы всѣ были равны между собою, и, не огражденные никакою властію, а предоставленные своеволію, жили спокойно и счастливо, и въ тоже время утверждать, что для счастія общества нужны „успѣхи цивилизаціи, просвѣщенія, нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостію, и строгое по возможности ихъ исполненіе*)" — не походитъ ли это на бредъ помѣшаннаго? Если въ обществѣ всѣ будутъ равны, — то отъ кого же примутъ общій порядокъ, кто будетъ въ правѣ издавать законы, требовать исполненія ихъ, наказывать нарушителей ихъ, и кто будетъ считать своею обязанностію подчиняться законамъ? И какой наконецъ законъ надобно будетъ принять за законъ, сообразный съ здравымъ смысломъ, когда у каждаго почти человѣка есть свой смыслъ, которой для него кажется болѣе или менѣе здравымъ, и когда убѣжденія людей и воззрѣнія на все такъ разнообразны? О, если бы на день, только бы на одинъ день, появилось гдѣ нибудь такое

*) Кн. 1 стр. 67.

общество, какое предполагаетъ Искандеръ, — явился бы адъ на землѣ: мятежи стали бы роиться, порокъ безчинствовать, преступленіе ругаться надъ правосудіемъ, земля стонала бы подъ тяжестію слезъ и крови!... Но это замыслъ діавола, а не человѣка: ему, а не человѣку утѣха — погибель человѣка!... Желалъ бы я поставить Искандера въ средину такого общества.

Повторяемъ еще, такія мечты Искандера не походятъ ли на бредъ съумасшедшаго? Да, именно походятъ.... Только вотъ вопросъ: какъ этотъ бредъ могъ образоваться въ головѣ Искандера, человѣка, повидимому, начитаннаго? Вѣдь онъ занимается литературою и даже эпиграфомъ своей „Звѣзды" поставилъ: „да здравствуетъ разумъ;" — пишетъ подчасъ довольно красно, за исключеніемъ плоскихъ, грубыхъ выраженій, которыхъ у него впрочемъ не мало*), да и живетъ-то за границею, ку-

*) На прим. въ Полярной звѣздѣ часто употребляются такія выраженія: попъ — вмѣсто: священникъ; — византійскій Богъ — вмѣсто: восточное Православіе. — Звѣриная лапа-вмѣсто: мощная рука Петра 1. Бестія нашъ братъ — Русскій человѣкъ.... Иной земному богу подкуритъ больше, чѣмъ небесному; и хватитъ чрезъ край и пр. и пр.

да, многіе думаютъ, нужно ѣздить за просвѣщеніемъ. Какъ же это глаголющеся быти мудри такъ глубоко объюродѣша (Римл. 1, 22)? — Не легко отвѣчать на этотъ вопросъ; но Искандеръ самъ можетъ оказать намъ въ этомъ случаѣ не малую услугу своею біографіею; онъ довольно подробно описываетъ жизнь какъ отца своего, такъ и собственную жизнь.

Вотъ что говоритъ онъ объ отцѣ своемъ: „Мой отецъ считалъ религію въ числѣ необходимыхъ вещей благовоспитаннаго человѣка; онъ говорилъ, что надо вѣрить въ свящ. писаніе безъ разсужденій, потому что умомъ тутъ ничего не возмешь, что надо исполнять обряды той религіи, въ которой родился, не вдаваясь впрочемъ въ излишнюю набожность, которая идетъ старымъ женщинамъ, а мущинамъ не прилична. Вѣрилъ ли онъ самъ? Я полагаю, что не много вѣрилъ по привычкѣ, изъ приличія и на всякій случай. Впрочемъ онъ самъ не исполнялъ никакихъ церковныхъ постановленій, защищаясь разстроеннымъ здоровьемъ. Онъ почти никогда не принималъ священника, или просилъ его пѣть въ пу-

стой залѣ, куда самъ не выходилъ... Въ деревнѣ онъ ходилъ въ церковь и принималъ священника, но это больше изъ свѣтско-правительственныхъ цѣлей, нежели изъ богобоязненныхъ*). Онъ до конца жизни писалъ свободнѣе и правильнѣе по-французски, нежели по-русски; онъ à la lettre не читалъ ни одной русской книги, ни даже библіи. Впрочемъ библіи онъ и на другихъ языкахъ не читалъ; онъ зналъ понаслышкѣ и по отрывкамъ, о чемъ идетъ рѣчь вообще въ священномъ писаніи, и дальше не полюбопытствовалъ заглянуть.... Людей онъ презиралъ откровенно, открыто всѣхъ. Онъ самъ ни къ кому необращался съ значительной просьбой, и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ**)." Таковъ отецъ; а вотъ и сынъ его Искандеръ:

„Я, говоритъ про себя Искандеръ, я читалъ въ дѣтствѣ романы и комедіи. Я прочелъ томовъ 50 французскаго репертуара***). Мнѣ было около 15 лѣтъ, когда отецъ мой пригласилъ священника да-

*) Кн. 2. стр. 85. 86.
**) Кн. 2. стр. 119.
***) Кн. 2. стр. 81.

вать мнѣ уроки богословія, на сколько это было нужно для вступленія въ университетъ. Катихизисъ попался мнѣ въ руки послѣ Вольтера. Нигдѣ религія не играетъ такой скромной роли въ дѣлѣ воспитанія, какъ въ Россіи, и это, разумѣется, величайшее счастіе *). Когда священникъ началъ давать мнѣ уроки, — онъ былъ удивленъ не только общимъ знаніемъ Евангелія, но и тѣмъ, что я приводилъ тексты буквально. Но Господь Богъ, говорилъ онъ, разскрывъ умъ, не разкрылъ еще сердца. И мой теологъ, пожимая плечами, удивлялся моей двойственности, однакожь былъ доволенъ мною, думая, что у Терновскаго съумѣю держать отвѣтъ **).“ —

„Мать моя была Лютеранка и, стало быть, степенью религіознѣе. Она всякій мѣсяцъ разъ или два ѣздила по воскресеньямъ въ свою церковь, и я отъ нечего дѣлать ѣздилъ съ нею. Тамъ я выучился до артистической степени передразнивать нѣмецкихъ пасторовъ, ихъ декламацію и пустословіе, и этотъ талантъ сохранилъ до совершеннолѣтія.“

---

*) Кн. 2. стр. 85.
**) Кн. 2. стр. 87.

„Я побаивался исповѣди и къ причастію подходилъ со страхомъ; но религіознымъ чувствомъ этого не назову; это былъ тотъ страхъ, который наводитъ все непонятное, таинственное, когда ему придаютъ серіезную таинственность; такъ дѣйствуетъ ворожба, заговариваніе. — Разговѣвшись послѣ утрени на св. недѣлѣ, я цѣлый годъ больше не думалъ о религіи. Но Евангеліе я читалъ много и съ любовію по-славянски и въ лютеровомъ переводѣ. Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости я часто увлекался волтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку; но не помню, чтобъ когда нибудь я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ. Отецъ опредѣлилъ меня на службу . . . Я подписалъ бумагу (о согласіи поступить на службу), тѣмъ дѣло и кончилось: больше я о службѣ ничего не слыхалъ, кромѣ того, что года черезъ три дали мнѣ знать, что я получилъ первый офицерскій чинъ. . . . Но чины, получаемые службой, я разомъ наверсталъ, выдержавши въ Московскомъ университетѣ экзаменъ на кандидата." — Потомъ

онъ за что-то посланъ былъ въ ссылку и наконецъ какъ-то очутился за границею. —

Вотъ кто Искандеръ, по его собственнымъ словамъ! Чего же добраго можно ожидать отъ такого человѣка, который дѣтство свое провелъ подъ надзоромъ невѣрующаго отца, который съ дѣтства привыкъ мыслить не иначе, какъ съ Волтеромъ въ рукахъ, съ дѣтства не зналъ ни Вѣры, ни Церкви, и хоть читалъ Евангеліе, но читалъ безъ всякого руководства и многаго не понималъ, съ дѣтства полюбилъ только иронію, да насмѣшки, потомъ кой-какъ окончилъ курсъ въ университетѣ, гдѣ во всемъ и во всѣхъ находилъ только смѣшное отъ товарищей до ректора, нигдѣ почти не служилъ, за тѣмъ подвергся ссылкѣ конечно за добрыя дѣла, наконецъ появился за границею? И кто можетъ къ такому человѣку имѣть хоть какое нибудь довѣріе, кто можетъ увлекаться, и хоть въ чемъ нибудь сочувствовать ему? . . Развѣ тѣ только жалкіе люди, которые, получивъ такое же воспитаніе, какое и онъ, здраваго ученія не хотятъ слушать, но по своихъ похотехъ любятъ избирать себѣ учители, чешеми слухомъ, любятъ отъ истины слухъ

отвращать и къ баснемъ уклоняться (2 Тим. 4, 3. 4).

Вотъ до чего можетъ дойти человѣкъ, оставившій религію, пренебрегшій Св. Церковію! И вотъ единственный полезный урокъ, который можемъ мы извлечь для себя изъ Полярной Звѣзды! Прекрасны науки, прекрасны искусства, прекрасна цивилизація, гуманность и под.; но пусть все это не будетъ проникнуто духомъ Вѣры и Церкви: что можетъ произойти отсюда? Можетъ произойти туманная, ложная мудрость Искандеровская, высокая только потому, что высоко, гордо думаетъ о себѣ, глубокая только потому, что роется въ грязи и прахѣ, плодовитая только сомнѣніями и подозрѣніями, коварствомъ и клеветою, твердая только въ упрямствѣ невѣрія и въ безстыдствѣ клеветы. Въ правѣ ли кто ожидать отъ такой мудрости доброй нравственности, спокойствія, счастія, безопасности?.. Нѣтъ; ея работа разрушительная, а не созидательная. Пока вѣтка на деревѣ, пока пьетъ изъ него соки, — она и зелена, и сочна, и плодовита; а оторвись она отъ дерева, — и вотъ въ ней жизни нѣтъ; она изсохла; ее попираютъ и люди, и животныя; ее увлекаетъ

всякій вѣтеръ за собою; она всѣмъ мѣшаетъ; ее бросаютъ наконецъ въ огонь. Не тоже ли бываетъ и съ мудростію человѣческою, когда она оторвана отъ Премудрости Божіей? Не даромъ же Спаситель сказалъ: Азъ есмь лоза, вы же рождіе; и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, — той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ: и собираютъ ю, и сгараетъ (Іоан. 15, 56). — И умъ Искандера, безъ сомнѣнія, никогда бы не дошелъ до такихъ безпорядочныхъ, странныхъ мыслей, никогда бы не палъ такъ глубоко. Церковь, безъ его вѣдома, удержала бы его въ надлежащихъ предѣлахъ; Вѣра удержала бы его отъ такихъ грубыхъ сужденій обо всемъ и обо всѣхъ.

О, дай Богъ, чтобы въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всегда была, на первомъ планѣ — Святая религія; дай Богъ, чтобы въ нихъ были такіе законоучители, которые бы не словомъ только, но и жизнію постоянно старались внушать своимъ питомцамъ высокую исти-

ну: благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго (Тим. 4, 8). Дай Богъ, чтобы они, ни кѣмъ и ни чѣмъ не стѣсняясь, требовали отъ дѣтей, чтобы они соблюдали всѣ правила Вѣры и Церкви. Дай Богъ, чтобы и начальствующіе и учащіе всегда твердо помнили, что изъ всѣхъ добрыхъ началъ въ дѣлѣ воспитанія главнѣйшее и полезнѣйшее есть то, которое начерталъ мудрѣйшій педагогъ: начало премудрости страхъ Господень (Притч. 1, 7). Дай Богъ, чтобъ они всегда могли находить горячее сочувствіе и дѣятельное соучастіе въ родителяхъ дѣтей, которые бы не такъ мыслили относительно Вѣры, и не такъ дѣйствовали въ отношеніи къ дѣтямъ, какъ мыслилъ и дѣйствовалъ отецъ Искандера въ отношеніи къ сыну, чтобы, соблюдая гуманность, такъ настоятельно требуемую нынѣшнимъ вѣкомъ, — не забывали подчасъ и словъ Премудраго: Конь не укрощенъ свирѣпъ бываетъ: и сынъ самовольный продерзъ будетъ. Ласкай чадо, и устрашитъ тя, играй съ нимъ, и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ, и напо-

слѣдокъ стиснеши зубы твоя (Сир. 30, 8—10). — Давно это сказано; но слова Премудраго никогда не могутъ быть несовременны; потому что это — слова Премудраго, потому что истина никогда не старѣетъ. Дай Богъ, чтобъ это было, — и тогда изъ нашихъ учебныхъ заведеній будутъ выходить не Искандеры, а добрые, вѣрные сыны Церкви, а изъ добрыхъ сыновъ Церкви непремѣнно будутъ и прекрасные сыны и слуги отечества, прекрасные граждане. Одно съ другимъ такъ тѣсно связано, какъ тѣсно связаны душа съ тѣломъ. Еще Тертулліанъ говорилъ язычникамъ: „вы судящіе ежедневно язычниковъ, приговаривающіе на казнь всякого рода преступниковъ, убійцъ, мошенниковъ, святотатцевъ, соблазнителей, скажите по совѣсти, я на васъ ссылаюсь: бываетъ ли между сими злодѣями хотя одинъ Христіанинъ, или между приводимыми къ вамъ Христіанами бываетъ ли кто изъ нихъ обвиняемъ въ подобныхъ преступленіяхъ? Все преступленіе Христіанина состоитъ только въ томъ, что онъ Христіанинъ; если же онъ виновенъ въ какомъ либо другомъ преступленіи, — то, конечно, онъ не

Христіанинъ“*). Вотъ какихъ гражданъ даетъ истинное Христіанство!... Но что такое человѣкъ, который при помощи воспитанія успѣлъ омеблировать, такъ сказать, всю голову различнаго рода познаніями, а изъ сердца изгналъ страхъ Божій и Вѣру святую? — Онъ походитъ на вещь, по виду красивую, но устроенную изъ гнилаго дерева, и только заполированную. Что это за опора для Государства?.. Дай Богъ наконецъ, чтобы и вѣ вообще: Русскіе, при всѣхъ своихъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ, какъ можно чаще напоминали себѣ, что аще не Господь созиждетъ, всуе трудишася зиздущіи. Это заставило бы ихъ чаще прибѣгать съ молитвою къ Богу и къ Церкви; а если мы будемъ съ Богомъ, и Богъ будетъ съ нами: то какъ не ожидать намъ добрыхъ успѣховъ вездѣ и во всемъ?.. Аще Богъ по насъ, кто на ны (Римл. 8, 31)?..

*) Апол. гл. 44.

ГОЛОСЪ НА КЛИКЪ:

„СЪ ТОГО БЕРЕГА.“

Грустное, подавляющее впечатлѣніе производитъ книга Искандера „Съ того берега.“ Прочитавъ ее, невольно спрашиваешь себя: что это? бредъ ли больнаго? или рѣчи помѣшаннаго? или исповѣдь сердца измученнаго, истомленнаго невѣрія, которое хочетъ передъ всѣми выставить свои язвы, всю горечь, всю безнадежность невѣрія, чтобы предостеречь другихъ отъ того гибельнаго пути, которымъ оно прошло? Этотъ послѣдній взглядъ высказываетъ самъ авторъ въ предисловіи книги, посвящая ее своему сыну: „Другъ мой Саша! я посвящаю тебѣ эту книгу, потому, что я не писалъ ничего лучшаго, и вѣроятно ничего лучшаго не напишу. Я не хочу тебя обманывать; знай истину, какъ я ее знаю; тебѣ эта истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвящими разочарованіями, а просто по праву наслѣдства. Не ищи рѣше-

ній въ этой книгѣ, ихъ нѣтъ въ ней.“ Если нѣтъ въ этой книгѣ, по признанію самаго автора, рѣшенія; то въ чемъ же заключается истина, высказанная въ ней? Конечно истина субъективная — это мучительныя ошибки, мертвящія разочарованія. Авторъ признается, что люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на его книгу, что общій выводъ, оставшееся впечатлѣніе были скорѣе противъ него. Въ объясненіи этого онъ говоритъ: „не выражаетъ ли это чувство раздражительности, — близкой опасности, страхъ предъ будущимъ, желаніе скрыть свою слабость, капризное окаменѣлое старчество?“ Нѣтъ, не съ чувствомъ раздраженія, не съ страхомъ предъ будущимъ; но съ свѣтлою надеждою на будущее, съ глубокимъ чувствомъ состраданія, во имя Христіанской любви, мы хотимъ сказать слово нашему страждущему несчастному брату.

Но понятенъ ли голосъ Христіанской любви человѣку, который отвергаетъ Христіанство, который отрекается отъ всякой вѣры, отъ всякой надежды? Изъ собственныхъ признаній Искандера мы можемъ заключить, что если и не понятенъ ему голосъ

Христіанской любви, по крайней мѣрѣ не незнакомъ. Выслушаемъ его признанія.

„Евангеліе я читалъ много и съ любовію по славянски и въ лютеровомъ переводѣ. Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости моей я часто увлекался волтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобы когда нибудь я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ. Это меня проводило чрезъ всю жизнь, во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ, я возвращался къ чтенію Евангелія и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу. Когда священникъ началъ мнѣ давать уроки, онъ былъ удивленъ не только общимъ знаніемъ Евангелія, но и тѣмъ, что я приводилъ тексты буквально. Но Господь Богъ, говорилъ онъ, раскрывъ умъ, не раскрылъ еще сердца, и удивлялся моей двойственности. Вскорѣ религія другаго рода овладѣла моею душею.“ Но это доброе впечатлѣніе не могло вдругъ быть подавлено. Вотъ что, спустя довольно времени, испыталъ Искандеръ: „Два раза Витбергъ успѣлъ поколебать

меня. Но моя реальная натура взяла скоро верхъ. Нѣтъ мнѣ не суждено было подниматься на третье небо, ибо я родился совершенно земнымъ человѣкомъ. Я былъ религіозенъ, хотя моя религія не была надзвѣздною. Боже мой! какъ все перепутано и странно въ жизни!... Въ этомъ захолустьи Вятской жизни, въ этой грязной средѣ чиновниковъ, въ этой печальной ссылкѣ, разлученный со всѣмъ міромъ... и тамъ какія чудныя святыя минуты проводилъ я!"... Чѣмъ далѣе отходилъ Искандеръ отъ живой истины Христіанства, тѣмъ менѣе уже становились ему доступны святыя минуты, имъ нѣкогда испытанныя, объ которыхъ онъ вспоминаетъ съ такимъ теплымъ, отраднымъ чувствомъ.... „Мнѣ было такъ невыносимо, — пишетъ онъ въ 1849 г., — что если бы я могъ, я бросился бы на колѣни и плакалъ бы и молился бы, но я не могъ и, вмѣсто молитвы, написалъ проклятіе — мой эпилогъ въ 1849 г." Кто не сознается вмѣстѣ въ Искандеромъ, что это страшное, невыносимое состояніе? Душа проситъ молитвы, слезъ, и, вмѣсто того, раздаются проклятія! Видно, что изъ души этой изгладилась память о Сынѣ Божіемъ, Который

принимаетъ смиренную молитву мытаря, принимаетъ покаяніе разбойника, висящаго на крестѣ. Еще не много вѣры, и миръ и кротость низошли бы по прежнему на очищенную слезами и согрѣтую молитвою душу. Въ подобныя тяжкія минуты пусть страждущій невѣріемъ прежде помолится: Господи! приложи намъ вѣру! Кто же причиною такого мучительнаго состоянія.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ Забытый мною,
Просіяй сквозь мрачныхъ думъ,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ.

Впрочемъ въ нѣкоторое извиненіе Искандера нельзя не указать на ту душную атмосферу, наполненную міазмами скептизма и невѣрія, въ которой онъ воспитался. Выслушаемъ его признанія о лицахъ, имѣвшихъ на него самое ближайшее вліяніе. „Отецъ мой принадлежалъ къ кругу скептиковъ и эпикурей-

цевъ, пріятелей Вольтера и Бомарше, Дидро и Касти. Только его здоровье не позволяло ему вести до 70ти лѣтъ вѣтренную жизнь. Когда онъ воспитывался, европейская цивилизація была еще такъ нова въ Россіи; чтобы быть образованнымъ, значило быть наименѣе Русскимъ. Онъ не читалъ ни одной русской книги, ни даже библіи. Впрочемъ библію онъ и на другихъ языкахъ не читалъ. Онъ зналъ по наслышкѣ и по отрывкамъ, о чемъ идетъ рѣчь вообще въ св. писаніи, и дальше не полюбопытствовалъ взглянуть. Людей онъ презиралъ откровенно, открыто — всѣхъ. Никого не просилъ ни о чемъ, и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. Сохраненіе приличія въ сношеніи съ людьми составляло его нравственную религію. Онъ не любилъ никакой откровенности, никакого проявленія чувства. Катихизисъ попался мнѣ въ руки послѣ Вольтера. Мой отецъ считалъ религію въ числѣ необходимыхъ вещей благовоспитаннаго человѣка; онъ говорилъ, что надобно вѣрить въ св. писаніе безъ разсужденія, потому, что умомъ тутъ ничего не возмешь, что надобно исполнять обряды той религіи, въ которой родился, не вдаваясь впрочемъ въ излишнюю набожность, ко-

торая идетъ старымъ женщинамъ, а мущинамъ неприлична. Вѣрилъ ли онъ самъ? Я полагаю, что немного вѣрилъ по привычкѣ, изъ приличія, на всякій случай. Впрочемъ онъ самъ не исполнялъ никакихъ церковнымъ постановленій, — защищаясь разстроеннымъ здоровьемъ. Онъ почти никогда не принималъ священника, или просилъ его пѣть въ пустой залѣ. Въ деревнѣ онъ ходилъ въ церковь и принималъ священника, но это больше изъ свѣтско-правительственныхъ цѣлей, нежели изъ богобоязненныхъ. Мать моя была Лютеранка: она всякой мѣсяцъ разъ или два ѣздила въ воскресенье въ кирху, и я отъ нечего дѣлать ѣздилъ съ нею. Тамъ я выучился передразнивать нѣмецкихъ пасторовъ, ихъ декламацію и пустословіе. Каждый годъ отецъ приказывалъ мнѣ говѣть, но потомъ цѣлый годъ я уже больше не думалъ о религіи."

Другой человѣкъ, имѣвшій вліяніе на Искандера, былъ его дядя, химикъ. Вотъ вѣрованія этого человѣка: „онъ вѣрилъ, что эгоизмъ исключительное начало всѣхъ, и находилъ, что его сдерживаетъ только безуміе однихъ и невѣжество другихъ. Меня возмущалъ его матеріализмъ. Онъ говорилъ о на-

тур-философахъ: Сами выдумали первыя причины, духовныя силы, да и удивляются потомъ, что ихъ ни найдти, ни понять нельзя. Онъ находилъ, что на человѣкѣ также мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ, что все дѣло организаціи, обстоятельствъ и вообще устройства нервной системы, отъ которой больше ждутъ, нежели она въ состояніи дать.“

Всѣ настоящія вѣрованія Искандера, всѣ болѣзни его ума и сердца служатъ отвѣтомъ на то, какой долженъ быть плодъ воспитанія подъ вліяніемъ подобныхъ людей. Съ самой юности пріучили его смотрѣть на ученіе Церкви, какъ на одну только форму, не раскрывъ содержанія, — вмѣсто любви и самоотверженія, — его и словомъ и дѣломъ учили эгоизму. Конечно, юное, еще неиспорченное страстями сердце, не могло вдругъ подчиниться такому вліянію. Душа человѣка по природѣ Христіанка, сказалъ еще Тертулліанъ. Она научала Искандера находить утѣшеніе въ Евангеліи, и долго онъ чувствовалъ, что въ душѣ остается монашеская келья и въ ней мистическое зерно. „Вліяніе химика, говоритъ онъ, заставило меня избрать физико-мате-

матическое отдѣленіе. Безъ естественныхъ наукъ нѣтъ спасенія современному человѣку, безъ этой здоровой пищи, безъ этого строгаго воспитанія мысли фактами, безъ этой близости къ окружающей насъ жизни, безъ смиренія предъ ея независимостію, гдѣ-нибудь въ душѣ остается монашеская келья и въ ней мистическое зерно, которое можетъ разлиться темною водою по всему разумѣнію.“ Иными словами говоря: религіозное чувство, врожденное душѣ человѣка, глубоко остается въ немъ, долго чувствуется, и только одностороннимъ образованіемъ можно заглушить его голосъ. Эту глубокую истину высказалъ первый пробудитель изученія естественныхъ наукъ на Западѣ — Беконъ: gustus leviores ad atheismum, graviores vero ad religionem ducere, т. е. поверхностное образованіе приводитъ къ безбожію, а глубокое къ религіи. Искандеръ болѣе, нежели кто нибудь долженъ бы понять, что это мистическое зерно, эта потребность, чувствуемая въ его душѣ, есть потребность прирожденная человѣку; ибо воспитаніе не давало ему этого зерна, напротивъ оно всячески подавляло его. И это зерно глохло постепенно. „Чрезъ 12 лѣтъ, пишетъ Искан-

деръ, я много разъ поминалъ химика, такъ какъ поминалъ замѣчанія моего отца. Разумѣется онъ былъ правъ въ трехъ четвертяхъ всего, на что я возражалъ. Есть истины, которыя, какъ политическія права, не передаются раньше извѣстнаго возраста." Итакъ идеи первоначальнаго воспитанія въ трехъ четвертяхъ наконецъ утвердили свое вліяніе надъ Искандеромъ; на долю его самодѣятельности остается одна только четверть.

Мы видимъ, что Искандеръ не изучалъ Христовой Вѣры ни теоретически, ни опытно, что она осталась для него областію недовѣдомою; самое чувство расположенія къ ней онъ старался умышленно подавить. Но справедливо ли поступаетъ человѣкъ, проповѣдующій господство разума, произнося судъ надъ тѣмъ, чего онъ не знаетъ, чего онъ не испыталъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ именно къ этому внутреннему свидѣтельству опыта призывалъ тѣхъ, кто хочетъ убѣдиться въ божественности Его ученія. „Мое ученіе, говоритъ Онъ, не Мое, но Пославшаго меня. Кто хочетъ творить волю Его: тотъ узнаетъ, отъ Бога ли Мое ученіе, или Я Самъ отъ Себя говорю" (Іоан. 7, 16. 17).

человѣкъ, который опытно узналъ ученіе Христово, старался осуществлять его въ жизни, никогда не отвергнется его. Даже кто хоть разъ въ жизни испыталъ сладость утѣшенія, доставляемаго Евангеліемъ, тотъ едва ли можетъ забыть его и не чувствовать всего высокаго достоинства этой Божественной книги. Какое благородное сердце не плѣнитъ эта чистота нравственности, эта святая любовь къ человѣку? Искандеръ невольно признаетъ достоинства Христіанской нравственности. „Христіанская нравственность, говоритъ онъ, всегда была одною благородною мечтою, никогда не осуществлявшеюся.“ Но изучалъ ли онъ внимательно исторію Христіанской Церкви? Вникалъ ли въ жизнь Святыхъ Апостоловъ, Мучениковъ, пастырей Церкви и подвижниковъ, чтобы произнести подобное сужденіе? Согласны мы, что нравственность Христіанская есть идеалъ, который будетъ осуществляться въ продолженіи всей вѣчности. Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: „будите совершени, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.“ Но эта высота Христіанской нравственности и служитъ несомнѣннымъ залогомъ его вѣчной жизненности.

Умираетъ, отживая свой вѣкъ, и замѣняется новымъ то, что истощило свое содержаніе. Христіане первыхъ вѣковъ отрицали міръ Римскій, потому, что онъ изжилъ свое содержаніе. Его философія падала, ибо не могла дать новыхъ истинъ; формы гражданскаго быта его разрушались, ибо не имѣли откуда заимствовать себѣ обновленіе. Его право истощило свое развитіе, ибо не знало святой любви Евангельской. Литература, перепытавъ всѣ формы, но не обновляя содержанія, сдѣлалась пустою декламаціею.

Между тѣмъ Христіанство, какъ ни много принесло блага для рода человѣческаго, еще далеко не осуществилось во всей чистотѣ своего ученія. Цивилизація народовъ Христіанскихъ, безспорно высшая и болѣе гуманная, нежели цивилизація всѣхъ народовъ, неисповѣдующихъ Вѣры Христовой, служитъ яснымъ, несомнѣннымъ доказательствомъ благотворности Христіанства. Но Христіанство и до сихъ поръ встрѣчаетъ себѣ препятствіе въ остаткахъ языческаго права, языческаго образа жизни язычествующей философіи. Оно постепенно, мало по малу побораетъ эти остатки язычества. Между тѣмъ

посмотрите — магометанскія царства умираютъ подъ своимъ Кораномъ. Индія стоитъ неподвижно, окованная своимъ Брамаизмомъ; Китай гніетъ, какъ въ болотѣ, съ своей матеріальною религіей. Дикія племена Африки, Америки, Австраліи, незнакомыя съ свѣтомъ Христіанства, не начинали еще политической исторіи, и безслѣдно исчезаютъ съ лица земли. Одни только Христіанскіе народы идутъ впередъ на пути развитія духовнаго и матеріальнаго.

И въ замѣнъ этого — благотворнаго ученія, или, какъ выражается Искандеръ, мечты, но благородной, хотятъ преслѣдовать мечту только неблагородную, — мечту соціализма. Въ чемъ же она состоитъ? „Эгоизмъ и общественность (братство и любовь), говоритъ Искандеръ, не добродѣтели и не пороки. Это основныя стихіи жизни человѣка, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія. Какъ существо общежительное человѣкъ стремится любить, и на это ему вовсе не нужно приказа. Всякое дѣйствіе противное нашимъ убѣжденіямъ преступно. Свободный человѣкъ создаетъ свою нравственность; для мудраго нѣтъ закона. Превосход-

ное поведеніе вчера, можетъ быть скверно сегодня. Незыблемой вѣчной нравственности также нѣтъ, какъ нѣтъ вѣчныхъ наградъ и наказаній.“ Но, скажемъ словами приводимыми самимъ Искандеромъ, когда человѣкъ — сводится только на то, что ему нужно, онъ дѣлается звѣремъ? Если человѣкъ водится только безсознательнымъ инстинктомъ, то зачѣмъ всѣ вопли, всѣ возстанія противъ существующаго порядка? Волкъ деретъ овцу, потому что влечетъ его къ тому инстинктъ, и идеями соціализма не перемѣнить его натуры. Если Искандеръ хлопочетъ о благѣ рода человѣческаго, то какой залогъ для него представляетъ онъ въ томъ правилѣ, что незыблемой нравственности нѣтъ, и превосходное поведеніе вчера можетъ быть скверно сегодня? Вчера мнѣ хотѣлось дать пролетарію, за котораго такъ хлопочеть Искандеръ, свои деньги, одежду, хлѣбъ; нынѣ это показалось мнѣ сквернымъ, и я ограблю его опять и даже изувѣчу, или совсѣмъ убью. Незавидно общество, которое будетъ устроено по этимъ идеямъ. Искандеръ хочетъ уничтоженія всякой религіи, всякой власти, всякаго авторитета для того, чтобы господствовала личная сво-

бода. Ему тяжело даже самое чувство благодарности потому, что оно есть начало рабства. Но что такое свобода? Ея нѣтъ въ животныхъ, руководящихся инстинктомъ; она есть только свойство существа разумно-нравственнаго, которое можетъ обсуждать свои дѣйствія и располагать ими на основаніи высшаго прирожденнаго ему закона. Но можно ли эту свободу понимать, какъ способность и невозбранность дѣлать все то, что хочетъ человѣкъ? Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Такая свобода совершенно уничтожала бы свободу. Права одного человѣка, его личная свобода всегда бы страдали отъ свободы другаго. Каждый хотѣлъ бы господства своихъ мыслей, своихъ желаній, и слѣдовательно не мыслей и желаній и дѣйствій другихъ людей. Такая свобода породила ужасы революцій, и въ потокахъ крови человѣческой потопила и сама себя. Слѣдовательно нужно положить какіе нибудь предѣлы — свободѣ одного лица, чтобы она не стѣсняла свободы другаго. Слѣдовательно нужно указать свободѣ, что она должна дѣлать, то есть: нуженъ законъ для нея. Законъ необходимый для того, чтобы соблюсти свободу другихъ лицъ, ну-

женъ и для сохраненія свободы каждаго отдѣльнаго человѣка. Человѣкъ и съ свободою легко можетъ сдѣлаться рабомъ страсти, рабомъ какой нибудь злой привычки, онъ можетъ создать какой нибудь свой истуканъ, какой нибудь свой кумиръ, къ которому прикуется не за руки и за ноги, но головою и сердцемъ. Но какъ же согласить и соединить повиновеніе, требуемое закономъ, и свободу, когда ихъ направленія представляются противоположными, — свобода хочетъ расширить человѣческую дѣятельность, а повиновеніе ограничиваетъ ее? Если мы примемъ истинное понятіе о свободѣ, то легко примиримъ эти противорѣчія. Свобода есть способность и невозбранность разума избирать и дѣлать. лучшее, Это лучшее указуется тѣмъ внутреннимъ закономъ правды, который присущъ каждому человѣку, есть основной законъ нравственности, законъ его дѣятельности. Онъ учитъ: каждому воздавать должное; дѣлать другимъ то, чего хотѣли бы мы сами отъ нихъ. Этотъ внутренній законъ правды служитъ основою учрежденія государства, которое есть союзъ свободныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей сво-

боды, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, составляющаго необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть нечто иное, какъ примѣненныя къ особымъ случаямъ истолкованія сего закона, и ограды, поставленныя противъ его нарушенія. Слѣдуя закону, человѣкъ сохраняетъ свою свободу; ибо сознательно и разумно слѣдуетъ внутреннему своему требованію; избираетъ лучшее, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу другихъ. Потому справелнивы слова Искандера, что для мудраго нѣтъ закона, но это потому, что онъ мудрый и твердо знаетъ и неуклонно слѣдуетъ своему закону внутреннему, который, какъ звѣзда любви, сіяетъ во всей его жизни; это потому, что онъ руководствуется одною и тою же идеею правды и истины, присущихъ его душѣ; это отъ того, что онъ свою свободу не считаетъ вѣтромъ, который дуетъ туда и сюда — самъ не зная почему, но признаетъ ее способностію избирать лучшее. Возстаютъ противъ закона тѣ, которые потеряли истинную свободу, и не хотятъ уважать свободу другихъ. Они требуютъ сколь возможно расширенной свободы въ обществѣ человѣческомъ предъ за-

кономъ и властію. Но кто сдѣлался рабомъ страстей, тотъ по отдаленіи преградъ, противопоставляемыхъ порочнымъ дѣйствіямъ закономъ и властію, неудержимѣе прежняго предается влеченію страстей, и слѣдовательно рабству, и еще сильнѣе будетъ нарушать свободу другихъ. Искандеръ любитъ повторять: „да здравствуетъ разумъ!“ Зачѣмъ же онъ проповѣдуетъ отсутствіе всякаго разума, господство однихъ безсознательныхъ инстинктовъ? О! если бы вы, строители новаго общества, чаще вспоминали слово Вѣчной истины, оправданное исторіей почти двадцати вѣковъ: „камень, который отвергли зиждущіе, тотъ самый сдѣлался главою угла; отъ Господа сіе сдѣлалось, и есть дивно въ очахъ нашихъ. И тотъ, кто упадетъ на камень сей, разбіется, а на кого онъ упадетъ, того раздавитъ“ (Матѳ. 21, 42. 44.). Кажется достаточно опытовъ революцій XVIII и XIX в., чтобы убѣдиться, что всякое преобразованіе общества, совершаемое не во имя Іисуса Христа, строится на пескѣ и не можетъ выдержать перваго напора сильной волны или порыва вѣтра: оно кончается гильотиною или разстрѣливаніемъ на баррикадахъ, не достигая цѣли. Между

тѣмъ Христіанство, въ продолженіе трехъ вѣковъ поливаемое кровію своихъ исповѣдниковъ, безъ оружія покорило себѣ лучшую часть міра. Если вы хотите преобразованій общества во имя любви къ людямъ, во имя желанія общаго блага, то чему не можетъ удовлетворить Христова Вѣра? Если вы хотите свободы, то Евангеліе не только даетъ возможность избирать лучшее при свѣтѣ истины Божіей, но и приводитъ его въ дѣйствіе при помощи благодатной силы Божіей. Этого не можетъ сдѣлать никакой законъ человѣческій, никакое человѣческое ученіе. Возвратить истинную свободу тому, кто потерялъ возможность правильно пользоваться ею, можетъ только даровавшій ее при сотвореніи. „Если Сынъ освободилъ васъ, говоритъ Іисусъ Христосъ, то истинно свободны будете. Ежели пребудете въ словѣ Моемъ; то вы истинно Мои ученики, и познаете истину и истина свободитъ васъ" (Іоан. 8. 36. 31. 32.). Истина Христова освободитъ отъ ложныхъ идей и увлеченій, которыми порабощается свобода человѣка. Господь Іисусъ Христосъ своею крестною смертію расторгъ связующія насъ узы грѣха и смерти, и, ниспославъ Духа истины,

далъ намъ чрезъ вѣру свѣтъ Своей истины усматривать лучшее, и Свою благодатную силу творить оное.

Свободу, доставляемую Господомъ Іисусомъ Христомъ, не стѣсняетъ ни небо, ни земля, ни адъ; предѣломъ своимъ она имѣетъ волю Божію, и это не въ ущербъ себѣ, потому, что и стремится къ исполненію воли Божіей; она не имѣетъ нужды колебать законныя постановленія человѣческія, потому, что умѣетъ усматривать въ нихъ ту истину, что „Господне есть царствіе и Той обладаетъ языки“ (Пс. 21, 29.); она непринужденно чтитъ законную человѣческую власть и ея повелѣнія, непротивныя Богу; потому, что и сама того хочетъ, чего требуетъ повиновеніе. Свобода Христіанская такова, что она равно сохраняется ненарушенною и на тронѣ, и въ узахъ, и въ темницѣ; потому, что духъ, которому принадлежитъ свобода, не подлежитъ этимъ внѣшнимъ ограниченіямъ.

Вы желаете утвержденія любви между людьми; но есть ли что выше той любви, которая заповѣдуется въ Евангеліи? „Заповѣдь новую даю вамъ: любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга. Нѣтъ больше сей любви,

какъ если кто душу свою положитъ за друзей своихъ“ (Іоан. 13, 34; 15, 13). Если вы хотите равенства, то нигдѣ такъ ясно оно не проповѣдано, какъ въ Христіанствѣ. По ученію Христову мы всѣ дѣти одного Отца небеснаго, для всѣхъ даруются одинакія средства ко спасенію, всѣмъ обѣщаны одинаковыя блага. Въ нѣдрахъ Церкви Христовой нѣтъ разности между Еллиномъ и Іудеемъ, между Скиѳомъ и варваромъ, между рабомъ и свободнымъ — всѣ одно о Христѣ Іисусѣ. Если въ обществахъ Христіанскихъ остается рабство, то это остатокъ язычества, стараго права Греко-римскаго. Вамъ хочется правды въ судѣ; но истинный Христіанинъ можетъ ли судить неправо? Даже мечта соціализма; отвергнуть полнѣйшимъ образомъ весь старый порядокъ съ его гражданскимъ и уголовнымъ кодексами, — можетъ осуществиться только среди общества вполнѣ Христіанскаго. Вотъ что говоритъ Господь: „слышасте яко речено бысть: око за око, зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую, и хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти,

отпусти ему и срачицу (Матѳ. 5, 39. 40). Нужны ли послѣ этого кодексы гражданскій и уголовный? Вы хлопочете о бѣдныхъ? Но вотъ Спаситель говоротъ: „просящему у тебе дай, и хотящаго отъ тебе заяти, не отврати (Матѳ. 5, 42). Аще хочеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ“ (Матѳ. 19, 21); „и въ первомъ обществѣ Христіанъ не бяше нищъ ни единъ „(Дѣян. 4, 34). И такъ если хотите осуществленія вашихъ желаній, проповѣдуйте Христово ученіе, тотъ путь смиренія, самоотверженія и любви, примѣръ котораго показалъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. Только тогда, какъ любовь проповѣданная Господомъ Іисусомъ Христомъ сдѣлается закономъ нашей жизни, тогда только исчезнетъ въ мірѣ неправда и прекратятся слезы нищихъ и сиротъ. Возставая противъ Церкви Христовой, вы возстаете противъ истиннаго счастія человѣка. „Но Церковь, говоритъ Искандеръ, явилась іерархіею, стало быть поборницею неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми, — чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ.“ Іерархія явилась въ Церкви съ самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, основателемъ и свя-

тителемъ нашего исповѣданія, съ Апостолами — преемниками его власти и съ епископами, поставленными отъ нихъ. Но кто прямѣе Спасителя и Его Апостоловъ высказывалъ горькую истину властямъ неправо правящимъ? Церковь не беретъ меча, не поднимаетъ бунтовъ противъ власти; но ея исповѣданіе, ея правила такъ точно изложены, она никогда не измѣняла имъ и молча протестуетъ противъ всякой неправды, противъ всякаго нарушенія Христова закона. Когда же Церковь была поборницею неравенства, врагомъ и гонительницею братства? Объяснимъ прежде, въ чемъ должно состоять равенство и братство. Въ томъ ли, чтобы каждый исправлялъ тѣже самыя обязанности, какія исправляетъ и другой? Но это очевидно невозможно, и несовмѣстимо съ благомъ человѣка. И въ тѣлѣ человѣческомъ есть голова, есть туловище, есть руки, есть ноги. Требовать ли, что бы все было головою? И въ головѣ есть глаза, есть уши, есть ротъ, есть носъ. Требовать ли, чтобы все было глазомъ, или ртомъ, или носомъ, или ушами? Очевидная нелѣпость. Красота и сила тѣла состоятъ въ соединеніи различныхъ частей, изъ которыхъ

каждая отправляетъ соотвѣтственное ей служеніе. Такъ и въ Церкви, какъ и въ обществѣ гражданскомъ должно быть раздѣленіе служеній, по мѣрѣ силъ и способностей каждаго, по мѣрѣ его расположенія и различныхъ обстоятельствъ. Нельзя требовать, чтобы младенецъ и взрослый несли тѣ же обязанности. Прекрасно Апостолъ Павелъ въ 12 главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ объясняетъ необходимость и естественность раздѣленія служеній въ Церкви. Это разнообразіе и раздѣленіе служеній и обязанностей есть необходимое условіе благосостоянія каждаго общества. Іерархія церковная нисколько не нарушаетъ равенства и братства людей. Избирая способнѣйшихъ и достойнѣйшихъ для управленія, Церковь ни для кого не заграждаетъ доступа къ высшимъ должностямъ, передаетъ ихъ не по праву наслѣдства, но по избранію, которое совершается на основаніи способностей, заслугъ и расположенія къ высшему служенію. Между тѣмъ всѣ святыя истины Евангелія, всѣ дары благодати, всѣ лучшія обѣтованія равно доступны для всѣхъ. Развѣ это неравенство? Развѣ нарушается братство, когда старшій или способнѣйшій братъ прини-

маетъ на себя попеченіе о домѣ, объ имуществѣ? И эту-то Церковь, провозвѣстницу любви Евангельской, осмѣливаются называть „опорою кнута и поборницею деспотизма!!!“ Каждый день она въ слухъ всѣхъ желающихъ слышать читаетъ Евангеліе — благовѣстіе любви, всякій день она воспоминаетъ безкровно жертву, принесенную Сыномъ Божіимъ въ искупленіе грѣховъ рода человѣческаго; напоминаетъ о любви Отца небеснаго, который, чтобы избавить отъ наказанія и осужденія согрѣшившаго передъ Нимъ, человѣка, не пощадилъ Сына своего. Только тотъ, у кого ожесточеніе заградило слухъ и взоръ, можетъ взнести на Святую Церковь подобную клевету!!! Виновата ли она, что не хотятъ слушать ея ученія, намѣренно заграждаютъ свой слухъ, чтобы не выслушать горькаго осужденія своимъ своекорыстнымъ безчеловѣчнымъ инстинктамъ? Слушайте Церковь, внимайте ея ученію, распространяйте его, и тогда не будетъ ни кнута, ни деспотизма, ни рабства, ни слезъ нищеты. О! если бы мнимые филантропы имѣли хоть тѣнь той любви къ ближнимъ, какою дышетъ святая Церковь! О если бы они хоть въ сотую долю со-

знавали достоинство человѣка, какъ сознаетъ его святая Церковь, и уважали его личную свободу, какъ уважаетъ она! Крестная смерть Сына Божія есть жертва для свободы человѣка. Одаривъ міръ этимъ высокимъ даромъ, Богъ не хотѣлъ отнять его, когда человѣкъ сталъ недостоинъ дара; по своей безконечной любви не хотѣлъ погибели человѣка, когда воля свободная уклонилась къ злу, и для спасенія человѣка, вмѣстѣ съ его свободою, измыслилъ дивное врачевство — крестную смерть Сына Своего. Знаемъ, что „Слово крестное для погибающихъ есть безуміе, что проповѣдь о Христѣ распятомъ для Іудеевъ соблазнъ, для Еллиновъ безуміе“ (1. Кор. 1, 18. 23); но и для непринимающихъ, къ своей погибели, дѣйствительности искупительной жертвы, все остается несомнѣннымъ то, что Церковь такъ понимаетъ эту жертву, какъ жертву искупленія свободы человѣка. Можно ли выше думать о свободѣ человѣка? Можно ли болѣе дорожить ею?

Но говорятъ, Церковь Русская всегда поддерживала монархическую власть, всегда внушала повиновеніе ей, освящала ее. За это ли упрекать ее? Но кому обязана Россія своимъ величіемъ, своимъ на-

стоящимъ состоянiемъ, какъ не монархической власти? Кто можетъ быть болѣе безкорыстнымъ слугою Отечества, болѣе ревновать о счастiи, благоденствiи сыновъ ея, какъ не наслѣдственный Монархъ? Его честь въ славѣ царства; его счатiе, его опора въ благоденствiи и любви подданныхъ. У него не можетъ быть личныхъ интересовъ; они, неразрывно связаны съ интересами всего государства. Это не вождь партiи, не вигъ, не тори, который заботится о частныхъ своихъ идеяхъ, убѣжденiяхъ, объ интересахъ своей партiи. Для Монарха всѣ подданные равно близки, равно дороги, для всѣхъ равно онъ хочетъ счастiя, благоденствiя. Не въ какой нибудь партiи, ни въ интересахъ одного какого нибудь сословiя онъ можетъ искать себѣ опоры, но въ любви всѣхъ. Онъ ли виноватъ, что эгоизмъ, своекорыстiе, лукавство закрываютъ, иногда отъ него нужды меньшихъ братiй? Каждый здравомыслящiй согласится, что ни одинъ Монархъ не желаетъ зла своему государству, но только добра, и если ошибается, то только въ способахъ къ достиженiю его. Но можемъ ли мы частные люди сказать, что мы лучше понимаемъ

нужды государства, нежели Монархъ, стоящій въ центрѣ управленія, во главѣ его, и обозрѣвающій всѣ его многосложныя части? И безъ нашихъ криковъ слишкомъ много у Монарха побужденій къ тщательному, добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей. Онъ отвѣчаетъ предъ Богомъ, предъ своею совѣстію, предъ своимъ отечествомъ, предъ судомъ современниковъ, предъ судомъ потомства. Зная эти тяжкія обязанности Монарха, Церковь усугубляетъ свои молитвы объ немъ, внушаетъ повиновеніе ему, побуждаетъ къ вѣрному исполненію его повелѣній во имя свободы, а не рабства. „Будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа: и Царю, какъ верховной власти, и правителямъ, какъ отъ него посылаемымъ, какъ свободные, не употребляя свободы для прикрытія порока" (1 Петр. 2, 13—16). Она требуетъ этого повиновенія потому, что видитъ въ немъ благо каждаго человѣка и всего отечества. Но въ лицѣ Святителя Филиппа она не поколебалась обличить тиранство Грознаго, и кровію сего Святителя запечатлѣла свою вѣрность Евангельскому ученію о любви.

Вмѣсто того, чтобъ идти противъ Церкви, отри-

цать Евангельское ученіе въ видахъ улучшенія судьбы рода человѣческаго, гораздо надежнѣе будетъ рука объ руку съ Церковію стараться о водвореніи правды и любви. Если вы точно любите Русскій народъ, если искренно желаете ему добра; то вы лелѣяли бы и берегли бы въ немъ святое чувство Православія. Съ нимъ онъ сложился въ государство; съ нимъ прошелъ онъ сквозь всѣ смуты междуусобій удѣльнаго періода; оно сохраняло его жизнь и силы во время тяжкаго ига Монгольскаго; оно помогло утвердить свое единство; оно одушевило и благословило его на борьбу съ Монголами; оно спасло его во время смутъ междуцарствія, и подвигло народъ на спасеніе свободы и охраняющаго ее трона. Оно возвысило Россію до той степени величія, на которой теперь она стоитъ. Православіе такъ тѣсно слилось съ духомъ народа, что народъ отступника отъ Православной вѣры, не хранящаго ея уставовъ, не признаетъ уже своимъ единоземцемъ. Народъ обыкновенно говоритъ о такихъ: онъ онѣмечился или офранцузился. Безсовѣстную ложь сказалъ тотъ, кто назвалъ Русскій народъ самымъ безрелигіознымъ. Живя въ столи-

цѣ, онъ не зналъ Русскаго народа, и отъ испорченной дворни, услышавъ скандалезные анекдоты о попахъ, подумалъ, что дворня — этотъ испорченный разрядъ людей — есть представитель духа народнаго. Довольно вамъ указать на расколъ, который держится, даже распространяется, чтобы вы убѣдились въ привязанности народа ко всѣмъ уставамъ Церкви. Какъ ни безсмысленъ самъ по себѣ расколъ, но онъ свидѣтельствуетъ, какъ народу дороги не только обряды, но даже и книги старыя, какъ онъ не терпитъ измѣненій даже въ ошибочной буквѣ церковныхъ учрежденій. У этого ли народа вы хотите отнять лучшую его святыню, его Православіе? Нѣтъ! какъ и въ былыя времена, онъ возстанетъ подъ знаменемъ Креста за домъ Пресвятой Богородицы, за гробы Чудотворцевъ своихъ Святителей. Вы не въ Россіи, а то бы я вамъ сказалъ: посмотрите въ Кіевѣ, въ Сергіевой Лаврѣ, въ Воронежѣ — что влечетъ эти сотни тысячь людей съ котомкою за плечами, гдѣ запасено сухарей на двѣ на три недѣли, часто съ младенцами въ тележкѣ, изъ за сотенъ верстъ на поклоненіе мощамъ святыхъ Угодниковъ? Что, — какъ не святая

Вѣра, какъ не Православіе? Прислушайтесь и въ храмахъ и подлѣ храмовъ къ ихъ смиренной теплой молитвѣ. Мнѣ кажется она въ состояніи была бы и въ ваше охладѣвшее сердце передать искру вѣры. Столько въ ней упованія, отрады, любви, простоты! Пристаньте къ этой толпѣ богомольцевъ. Вотъ они, утомленные долгимъ путемъ и зноемъ и ношею, слагаютъ свои котомки у ручья, садятся въ кружокъ, достаютъ сухарей, и размочивъ въ водѣ, начинаютъ, перекрестясь и помолясь, свою трапезу. Вы сѣли съ ними, и начинаете бесѣдовать о словѣ Божіемъ, о спасеніи, о житіяхъ Святыхъ. Если есть сила, чувство въ вашей рѣчи — кусокъ хлѣба останавливается у рта, они слушаютъ, все ближе тѣснятся къ вамъ, боясь проронить хоть одно слово. Они забыли и свою усталость и свой голодъ и свой трудъ, и слушаютъ васъ сколько бы вы ни говорили, и съ какими слезами благодарности они благословляютъ васъ за слово, отъ котораго горѣли ихъ сердца. Вѣрьте, Г. Искандеръ, что никого изъ мыслящихъ людей не увлекаютъ ваши теоріи. Однимъ они противны, другіе съ чувствомъ состраданія прислушиваются къ воплю

вашего растерзаннаго сердца. Но есть молодые, неопытные умы, которыхъ увлекаетъ жажда всякой новизны, всякое отрицаніе существующаго порядка; имъ кажется геніальною всякая дерзкая мысль, всякая выходка противъ Церкви и государства. Въ ихъ-то юныя души вы можете забросить зерно сомнѣнія, отравить ихъ святыя вѣрованія, разрушить ихъ лучшія упованія и надежды, и сдѣлать жизнь, и безъ того не много имѣющую радостей, безотраднымъ бременемъ, наполнить ее мучительными ошибками, мертвящими разочарованіями. Во имя человѣческаго разума, во имя братской любви, во имя совѣсти просили бы мы не отравлять ихъ жизнь такъ, какъ отравлена ваша. Неужели вамъ нравится роль Мефистофеля? Если эти убѣжденія на васъ не дѣйствуютъ, то приведу ваши собственныя: „Вмѣсто того, чтобы увѣрять народы, что они страстно хотятъ того, что мы хотимъ, лучше было бы подумать, хотятъ ли они на сію минуту чего-нибудь, и если хотятъ совсѣмъ другое, сосредоточиться, сойти съ рынка, отойдти съ миромъ, не насилуя

другихъ и не тратя себя. Можетъ это отрицательное дѣйствіе будетъ началомъ новой жизни. Во всякомъ случаѣ это будетъ добросовѣстный поступокъ" (Съ того берега стр. 194). Многое прощается, — продолжимъ ваши слова — развитію, прогрессу; но тѣмъ не менѣе, когда терроръ дѣлался во имя успѣха и свободы, онъ по справедливости возмутилъ всѣ сердца. Мы не думаемъ, чтобы задержать ходъ человѣчества на минуту было невозможно, но оно невозможно безъ Варѳоломеевскихъ ночей. „Можно сбить съ пути цѣлое поколѣніе, ослѣпить его, свести съ ума — это дѣлаетъ личная воля и мощь." Къ чему же ваши тревоги и усилія, если вы такъ вѣрите въ измѣнное развитіе человѣчества? Къ чему ваши проклятія на людей, когда сами говорите: „народы, массы не виноваты. Они влекутся слѣпымъ инстинктомъ. Меньшинство не виновато, что все историческое развитіе было для него. Тутъ не вина, тутъ трагическая роковая сторона исторіи, ни богатый не отвергается за богатство, ни бѣдный за бѣдность; они оба оскорблены бѣдностію, фатализмомъ. Я хочу прекратить безплодный ропотъ и капризное неудовольствіе, хочу

примирить съ людьми, убѣдить, что они не могутъ быть лучше, что вовсе не ихъ вина, что они такіе.“ Прекратите и сами капризное неудовольствіе. Не потому говоримъ мы это, чтобы вѣрили въ фатализмъ, отвергали пользу всѣхъ усилій для блага человѣка. Потому мы говоримъ такъ, что вы поставили себя въ такое отношеніе къ Россіи, что и добрый совѣтъ вамъ кажется подозрительнымъ... Невольно приходитъ на мысль, что тотъ, кто хочетъ разрушить коренныя основы государства, не можетъ дать добраго совѣта, что за этими совѣтами скрывается какая нибудь задняя мысль, грозящая обратить добрую мысль во вредъ государству. Кто не знаетъ, что самое цѣлительное питье поданное въ сосудѣ пропитанномъ ядомъ, вмѣсто исцѣленія, причиняетъ смерть? Зная ваши мысли о религіи и государствѣ, теперь всякій совѣтъ вашъ, даже добрый, принимаютъ съ недовѣріемъ, сомнѣніемъ; останавливаются приводить его въ исполненіе, — и тогда, какъ прежде этого желали, — только потому, что вы стали его предлагать. Благая мысль, какъ будто теряетъ всю свою цѣну, все достоинство, какъ скоро прошла

она черезъ вашу голову. Въ самомъ дѣлѣ, нуженъ самый свѣтлый умъ, самое глубокое убѣжденіе въ пользу какой бы то ни было мѣры, чтобы исполнить ее тогда, какъ вы станете ее указывать. Такимъ образомъ своими совѣтами вы только мѣшаете добрымъ предпріятіямъ. Если вы дѣйствительно любите Россію, то любите ее съ ея Церковію, съ ея монархическою властію, и тогда довѣрчиво выслушанъ будетъ и вашъ голосъ. Если же это противно вашимъ убѣжденіямъ, то ограничьтесь восполненіемъ недостаточно усердной службы (какъ вы это находите) чиновниковъ, и доводите до свѣденія Правительства скрывающіяся отъ него злоупотребленія.

Dixi et animam levavi! Милліоны сердецъ раздѣляютъ тѣ же чувства, какія здѣсь высказаны. Вы ошибаетесь, Г. Искандеръ, если думаете, что вашъ голосъ любятъ въ Россіи. Имъ интересуются, но не болѣе. Ваши дикія выходки также привлекаютъ вниманіе, какъ привлекало его безобразіе Юліи Пастраны. Люди, дорожащіе личною свободою, равенствомъ, знаютъ по горькимъ опытамъ Парижскихъ гильотинъ, что самые ожесточенные враги свободы — это громогласные проповѣдники

либерализма. Они не терпятъ себѣ никакого противорѣчія; нисколько не уважаютъ мнѣнія другихъ, несогласнаго съ ними; они никакъ не хотятъ признать правъ на личную свободу въ людяхъ противоположнаго имъ образа мыслей. Деспотическое господство ихъ мыслей, ихъ идей — вотъ предметъ ихъ стремленій и усилій; истребленіе всего и всѣхъ, что не нравится имъ, какими бы то ни было средствами, — вотъ ихъ девизъ. Это ли свобода? Это ли братство? Да! Это братская любовь Каина, убивающаго своего брата Авеля!! Мы не хотимъ такой свободы, мы не хотимъ такого братства.

Еще слово и слово послѣднее къ новымъ преобразователямъ общества. Искандеръ съ своею партіею хочетъ придать себѣ то значеніе, какое имѣли первые Христіане въ Римской имперіи. Не разъ повторяетъ онъ: „какъ Христіане первыхъ временъ отрицали римскій міръ, такъ мы отрицаемъ настоящій міръ со всей его религіей, со всѣми его гражданскими и уголовными кодексами.“ Вотъ какъ раскрываетъ онъ въ частности эту свою задачу, это свое значеніе въ современномъ мірѣ: „Наше историческое призваніе, наше дѣяніе въ томъ

и состоитъ, что мы нашимъ разочарованіемъ, нашимъ страданіемъ доходимъ до смиренія и покорности передъ истиной, и избавляемъ отъ этихъ скорбей грядущія поколѣнія. Нами человѣчество протрезвляется, мы его спохмелье, мы его боли родовъ. Если роды кончатся хорошо, все пойдетъ на пользу, но мы не должны забывать, что по дорогѣ можетъ умереть ребенокъ или мать, а можетъ быть и оба, и тогда — ну тогда исторія съ своимъ мормонизмомъ начнетъ новую бероменность. Мы знаемъ, какъ природа распоряжается съ личностями. Десятки тысячь лѣтъ наноситъ какой нибудь коралловый рифъ, всякую весну, покидая смерти набѣжавшіе ряды. Полипы умираютъ не подозрѣвая, что они служатъ прогрессу рифа. Чему нибудь послужимъ и мы. Взойти въ будущее какъ элементъ, не значитъ еще, что будущее исполнитъ наши идеалы. Современная мысль западная взойдетъ, воплотится въ исторіи, будетъ имѣть свое вліяніе и мѣсто, такъ какъ тѣло наше взойдетъ въ составъ травы, барановъ, котлетъ, людей. Намъ не нравится это безсмертіе — что же съ этимъ дѣлать? Теперь я привыкъ къ этимъ мыслямъ, они не пу-

гаютъ меня. Но въ концѣ 1849г. я былъ ошеломленъ ими, и не смотря на то, что каждое событіе, каждая встрѣча, каждое столкновеніе лицъ напереръвъ обрывали послѣдніе зеленые листы, я еще упрямо и судорожно искалъ выхода. Я былъ несчастливъ и смущенъ, когда эти мысли стали посѣщать меня; я всячески хотѣлъ бѣжать отъ нихъ, испугался, какъ путникъ, потерявшій дорогу, какъ нищій толкалъ во всѣ двери, останавливалъ встрѣчныхъ и распрашивалъ о дорогѣ, но каждая встрѣча, каждое событіе вели къ одному результату — къ смиренію предъ истиной и самоотверженномъ принятіи ея.... Либерализмъ составляетъ послѣднюю религію, но его церковь не другаго міра, а этого; его теодицея — политическое ученіе. Торжествующій и потомъ побитый либерализмъ раскрылъ разрывъ во всей наготѣ, болѣзненное сознаніе выражается ироніею современнаго человѣка, его скептицизмъ, которымъ онъ мететъ осколки разбитыхъ кумировъ*).“

Положа руку на сердце, скажите, что въ вашемъ

---

*) Полярн. Звѣзда 1857г. стр. 194—200.

положенiи, въ вашихъ стремленiяхъ есть сходнаго съ положенiемъ и стремленiями первыхъ Христiанъ? Христiане у себя имѣли положительное ученiе вѣры, правила нравственности; имѣли средства, при помощи которыхъ могли достигнуть своихъ стремленiй; имѣли обѣтованiя — здѣсь на землѣ распространенiе Евангельскаго ученiя по всей землѣ, а на небѣ за гробомъ вѣчную, блаженную жизнь. Они не хотѣли разрушать гражданскiй порядокъ. Но у васъ одно только отрицанiе, а нѣтъ опредѣленнаго ученiя. Вы хотите только разрушать не зная еще, что и какъ устроится вмѣсто разрушеннаго. Духъ отрицанiя есть начало смерти, а не жизни; разрушенiя только, а не созданiя. Первые Христiане носили миръ въ душѣ, въ своей вѣрѣ они находили успокоенiе; а вы знаете только разочарованiе, боли и страданiя, и никакого утѣшенiя и никакого выхода въ будущемъ.

Если хотите искать для себя сравненiй въ первыхъ временахъ Христiанства, то ищите въ мiрѣ языческомъ. Отдаленiемъ отъ Христовой вѣры вы перешли въ мiръ языческой, и въ васъ отозвалась та пустота и безвыходность, которыя чувствуемы

были людьми языческаго міра. Эта гордость считать себя передовыми, лучшими людьми вѣка; этотъ протестъ противъ существующаго зла и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе крайняго безсилія помочь чѣмъ либо ему и въ слѣдствіе этого фаталистическая покорность судьбѣ, согласіе служить полипомъ для образованія коралловыхъ рифовъ — не наполинаетъ ли все это стоиковъ гордыхъ и вмѣстѣ сознающихъ свое безсиліе, и въ самоубійствѣ отыскивающихъ исходъ своихъ стремленій? Что же тутъ новаго? Какъ скоро повторили вы старое заблужденіе, оно необходимо должно принесть и старые плоды. Жалѣемъ васъ!

Вы говорите: „либерализмъ составляетъ послѣднюю религію.“ Опять крайняя ошибка! Тотъ либерализмъ, который вы проповѣдуете, какъ возстаніе противъ закона, современенъ бытію міра. Онъ низвергнулъ Ангеловъ съ неба въ адъ, онъ выгналъ Адама изъ рая, онъ въ теченіе всей жизни человѣчества производилъ кровопролитія, убійства, гибель частныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Скептицизмъ и иронія современнаго человѣка то же не новость. Возьмите исторію Герціи временъ Ари-

стофана. Развѣ въ его голосѣ не слышатся иронія, скептицизмъ, порицаніе всего существующаго порядка? Развѣ не слышится тотъ же голосъ отрицанія существующихъ формъ и въ исторіи Өукидида, и въ Киропедіи Ксенофонта, и въ республикѣ Платона, и въ политикѣ Аристотеля? Возьмите исторію Рима, и прислушайтесь къ голосамъ отъ Тацита до Лукіана: развѣ это не разочарованіе, развѣ это не иронія надъ современнымъ человѣчествомъ? Вы опять повторяете тоже, что было и что будетъ, если безъ Іисуса Христа захотятъ жить и дѣйствовать и мыслить! Согласны мы, что вы послужите чему нибудь, но не тому, чего вы хотите, а тому, чего не хотите. Революція Французская хотѣла ниспровергнуть Церковь и тронъ, но послужила къ утвержденію и вѣры Христовой и монархической власти какъ опустошительная гроза очистивъ воздухъ отъ тлетворныхъ испареній. Въ этомъ недовольствѣ современнымъ порядкомъ міра, въ этой безнадежности найти въ гражданскихъ учрежденіяхъ залогъ счастія человѣка чувствуется глубокій, но непонятый вами голосъ, требующій, чтобы жизнь народовъ Христіанскихъ была истин-

но Христіанская; слышится невольное признаніе, что одни полицейскіе законы, одни внѣшнія учрежденія не въ силахъ охранить свободы, взаимной любви людей, ихъ братства и равенства, пока не проникнетъ въ народную жизнь ученіе Христово, не сдѣлается оно закономъ и началомъ дѣятельности. Можемъ ли мы не сознаться, что жизнь народовъ Христіанскихъ далеко не Христіанская, а скорѣе языческая: ихъ нравы, увеселенія, взаимныя отношенія, этотъ эгоизмъ, это корыстолюбіе, это презрѣніе меньшаго брата, это раболѣпство до забвенія совѣсти предъ высшими, — развѣ это не язычество? Въ такомъ случаѣ и мы сходимся съ вами, и съ увѣренностію возлагаемъ свою надежду на отеческій Промыселъ Отца Небеснаго, который попускаетъ частнымъ лицамъ уклоняться отъ предназначенной имъ цѣли, но общій ходъ событій неуклонно направляетъ къ утвержденію на землѣ царства Сына своего и Господа нашего Іисусъ Христа. —

Г. ГЕРЦЕНЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

Книги и листки, издаваемые Г. Герценомъ въ Лондонѣ, на русскомъ языкѣ, не заслуживали бы ни малѣйшаго вниманія, если бы о нихъ должно было судить только по ихъ достоинствамъ. Наполненные идеями нелѣпыми, показывающими какое-то дѣтское невѣдѣніе почти во всѣхъ отношеніяхъ, написанные очень плохо, полу-русскимъ, безобразнымъ, дикимъ языкомъ, часто даже непонятнымъ отъ его безотчетности, они достойны скорѣе всего презрѣнія, и прощенія, какъ дѣйствія человѣка, невѣдущаго, что онъ творитъ. Но особенныя обстоятельства придали имъ нѣкоторую извѣстность въ Россіи. Люди неопытные, молодые, люди злые и озлобленные, читаютъ ихъ, извлекаютъ изъ нихъ ядовитую пищу для ума и сердца, и могутъ погубить себя и другихъ. Обязанность всякаго честнаго человѣка — обличить зло и поставить оплотъ

противъ него. Исполняя это, очертимъ, прежде всего, личность Г. Герцена, представимъ сущность ученія, распространяемаго имъ, и тогда будетъ понятно это печальное и вмѣстѣ жалкое явленіе, которое осуждаетъ само себя.

Г. Герценъ бѣжалъ изъ Россіи, потому что ему не позволяли въ ней ругаться печатно, не позволяли распространять революціонныхъ идей, и даже — о верхъ несправедливости! — отдали его подъ надзоръ полиціи, которая вездѣ беретъ на свое попеченіе нарушителей общественнаго порядка и буяновъ. Въ невинности своей, онъ вѣрилъ, что на Западѣ — все позволятъ, и что тамъ всѣ только и дышатъ революціоннымъ воздухомъ. Каково было разочарованіе его, когда онъ увидѣлъ, что и тамъ революціонеровъ берутъ въ полицію или подъ усердный надзоръ ея, а гдѣ и не берутъ, такъ не любятъ ихъ, избѣгаютъ ихъ сообщества, стараются всячески образумить, словомъ, что вездѣ они составляютъ только партію, иногда шайку! Да неужели-жъ Г. Герценъ не зналъ этого до бѣгства своего за границу? Онъ, кажется, не ребенокъ, а человѣкъ пожилой, который увѣряетъ, что много

читалъ и многому учился: чему же выучился онъ съ своими друзьями Бѣлинскимъ, Грановскимъ, Бакунинымъ e tutti quanti, когда незналъ того, что увидѣлъ за границей? Но, точно, онъ не зналъ этого, и, въ доказательство, вотъ что вскорѣ писалъ онъ изъ Парижа, 1го Марта 1849 года: „... Не радость, не разсѣяніе, не отдыхъ, ни даже личную безопасность нашелъ я здѣсь; да и не знаю, кто можетъ находить теперь въ Европѣ радость и отдыхъ, отдыхъ во время землетрясенія, радость во время отчаянной боробы. — Вы видѣли грусть въ каждой строкѣ моихъ писемъ; жизнь здѣсь очень тяжела; ядовитая злоба примѣшивается къ любви, желчь къ слезѣ, лихорадочное безпокойство точитъ весь организмъ. Время прежнихъ обмановъ, упованій миновало. Я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей, да въ невозможность остановить движеніе я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалѣю ничего изъ существующаго, ни ея вершинное образованіе, ни ея учрежденія ... я ничего не люблю въ этомъ мірѣ, кромѣ того, что онъ преслѣдуетъ, ничего не уважаю, кромѣ

того, что онъ казнитъ — и остаюсь... остаюсь страдать вдвойнѣ, страдать отъ своего горя и отъ его горя; погибнуть, можетъ быть, при разгромѣ и разрушеніи, къ которому онъ несется на всѣхъ парахъ.“ (**Съ того берега.** Изданіе второе, пересмотрѣнное авторомъ. London. 1858. стр. XIII.)

Человѣкъ образованный и сколько нибудь опытный въ жизни, улыбнется съ сожалѣніемъ, когда прочтетъ эту жалкую исповѣдь разочарованнаго революціонера, который бѣсновался, кутилъ и мутилъ въ Россіи самъ не зная для чего, и только за границей узналъ, что огонь жжетъ, а грязь грязнитъ; но тотъ, кто знаетъ предшествовавшую жизнь Г. Герцена, скорѣе увидитъ въ этомъ, лицемѣріе и подавленную гордость, которая хочетъ разжалобить болѣзненными криками. Бѣдненькій! онъ остается тамъ страдать, даже погибнуть за свои убѣжденія!... Новый Сцевола, онъ кидается въ бездну не для спасенія отечества, а для спасенія своей гордости, которая была унижена, когда увидѣла себя въ дуракахъ за границею.!. Онъ разочарованъ, и готовъ за то погибнуть. Не безпокойтесь. Революціонеры

рѣдко дѣйствуютъ на пропалую, и хотя окончательно гибнутъ, но не отъ самозабвенія, не оттого, что не думали о себѣ, а оттого только, что ошиблись въ разсчетѣ. Самъ пламенный Мирабо готовъ былъ продать революцію и торговался о цѣнѣ съ роялистами, а чопорный Максимиліанъ Робеспіеръ чуть не готовился въ цари; Арманъ Маррастъ завладѣлъ каретами Лудовика-Филиппа послѣ Февральской революціи. Эгоизмъ — главная пружина дѣйствій каждаго революціонера, и природа ихъ такова, что отваживаясь на многое, они много и оставляютъ — про запасъ. Такъ, въ микроскопическихъ формахъ, поступилъ и Г. Герценъ. Чтобы объяснить себѣ его приключенія и наконецъ бѣгство за границу, составимъ себѣ вѣрную характеристику окружавшихъ его обстоятельствъ.

Онъ одинъ изъ побочныхъ дѣтей богатаго барина Екатерининскихъ временъ, Яковлева, который, какъ многіе его сверстники, былъ воспитанъ и состарѣлся въ чаду мнимой философіи энциклопедистовъ, то есть жилъ въ свое удовольствіе, безъ вѣры въ Бога, безъ любви къ людямъ. Дѣти, прижитыя имъ съ разными любовницами, получили не отцов-

скія фамильныя имена, но жили подъ его покровительствомъ, и учились, но не воспитывались, то есть не получили нравственнаго образованія, возможнаго только въ родной семьѣ. Величайшее несчастіе родиться побочнымъ сыномъ заключается именно въ томъ, что побочный сынъ не можетъ ни любить, ни уважать своего отца, и невольно глядитъ на него какъ на перваго своего врага, который при самомъ рожденіи лишилъ его семейства и поставилъ въ ложное положеніе среди общества. Потому-то почти всѣ побочныя дѣти, понимающія свое положеніе, бываютъ озлоблены на общество, невольно мстятъ ему за свое отчужденіе, и стараются вознаградить это какой нибудь побѣдой надъ нимъ. Часто это дѣлается невольно, инстинктивно, когда Христіанское воспитаніе не смягчило души урожденнаго несчастливца. Говоримъ прискорбную истину, но не въ укоръ Г-ну Герцену, а скорѣе въ оправданіе его. Онъ не виноватъ, что не зналъ святыхъ внушеній семейной жизни, не зналъ родительской любви, и между тѣмъ жилъ въ богатствѣ, получилъ умственное образованіе, но не могъ смягчить своего сердца Христіанскимъ воспитаніемъ. Отецъ-эгоистъ ду-

малъ, что дѣлалъ все, когда нанималъ ему учителей, давалъ деньги, и наконецъ оставилъ большое имѣніе, которое перевелъ на побочныхъ дѣтей своихъ, разумѣется темными средствами, въ нарушеніе установленныхъ законовъ, въ обиду настоящихъ наслѣдниковъ. Вотъ первый зародышъ и начало ненависти къ закону, все ограничивающему! Даже сознаваясь, что законъ справедливъ, ограничивая развратниковъ, и напередъ говоря имъ, что они лишаютъ своихъ дѣтей многихъ правъ, когда пренебрегаютъ священнымъ союзомъ брака — можетъ ли жертва этого преступленія любить законъ, карающій въ немъ проступокъ отца? Можетъ ли онъ любить законъ и вообще законность, когда они лишаютъ его отцовскаго имени и наслѣдія? Оправдывая отца, побочный сынъ дѣлается врагомъ закона, составляетъ самъ себѣ свои законы, и успокоивая совѣсть тѣмъ, что общій законъ несправедливъ, уклоняется отъ него, и, по своему закону, присвоиваетъ себѣ чужое имя и не принадлежащее ему имѣніе. Слѣдовательно: если побочный сынъ не воспитанъ въ глубокихъ убѣжденіяхъ Христіанства и съ малолѣтства проникнутъ атеизмомъ, онъ будетъ

врагомъ и общества и закона; онъ урожденный Фрондёръ, революціонеръ, недовольный порядкомъ, установленнымъ мудростію вѣковъ и опытомъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ. Такимъ и является Г. Герценъ съ самаго вступленія своего въ свѣтъ: онъ hâbleur, frondeur, потому что это его роля, его тактика, которою онъ надѣется завоевать права, отнятыя у него проступкомъ отца и уставами общества. Онъ ищетъ въ наукѣ не истины, а лжи, которою желаетъ ниспровергнуть все существующее, потому что нарушить одинъ изъ вѣчныхъ законовъ, значитъ нарушить ихъ всѣ, ибо они соединены одни съ другими и окончательно выражаются въ немногихъ, основныхъ и вѣчныхъ законахъ, данныхъ человѣчеству самимъ Богомъ. Нарушьте законъ брака: вы нарушите и законы нравственности, и законы любви и законы правды, и наконецъ законы собственности.

Оправдывая себя въ нарушеніи главныхъ и основныхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ Г. Герценъ (въ Запискахъ о своей жизни, которыхъ большая часть напечатана въ его же „Полярной звѣздѣ“) — разсказываетъ о себѣ почти то же са-

мое, что сказали мы вообще о человѣкѣ, находящемся въ его положеніи. Онъ никогда не зналъ родной семьи, видѣлъ въ отцѣ врага своего, который погубилъ его мать и поставилъ самого его въ ложное положеніе въ обществѣ; онъ повиновался отцу сколько находилъ то выгоднымъ для себя, и уже въ дѣтствѣ составилъ себѣ свои понятія объ отношеніяхъ человѣка къ роднымъ и къ обществу (См. Пол. Зв. 1856 года изд. 2^е^ стран. 65 и слѣд.). О религіозномъ же своемъ воспитаніи онъ самъ разсказываетъ вотъ что:

„Каждый годъ отецъ мой приказывалъ мнѣ говѣть. Я побаивался исповѣди, и вообще церковная mise en scène поражала меня и пугала; съ истиннымъ страхомъ подходилъ я къ причастію; но религіознымъ чувствомъ я этого не назову: это былъ тотъ страхъ, который наводитъ все непонятное, таинственное; особенно когда ему придаютъ серьезную торжественность; такъ дѣйствуетъ ворожба, заговариваніе. Разговѣвшись послѣ заутрени на святой недѣлѣ, и объѣвшись красныхъ яицъ, пасхи и кулича, я цѣлый годъ больше не думалъ о религіи“ (Тамъ же, стран. 86.). —

Такимъ образомъ ни любви, ни религіи не было ни въ отроческомъ, ни въ юношескомъ его сердцѣ, и онъ съ ненавистью глядѣлъ на общество, не для него устроенное. Конечно это было въ началѣ виною отца его и обстоятельствъ; но, къ несчастію, это было и согласно съ его пылкою, раздражительною натурою, такъ, что онъ какъ будто радовался, находя дѣйствительные недостатки въ людяхъ и въ обществѣ. Христіанской любви, которая одна могла смягчить рано очерствѣлую его душу, не было у него, да онъ и радъ былъ отгонять её отъ себя, чтобы дать полную свободу своимъ страстямъ и своей гордости, которая возставала противъ общества. Въ университетѣ и въ книгахъ онъ изыскивалъ, какъ видно изъ собственныхъ его разсказовъ, отрицательную сторону всего, предуставленнаго свыше, старался повсюду найти опору для своего духа отрицанія, и не находилъ ее ни въ исторіи, ни въ философіи, которыя окончательно приводятъ къ мысли о Богѣ и предуставленномъ порядкѣ, гдѣ разрѣшаются всѣ видимыя противорѣчія міра. Но для этого надобно было бы покориться тому, что существуетъ, и смирить гордость свою; а возможно

ли это для человѣка, не только не понимающаго Христіанской религіи, но и отрицающаго и ненавидящаго ее, какъ первоначальнаго своего непріятеля?... Потому-то онъ не видѣлъ истины ни въ религіи, ни въ философіи древней и новой, находя вездѣ свое осужденіе. Онъ смѣло называетъ бреднями всѣ философскіе выводы Шеллинга, и даже не удовлетворяется Гегелемъ, говоря, что онъ струсилъ своихъ крайнихъ выводовъ. Для удовлетворенія требованій Г. Герцена и немногихъ его единомышленниковъ, надобно было совершенно противоположное религіи, духу, иными словами: надобно было что нибудь животное, плотское, безумное — и наконецъ-то онъ натолкнулся на такое ученіе!

Послушайте съ какимъ торжествомъ провозглашаетъ онъ о своей находкѣ! Это такъ нелѣпо, что вмѣсто всякаго опроверженія Г. Герцена, должно только выписать собственныя слова его:

„Средь этого броженія, средь догадокъ, усилій понять, сомнѣній, пугавшихъ насъ, попались въ наши руки Сенъ-Симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ“.

Не правда ли: хорошо? . . . Вотъ, какъ говорятъ гадальщицы: „обрадовалъ, удивилъ!“ . . . Но это школьническое удивленіе къ Сенъ-Симонизму, который нечаянно попался въ ихъ руки, не хочетъ оставаться смѣшнымъ, объясненіе его продолжается въ слѣдующихъ циническихъ выраженіяхъ:

„Поверхностные и не поверхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Анфантенъ и надъ его апостолами; время инаго признанія наступаетъ для этихъ предтечь соціализма. Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отрощеными бородами (!). Они возвѣстили новую вѣру; имъ было что сказать, и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи.

„Съ одной стороны **освобожденіе женщины,** призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею какъ съ ровнымъ.

„Съ другой оправданіе, **искупленіе плоти** — rehabilitation de la chair!

„Великія слова (!), заключающія въ себѣ цѣлый

міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа (какой-же міръ духа въ господствѣ плоти?) — но и міръ красоты, міръ естественно нравственный и потому нравственно чистый. Много издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Добрые люди поняли, что очистительное крещеніе плоти (?) есть отходная христіанства: развѣ это не религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы? Распятое тѣло воскресало въ свою очередь, и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, а не составленъ какъ маятникъ изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга; что врагъ спаянный съ нимъ исчезъ (П. Зв. на 1856 г. изд. второе, 1, 169)".

Мы не почитаемъ Г. Герцена человѣкомъ глупымъ, но тѣмъ разительнѣе глупости, нелѣпости, невѣжество, какія заставляетъ его выражать здѣсь

необузданная гордость. Тутъ невидно даже искренности, которою онъ хвастаетъ во всѣхъ своихъ книгахъ. Онъ хочетъ только оправдать себя и для того искажаетъ событія, надѣясь ругательствомъ заслонить безуміе ученія Сенъ-Симонистовъ. Ни общество, ни старый порядокъ вещей никогда не колебались отъ этого ученія, и никто даже не обращалъ на него особеннаго вниманія. О немъ поговорили, какъ о смѣшной нелѣпости, надъ нимъ посмѣялись, и вскорѣ забыли о немъ. Нѣсколько пылкихъ головъ, минутно обольщенныхъ отцомъ Анфантеномъ, тотчасъ оставили его, и теперь Сенъ-Симонизмъ въ общемъ мнѣніи на одной степени съ Мормонизмомъ*) и подобными нелѣпыми и больше или меньше вредными выдумками безумцевъ и не-

---

*) Мормонисты, или Мормоны, очень недавняя, гнусная секта, явившаяся въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Основателемъ ея былъ нѣктоСмитъ (род. въ 1805г.). Онъ утверждалъ, что съ юныхъ лѣтъ были у него таинственныя видѣнія, и что, въ 1827 году, ангелъ вручилъ ему священную книгу, будто бы написанную во время Іудейскаго царя Седекіи, за 600 лѣтъ до Р. Хр., и чудесно сохранившуюся подъ скалою. Въ ней искаженно изложены библейскія преданія, и къ нимъ Смитъ и его при-

годяевъ, не понимающихъ ни природы, ни законовъ ея, и всегда доходящихъ ad absurdum, потому что они ищутъ законовъ общества не въ религіи и даже не въ наукѣ, а въ личныхъ, животныхъ страстяхъ своихъ. — Ихъ выдумки удовлетворяютъ гордости, самолюбію и звѣринымъ инстинктамъ, а не требованіямъ ума и духа человѣческаго.

Даже смѣшно доказывать, что Сенъ-Симонизмъ есть не иное что, какъ нелѣпость, которая могла быть вредна въ примѣненіи къ обществу; но потому-то зачинщиковъ ея призывали къ суду во Франціи; а Г. Герценъ выставляетъ ихъ героями и, съ обычною своею дерзостью, называетъ апостола-

---

верженцы, впослѣдствіи, прибавили много разныхъ нелѣпостей. Секта эта имѣетъ въ основаніи своихъ уставовъ равенство, общность имѣнія и общность женъ. Отчасти, это Сенъ-Симонизмъ соединеный съ соціализмомъ. Отвсюду изгоняемая въ Соединенныхъ Штатахъ за свои развратные нравы и явные грабежи, секта эта имѣетъ однакожъ много приверженцевъ, не только въ Америкѣ, но и въ Англіи. Всѣ негодяи и безумцы прилѣпляются къ ней. Мормонами называются они по имени вымышленнаго ими Іудейскаго пророка Мормона, будто бы написавшаго подложную ихъ библію.

ми!... Хороши апостолы, отвергающіе всякую религію и думающіе замѣнить ее свободною женщиною и удовлетвореніемъ плоти! Впрочемъ, повторяемъ: лучшее осужденіе этой удивительной находки, которая попалась въ руки Г. Герцену, когда онъ еще въ Москвѣ изыскивалъ какую нибудь опору для своихъ страстей и для своей злобы противъ общества, — въ его же собственныхъ словахъ, приведенныхъ нами выше. Перечитайте эту коротенькую выписку, и вы согласитесь, что нельзя съ большимъ цинизмомъ характеризовать такой преступный бредъ!

Очень естественно, что когда Г. Герценъ сталъ распространять свой образъ мыслей въ кругу, который не ограничивался уже Бѣлинскимъ и Бакунинымъ, на него стали смотрѣть съ недовѣрчивостью; когда же сталъ онъ выражать свой образъ мыслей печатно, въ журнальныхъ статьяхъ, это обратило на себя вниманіе Правительства; а онъ, кажется, этого только и добивался, желая, какъ отецъ Анфантенъ, явиться проповѣдникомъ и вмѣстѣ мученикомъ идей, заимствованныхъ у Сенъ-

Симонистовъ. О Прудонѣ тогда еще и помину не было.

Собственно говоря, все это были фанфаронады, на которыя не стоило бы обращать вниманія. При нынѣшнемъ Государѣ нашемъ такъ это и дѣлается. Въ Россіи никакая революція невозможна: это лучше всего доказала траги-комедія 14го Декабря, когда сами заговорщики, идя съ оружіемъ къ Зимнему Дворцу, говорили другъ другу: „Вѣдь конституція къ чорту?“ и когда они принуждены были обманомъ увлекать съ собою несчастныхъ солдатъ, увѣряя ихъ, что Великій Князь Константинъ Павловичъ въ цѣпяхъ, а Конституція жена его!... Надобно замѣтить, что высшіе чиновники нашей полиціи были люди образованные, добрые, въ чемъ сознается самъ Г. Герценъ, и какъ онъ ни надоѣлъ имъ безпрестанными своими встрѣчами, они почти всегда старались облегчать непріятное его положеніе, такъ что мученикомъ онъ никогда не былъ. Вѣроятно, даже рады были, когда онъ убрался за границу, потому что они смотрѣли сквозь пальцы на многое. Онъ преспокойно привелъ въ деньги разныя имѣнія, доставшіяся ему отъ

отца незаконнымъ порядкомъ, причемъ этотъ герой истины, вѣроятно, не морщился, выдавая себя за покупщика Яковлевскаго имѣнія, потому что передъ обществомъ онъ былъ Герценъ, а не Яковлевъ. Какъ ни закрывайте софизмами того, что не чисто, а все таки онъ лгалъ передъ закономъ, пользовался злоупотребленіемъ и не считаетъ этого обманомъ по такому же убѣжденію, съ какимъ въ Россіи, передъ алтаремъ Бога, торжественно произносилъ: Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго," а теперь подсмѣивается надъ причащеніемъ, называя это чѣмъ-то въ родѣ ворожбы и заговариванія. Представляя смѣшнымъ человѣкомъ Дм. П. Голохвастова, онъ и не подумалъ прибавить нигдѣ, что это былъ человѣкъ истинно благородный; а не подумалъ прибавить, можетъ быть, именно за то, что Голохвастовъ завѣщалъ выслать къ нему 40,000 руб. сер., „которыхъ оффиціально я не могъ требовать," прибавляетъ Г. Герценъ (П. Зв. 1858 г. кн. 4, стр. 185.). Тщетно оправдывается онъ передъ Анонимомъ (въ П. Зв. 1855, на стран. 222 й), говоря: „Я отроду не продалъ, не заложилъ ни одного крестьянина, но еще больше, я не пользовался ни

оброкомъ, ни работой крестьянъ.“ Но откуда же взялись у него билеты Московской Сохранной Казны, которые продалъ онъ въ Парижѣ, въ Декабрѣ 1849 года, Ротшильду и выручилъ за нихъ 500,000 франковъ? (П. Зв. 1858, кн. 4, стран. 217.). Развѣ не за крестьянъ взяты были эти деньги? развѣ не ихъ кровь и плоть получилъ онъ отъ своего отца, какими бы то ни было путями? Если уже онъ такой ненавистникъ крѣпостнаго состоянія, какимъ выдаетъ себя, то почему, прежде нежели подумалъ о своей свободѣ, то есть о бѣгствѣ за границу, не подумалъ онъ о свободѣ своихъ крестьянъ. Онъ отпустилъ бы ихъ сначала на волю безвозмездно, да потомъ, какъ истинный апостолъ, и отправился бы въ Англію и во Францію проповѣдывать свободу намъ, Русскимъ!... Но тутъ стоицизмъ Г. Герцена не выдержалъ испытанія, и онъ простодушно сознается, говоря:

„Глупо было бы или притворно, въ наше время денежнаго неустройства пренебрегать состояніемъ. Деньги теперь — независимость, сила, оружіе. А оружія никто не бросаетъ во время войны, хотя бы оно и было непріятельское, даже ржа-

вое. Рабство нищеты страшно; я изучилъ его во всѣхъ видахъ, живши годы съ людьми, которые спаслись, въ чемъ были, отъ политическихъ кораблекрушеній. По этому я считалъ справедливымъ и необходимымъ принять всѣ мѣры, чтобы вырвать что могу изъ медвѣжьихъ лапъ русскаго правительства (тамъ же стран. 216).“

Какъ это величественно! Точно сужденіе тѣхъ блѣднолицыхъ, которые въ Петербургѣ торгуютъ деньгами!... И почему Г. Герценъ говоритъ, что только теперь деньги даютъ независимость и силу? Не хочетъ ли оправдать себя необычайными обстоятельствами настоящаго времени, которыя заставили его прибрать къ рукамъ кровь и плоть крестьянъ въ видѣ денегъ, хотя бы и непріятельскихъ, то есть не принадлежащихъ ему? Онъ знаетъ, что нищета страшна, что она рабство, и „по этому считалъ справедливымъ и необходимымъ вырвать изъ чужихъ рукъ деньги.“ А еслибъ рабство нищеты не было страшно, такъ онъ и не присвоивалъ бы себѣ чужихъ денегъ? Это напоминаетъ знаменитое правило Франклина, который проповѣдывалъ, что „быть честнымъ выгоднѣе нежели

быть обманщикомъ.“ А если выйдетъ такой случай, что выгоднѣе обмануть, нежели остаться честнымъ? тогда можно и обмануть?... Точно такова логика Г. Герцена!... И вотъ какъ шатки правила этого ученика Сенъ-Симонистовъ!

Прибравши къ рукамъ огромныя суммы денегъ, вывезенныхъ имъ изъ Россіи, не нажитыхъ, не наслѣдованныхъ, а какъ-то необъяснимо-вырванныхъ (какъ говоритъ онъ) изъ медвѣжьихъ лапъ, Г. Герценъ уже съ самодовольствомъ счастливаго спекулянта говоритъ:

„Такимъ образомъ я очутился въ Парижѣ съ 500,000 франковъ середь самаго смутнаго времени, безъ опытности и знанія что съ ними дѣлать. И между тѣмъ все уладилъ довольно хорошо. Вообще, чѣмъ меньше страстности въ финансовыхъ дѣлахъ, безпокойствія и тревоги, тѣмъ они легче удаются. Состоянія рушатся также часто у жадныхъ стяжателей и финансовыхъ трусовъ, какъ у мотовъ.“

Тутъ даже языкъ напоминаетъ какого нибудь гостинодворскаго мѣнялу, употребляющаго, для вящшей красы, такія окончанія словъ какъ безпокойствія, средствія. Натура беретъ свое! Съ

запасомъ денегъ, и такимъ значительнымъ, оставалось только добыть извѣстность, если не славу, потому что, какъ мы видѣли, Г. Герценъ съ малыхъ лѣтъ пылалъ желаніемъ вознаградить чѣмъ нибудь свое двусмысленное положеніе въ свѣтѣ. Бранить и ругаться не позволила въ Россіи полиція; проповѣдывать безбожіе и Сенъ-Симонизмъ — еще меньше! За это Г. Герценъ побывалъ въ Вяткѣ. Дарованія писательскаго — не далъ ему, какъ говоримъ мы, смиренные Христіане, Богъ, или — неизвѣстно кто по мнѣнію Г. Герцена. Къ тому же, какъ жалостливо ни обходилась съ нимъ въ Россіи полиція, а все-таки надзирала за нимъ и недопустила бы провозглашать никакихъ возмутительныхъ нелѣпостей. Кажется, мученику не должно было страшиться ни пытки, ни даже смерти за истину; такъ и поступали всѣ истинные апостолы и мученики. Но Г. Герценъ хоть и подсмѣивается теперь надъ полиціей, а все-таки боится ея, какъ боялся въ Россіи, гдѣ онъ разыгрывалъ только роль оскорбленнаго чиновника, но и то почиталъ великимъ геройствомъ; а ужъ мученичества себѣ онъ никакъ не хотѣлъ, и радъ-радехонекъ былъ, что, всякими неправдами,

ускользнулъ за границу, да еще и съ большими деньгами. Тутъ онъ пріосанился, ободрился, и провозгласилъ какъ убѣжавшій за дверь Вральманъ Кутейкину и Цыфиркину: „Чтò фсяли, пестіи! ну, суньтесь-ка сюта!“

Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то низкое (quelque chose de lâche) въ такомъ образѣ дѣйствій. Захватить кучу денегъ, убѣжать за дверь и начать оттуда ругаться, да, ругаться! потому что иначе нельзя назвать пасквилей, печатаемыхъ Г. Герценомъ въ Лондонѣ. Но о нихъ мы будемъ говорить далѣе: теперь докончимъ его характеристику.

Образъ дѣйствій его напоминаетъ не только убѣжавшаго Вральмана, но и того лакея, который, вытерпѣвши отъ барина нѣсколько пощечинъ, вышелъ въ лакейскую и оттуда началъ ставить ему кукишъ и ругать его, къ удовольствію остальныхъ своихъ собратовъ. — Г. Герценъ убѣжалъ, страшась за свою безцѣнную особу, убѣжалъ, боясь квартальныхъ и будочниковъ, и въ безсильной злобѣ, какъ новый Курбскій, началъ поносить своего Государя; только, вмѣсто Поляковъ Курбскаго, онъ возстановляетъ противъ Россіи ученіе атеизма, Пру-

донизма, насилія, а въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ даже просто требуетъ бунта и кровопролитія!

Такъ ли долженъ былъ бы дѣйствовать истинный патріотъ, даже въ положеніи Г. Герцена? И заблуждаясь, онъ сохранилъ бы тонъ приличія, уваженія къ странѣ, которой всѣмъ обязанъ; онъ излагалъ бы свои мнѣнія не съ ожесточеніемъ революціонера, а съ хладнокровіемъ страдальца, сочувствующаго своему отечеству.

Что видимъ мы въ немъ теперь?

Эгоиста, желающаго представить себя невиннымъ изгнанникомъ, и обличающаго свое лицемѣріе или свое заблужденіе безпрестанными противорѣчіями самому себѣ. Напримѣръ, въ предисловіи къ книжонкѣ: „Съ того берега,“ онъ самъ говоритъ:

„Зачѣмъ я остаюсь? Остаюсь затѣмъ, что борьба з д ѣ с ь, что, не смотря на кровь и слезы, з д ѣ с ь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но г л а с н ы, борьба открытая, никто не прячется. Горе побѣжденнымъ, но они не побѣждены прежде боя, не лишены языка прежде чѣмъ вымолвили слово; ве-

лико насиліе, но протестъ громокъ; бойцы часто идутъ на галеры, скованные по рукамъ и ногамъ, но съ поднятой головой, съ свободной рѣчью."

Но развѣ онъ пишетъ противъ Императора Наполеона или противъ Королевы Викторіи, на языкѣ, понятномъ во Франціи или въ Англіи? Попробуй онъ написать противъ нихъ, живши на ихъ землѣ, на понятномъ языкѣ, то, что позволяетъ себѣ писать противъ Россіи и умершаго ея Императора, противъ господствующей религіи, противъ законовъ — его упрячутъ въ тюрьму, можетъ быть сошлютъ еще дальше нежели въ Вятку! Чѣмъ же онъ хвастаетъ и съ чего пѣтушится, ругая Россію въ Англіи, проповѣдуя атеизмъ и революцію на языкѣ, котораго тамъ никто не понимаетъ? Это лакей, ругающій барина за дверью!... Если онъ не боится идти на галеры, скованный, но съ поднятой головой — можетъ имѣть это удовольствіе и въ Россіи. Но этого онъ не сдѣлаетъ, назоветъ это дурачествомъ, и уже доказываетъ, что лучше ругаться издали, въ безопасномъ мѣстѣ. „За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность — я остаюсь здѣсь; я отдаю за нее все (кромѣ себя и

денегъ, увезенныхъ изъ Россіи); я васъ отдаю за нее (покорнѣйше благодаримъ за пожертвованіе!), часть своего достоянія (потому что его ужъ нельзя получить; не такъ ли говорятъ: „съѣшь, братецъ: все равно, придется бросить!“), а можетъ отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства „гонимыхъ, но не низлагаемыхъ.“ Вотъ ужъ этому трудно повѣрить: драгоцѣнную жизнь свою бережетъ Г. Герценъ не хуже своихъ денегъ, и отдастъ ее не за гласность, которою даромъ наслаждается, спрятавшись въ Англіи; гонимымъ онъ назвать себя не въ правѣ, потому что никто не гонитъ его, а въ числѣ низлагаемыхъ онъ уже находится. Неужели онъ не видитъ, не понимаетъ этого? Объяснимъ же ему, въ видѣ вывода изъ всего доселѣ сказаннаго нами:

Онъ не иное что какъ эгоистъ, дерзкій хвастунъ и самолюбецъ, даже не мечтатель, потому что слишкомъ положителенъ для этого; онъ или слабоумный или осталый отъ своего вѣка, потому что отстановился на ученіи Прудона и соціалистовъ, проповѣдуетъ революцію, и думаетъ, что не большая шайка буяновъ, безбожниковъ и кровожадныхъ

злодѣевъ можетъ ниспровергнуть порядокъ и уставы государства, населеннаго шестьюдесятью милліонами человѣкъ! Онъ уже низложилъ самъ себя своею жизнью, своею злобою противъ всѣхъ уставовъ мудрости божественной, и лицемѣрно увѣряетъ насъ, что жертвуетъ собою, удалившись какъ мышь въ голландскій сыръ. Вотъ характеристика и значеніе Г. Герцена.

Мы не стали бы такъ энергически характеризовать его, еслибъ это не было необходимо для обличенія его въ томъ, что разсказамъ его о себѣ нельзя вѣрить, и если бы — это главное — разсказывая о своихъ геройскихъ подвигахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не старался распространять ученія, мало сказать вреднаго, но безумнаго, превышающаго всякое безуміе. Это даже не Прудонизмъ, не соціализмъ, не Сенъ-Симонизмъ — это все, что могли придумать разные безумцы вреднаго и разрушительнаго. Потому-то наша характеристика Г. Герцена не отголосокъ какой нибудь страсти или желанія сказать ему непріятное. Гдѣ идетъ рѣчь о такихъ важныхъ вопросахъ, какихъ касается онъ, тамъ не можетъ быть мѣста личному, мелочному

желанію сказать язвительное слово своему врагу. Онъ врагъ нашихъ убѣжденій, нашей религіи, всего, чѣмъ мы дорожимъ въ мірѣ, и мы готовы сражаться съ такимъ врагомъ самымъ безпощаднымъ оружіемъ правды. Мы оцѣнили его самаго, теперь оцѣнимъ его ученіе.

Ученіе это, какъ мы замѣтили, не Сенъ-Симонизмъ, не Прудонизмъ, а извлеченіе, вытяжка изъ всѣхъ вредныхъ, губительныхъ для общества и для человѣка ученій. Главный характеръ его — отрицаніе всего, что истинное просвѣщеніе признаетъ мудростью, купленною кровью Искупителя рода человѣческаго, и тысячелѣтними страданіями людей во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. Г. Герценъ отрицаетъ и желалъ бы уничтожить Христіанскую религію, и главныя установленія общественныя, извлеченныя какъ изъ ученія Христова, такъ и изъ опыта всѣхъ народовъ. Онъ съ безумною самоувѣренностью отвергаетъ не только религію, но самое чувство религіозное, врожденное человѣку, а уставы общества, называетъ вмѣстѣ съ Прудономъ, тиранствомъ немногихъ сильныхъ надъ всѣми остальными людьми.

Вотъ что писалъ онъ въ своей книжкѣ: „Старый міръ и Россія (London, 1858, стран. 2-я) „До сихъ поръ въ Европѣ были только внѣшнія преобразованія: основанія же новаго порядка государствъ оставались не осуществленными; старое зданіе только поправляли. Такова была реформа Лютера, такова была Революція 1789 года. Мы дошли наконецъ до крайнихъ предѣловъ передѣлокъ и защекатуриваній; ветхія формы слишкомъ тѣсны; въ нихъ нельзя повернуться, опасаясь, что онѣ распадутся. Революціонная мысль, сверхъ того, не совмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей. — Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи случайной собственности, на привиллегіяхъ и монополіяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формулѣ: „Богъ и народъ“) — такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа, то есть: свои химическіе элементы — освобожденные смертью.

„Соціализмъ отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества. Соціализмъ — религія человѣка, религія земная,

безнебесная, воплощеніе христіанства, одѣйствотвореніе Революціи“. —

Въ этой цинической, дикой безтолковицѣ ясно только одно, что Г. Герценъ почитаетъ Христіанскую религію ветхою, слишкомъ тѣсною формою, и хочетъ замѣнить ее соціализмомъ, религіею (какъ онъ называетъ ее), которая ограничивается земною жизнью человѣка и думаетъ только объ удовлетвореніи его плоти. Революція 1789 года также кажется ему недостаточною, потому что она хотѣла оставить хоть какое нибудь устройство общественное: ему не надобно никакого; ему надобно, чтобы люди, какъ звѣри, повиновались только своимъ инстинктамъ.

Во многихъ статьяхъ своей „Полярной Звѣзды“ онъ не только подтверждаетъ эти мнѣнія, но еще усиливаетъ ихъ, и яснѣе говоритъ:

„Философія Гегеля — алгебра революціи: она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя. Но она, можетъ, съ намѣреніемъ дурно формулирована .... По счастію, схоластика такъ же мало

свойственна мнѣ, какъ мистицизмъ; я до того натянулъ ея лукъ, что тетива порвалась и повязка упала. Странное дѣло: споръ съ дамой привелъ меня къ этому“ (Пол. Зв. 1855, 1, 91, изд. 1858 года).

Засимъ онъ разсказываетъ, что какая-то дама въ Новгородѣ (прости ей, Боже, если она дѣйствительно существовала!) говорила ему: „Вы никогда не дойдете до личнаго Бога, ни до безсмертія души никакой философіей, а храбрости быть атеистомъ и отвергнуть жизнь за гробомъ у васъ у всѣхъ нѣтъ. Вы слишкомъ люди, чтобы не ужаснуться этихъ послѣдствій; внутреннее отвращеніе отталкиваетъ ихъ; вотъ вы и выдумываете ваши логическія чудеса, чтобъ отвести глаза, чтобъ дойти до того, что просто и дѣтски дано религіей! — Я спорилъ (продолжаетъ Г. Герценъ), я возражалъ, но внутри чувствовалъ, что полныхъ доказательствъ у меня нѣтъ, и что она тверже стоитъ на своей почвѣ, нежели я на своей....... Споры эти занимали меня до того, что я съ новымъ ожесточеніемъ принялся за Гегеля. Мученіе моей неувѣренности недолго продолжалось: истина

вдругъ мелькнула передъ глазами и стала становиться яснѣе и яснѣе; я склонился на сторону моей противницы, но не такъ, какъ она хотѣла. — Вы совершенно правы, сказалъ я ей, и мнѣ совѣстно, что я съ вами спорилъ; разумѣется, что нѣтъ ни личнаго Бога, ни безсмертія души; оттого-то это и было такъ трудно доказать. Посмотрите, какъ все становится просто, естественно безъ этихъ впередъ идущихъ предположеній (Тамъ же, стран. 93 и 94.)". —

Замѣтимъ мимоходомъ, какъ жалко видѣть такое школьническое хвастовство, какъ презрительна эта похвальба самымъ преступнымъ отрицаніемъ — явившимся отъ ничтожнаго самолюбія, отъ неприличной даже мальчику гордости переспорить какую-то Новгородскую даму! ... Вопросъ, который, если-бы рѣшенъ былъ справедливо, долженъ былъ бы поколебать міръ — разрѣшенъ Г. Герценомъ въ спорѣ съ дамою, въ порывѣ желанія перещеголять ее атеизмомъ! Да, это жалко, какъ всякое преступленіе, и тѣмъ больше, когда оно облечено въ смѣшныя формы.

Желая показать безвозвратность своего рѣше-

нія, Г. Герценъ тотчасъ послѣ этого прибавляетъ:

„Мѣсяца два-три спустя проѣзжалъ по Новгороду (т. е. черезъ Новгородъ) Н. — Онъ привезъ мнѣ „Wesen des Christenthums“ Фейербаха. Прочитавъ первыя страницы, я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказанія; мы свободные люди, а не рабы Ксанөа! не нужно намъ облекать истину въ миөы!“

Такимъ образомъ, закусивъ удила, пустился конь бѣшенымъ скокомъ — къ нигилизму! Да! онъ теперь дошелъ уже до чистаго нигилизма: человѣкъ, по его словамъ, рождается какъ растеніе или животное, по законамъ природы, безъ предуставленной на то воли Бога, Котораго Г. Герценъ отрицаетъ, такъ же какъ и безсмертіе души человѣческой. Слѣдовательно существованіе человѣка ограничивается для него жизнью на землѣ, и потому онъ воленъ дѣлать что ему угодно. Всѣ преданія, всѣ законы — выдумка людей, заговоръ немногихъ противъ всѣхъ остальныхъ.

Такова сущность ученія Г. Герцена.

Поразительно тутъ не заблужденіе; поразительна пошлость, ничтожность мысли, которую съ такимъ шумомъ провозглашаетъ Г. Герценъ. Какъ человѣкъ, занимавшійся исторіею философіи, онъ не можетъ не знать, что нѣтъ ничего новаго, ни глубокомысленнаго въ отрицаніи всего, кромѣ страстей и воли человѣка. Отъ начала исторіи извѣстны безумцы, отрицавшіе бытіе Бога и всякое вѣрованіе, и объяснявшіе по своему видимыя явленія. Осмнадцатый вѣкъ былъ послѣднимъ ихъ отголоскомъ и крайнимъ выводомъ въ сочиненіяхъ и умствованіямъ сенсуалистовъ и энциклопедистовъ. Но извѣстно также, какой участи подверглось это ученіе. Оно не только не могло выдержать ни малѣйшей критики, но и обличило пустоту головъ тѣхъ, которые провозглашали его, а въ наше время сдѣлалось уже смѣшнымъ. Въ наше время послѣдователи такого ученія на одномъ счету съ безбожниками въ родѣ того, которому Городничій въ Ревизорѣ говоритъ: „А вы въ Бога не вѣруете!“ Если бы Г. Герценъ былъ также смотрителемъ какого нибудь заведенія въ уѣздномъ городкѣ, то не стоило бы и ему возражать иными словами. Но онъ провозглашаетъ свое

ученіе передъ Европою, онъ имѣетъ читателей въ Россіи, и потому надобно войти въ нѣкоторыя объясненія, не для него, а для тѣхъ, кто могъ хоть на минуту заблуждаться, читая дерзкіе софизмы Г. Герцена.

Когда ребенокъ кричитъ и сердится, что не можетъ схватить за рога луны, которую онъ видитъ на небѣ, — взрослые люди только усмѣхаются, но не почитаютъ его дуракомъ, зная, что умъ его еще не созрѣлъ, и что ему не достаетъ опытности. Пусть Г. Герценъ пріищетъ эпитетъ, приличный тому взрослому человѣку, который бѣснуется, видя предметы и не понимая ихъ; который видитъ твореніе Божіе и не понимаетъ, что должна быть Воля, создавшая ихъ. Видя безпорядки, неустройства, пороки въ обществѣ человѣческомъ, тотъ же человѣкъ еще больше станетъ бѣсноваться, думая, что стоитъ только пожелать, такъ и не будетъ безпорядковъ и неустройствъ.

Точно въ такомъ положеніи находится Г. Герценъ передъ Богомъ и передъ людьми. Онъ хочетъ схватить луну за рога! Никакого чувства, кромѣ сожалѣнія не вызываютъ дѣтскіе его возгласы, его

дерзости противъ религіи, потому что онъ въ заблужденіи, и если не лжетъ на себя, то еще не испыталъ онъ, какъ суетны всѣ мудрованія; онъ еще не знаетъ, что для рѣшенія главнѣйшихъ задачь міра и жизни человѣческой, всѣ величайшіе умы, всѣ геніи, свѣтильники человѣчества, окончательно обращались къ Богу, и въ немъ находили рѣшеніе и успокоеніе своихъ сомнѣній. Не говоря о мудрецахъ древности, жившихъ прежде воплощенія Бога и слѣдовательно прежде ученія Евангельскаго, Ньютонъ, Лейбницъ, Декартъ, и въ новѣйшее время Шеллингъ, даже самъ Гегель, дошедши до крайнихъ выводовъ человѣческой мудрости, останавливались передъ неразрѣшимымъ, и преклонялись передъ Единымъ Всесоздавшимъ и Всемогущимъ, который устами Сына Своего передалъ намъ все, что необходимо для жизни здѣшней и будущей. Въ этомъ сознавались и тѣ великіе умы, которые хвалились своимъ безбожіемъ. Вольтеръ говорилъ, что еслибъ Богъ не существовалъ, надобно-бъ было выдумать его, разумѣется для блага человѣчества. Руссо сознавался, что Евангельское ученіе выше всякой мудрости человѣческой, и что скорѣе можно почитать

его ученіемъ Самого Бога, нежели изобрѣтеніемъ или выводомъ человѣческаго ума, потому что никакой умъ не могъ создать ничего подобнаго. Знаменитый и несчастный аббатъ Ламенне, вотъ что писалъ въ предисловіи къ Французскому переводу „Исповѣди“ Святаго Августина: „Нѣтъ человѣка, который не узналъ бы себя въ этой поразительной и столь живой картинѣ: это исторія каждаго изъ насъ, или покрайней мѣрѣ тѣхъ, въ комъ религія, не всегда съ могущественною, принадлежащею ей властію утверждала вѣрованія и чувствованія. Всѣ помышленія, какія только могутъ войти въ необузданный разумъ, всѣ страсти, какія могутъ волновать душу пламенную, неповинующуюся никакому закону, всѣ угрызенія, какія могутъ смущать ее, горькая радость отъ удовольствій свѣта, тщета надеждъ, тайныя мученія, соединенныя даже съ самыми законными нашими привязанностями — все это испыталъ Святой Августинъ, человѣкъ необыкновенный, и примѣръ его, кажется былъ бы достаточенъ для наученія всѣхъ остальныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ скажите же: чего хотите вы наконецъ? чего ищете вы на землѣ? Истины. И вотъ вамъ геній самый

проницательный, самый обширный, самый дѣятельный, который въ продолженіе многихъ лѣтъ посвящаетъ себя изысканію истины; и между тѣмъ какъ онъ желаетъ все видѣть, все понять, все покорить своему сужденію, онъ не можетъ достинуть ни до чего достовѣрнаго. Волнуясь отъ каждаго вѣтра ученія, безпрерывно переходя отъ одного мнѣнія къ другому, и никогда не освобождаясь отъ сомнѣнія, онъ находитъ наконецъ успокоеніе для ума только въ полномъ повиновеніи Церкви, повелѣвающей вѣровать и заставляющей молчать мудрствованіе. Вы ищете счастія? Этотъ человѣкъ также искалъ его, искалъ на всѣхъ путяхъ: въ славѣ нашелъ онъ только ничтожество, въ знаніи увидѣлъ суетность, въ наслажденіи чувствъ призналъ только тоску и отвращеніе; въ искреннихъ связяхъ дружбы чистой, но совершенно человѣческой, видѣлъ только трудъ и скорбь для ума. Въ мірѣ и въ пустынѣ, всегда, недоставало ему чего-то. Безпокойное сердце его безпрестанно вздыхало о какомъ-то благѣ, неизмѣримомъ, невѣдомомъ, но существующемъ, потому что онъ желалъ его, и не находилъ нигдѣ. Онъ требовалъ его у созданій, и созданія отвѣчали ему:

это не мы. Наконецъ голосъ, еще никогда не слышанный имъ, столько же усладительный, сколько могущественный, призываетъ его, и смущенная душа его вдругъ успокоивается; благо, котораго ждалъ онъ, Богъ явился ему, и съ этой минуты онъ живетъ только въ Богѣ, живетъ чтобы любить Его, благословлять, прославлять Его милосердіе. Этотъ человѣкъ, до тѣхъ поръ питавшійся только гордостью, смиряется; онъ, еще недавно столько надутый своимъ знаніемъ, дѣлается послушенъ какъ дитя; онъ вѣритъ, онъ молится, онъ повинуется, онъ подклоняетъ всѣ свои страсти подъ иго божественнаго закона, и миръ восхитительный, миръ, превосходящій всякое ощущеніе — первая награда его вѣры и любви. Онъ не знаетъ больше страданій и сожалѣній, кромѣ одного, что такъ долго заблуждался вдали отъ Бога, въ которомъ единое истинное благополучіе. Теперь, кто бы ни были вы, читатели! войдите въ самихъ себя, спросите себя. Если Святой Августинъ, этотъ великій геній, эта душа, столь возвышенная и нѣжная, если онъ могъ только въ религіи найти истину и счастіе, которыхъ искалъ, то найдете ли вы ихъ гдѣ ни-

будь, кромѣ религіи. Думаете ли, что найдете? А если нѣтъ, то зачѣмъ же не поспѣшите послѣдовать его примѣру? Прочитайте внимательно его „Исповѣдь:“ вы увидите тутъ всѣ тайныя узы, которыя еще привязываютъ васъ къ міру, тяготѣющему на васъ; вы откроете всѣ тщетные предлоги, всѣ пустыя побужденія, которыми вы обманываете себя, и которыя останавливаютъ васъ, такъ сказать, на порогѣ обращенія къ Вѣрѣ. Глубокая нищета сердца человѣческаго! хотятъ быть счастливы; нельзя быть счастливымъ иначе, какъ подвергнувъ свой разумъ вѣрѣ, а свои желанія неизмѣнимому порядку; это знаютъ, это говорятъ, и только съ сверхъестественнымъ усиліемъ отказываются отъ печальной свободы коснѣть въ порокахъ и гибнуть! Такова власть гордости надъ человѣкомъ, что онъ отвергаетъ не имъ созданный свѣтъ души, и ненавидитъ самое счастіе, возлагаемое на него какъ законъ.“

Мы могли бы до безконечности умножить примѣры великихъ людей, которые путемъ философіи доходили до идеи о Богѣ, и признавали истиннымъ выраженіемъ ея Христіанскую религію. Даже всѣ

великіе умы, которыхъ воспитаніе, обстоятельства, вѣкъ приводили къ атеизму — сознавались, что есть Богъ, и именно Богъ Христіанскій, то есть: Котораго человѣкъ узнаетъ изъ Христіанской религіи. Если гордость или обстоятельства мѣшали имъ торжественно отречься отъ своихъ заблужденій, то въ глубинѣ души они были Христіане, и не скрывали этого. Гораздо больше число тѣхъ людей, которые, при слабомъ воспитаніи, ничего не думали о религіи, были равнодушны къ ней; но разъ обративши на нее свое вниманіе, дѣлались Христіанами истинными и искренними. Человѣкъ, не только великій умомъ, но просто не лишенный ума, не можетъ не быть Христіаниномъ. Потому-то и жалко видѣть ребяческія усилія Г. Герцена — отвергнуть Христіанскую религію, и замѣнить ее бредомъ Анфантена, атеизмомъ Прудона или Огюста Конта, изобрѣтателя Положительной Философіи. Чего хочетъ Г. Герценъ? Быть выше, мудрѣе самыхъ геніяльныхъ философовъ? Конечно онъ не подтвердитъ этого, боясь быть смѣшнымъ, а начнетъ обыкновенную болтовню мальчишекъ нашего времени, что авторитеты не значатъ ничего, что исти-

на важнѣе всѣхъ авторитетовъ, что вѣкъ въ прогрессѣ, и потому если мы не умнѣе нашихъ предшественниковъ, то вѣкъ сталъ умнѣе прежняго.

Всѣ эти избитыя пошлости не стоютъ опроверженія, и мы скажемъ въ отвѣтъ на нихъ немного словъ. Если авторитеты не значатъ ничего, то мы, глубоко вѣрующіе въ свои убѣжденія, не признаемъ авторитета Г. Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго, Станкевича, и подобныхъ имъ философовъ, и кажется имѣемъ на то право, когда они не признаютъ авторитета Св. Августина, Лейбница, Шеллинга; если же Г. Герценъ и компанія ищутъ только истины, то люди ищутъ ее тысячи лѣтъ и повторяютъ вмѣстѣ съ Пилатомъ: „Что́ есть истина?“ когда передъ тѣмъ же Пилатомъ была сама Воплощенная истина, Христосъ Спаситель нашъ! . . . Неужели-жь вы, мальчики, въ гордости своей, думаете открыть истину, когда величайшіе умы, не могли, безъ Христіанства, открыть ея въ продолженіе тысячелѣтій? Вы говорите наконецъ, что нашъ вѣкъ умнѣе предшествовавшихъ? Сомнѣваюсь: вѣкъ нашъ явно въ упадкѣ, потому что онъ склоняется къ матеріализму. Приведу здѣсь слова современнаго намъ

писателя, умнаго, благороднаго С. де Саси, который, въ предисловіи къ двумъ новымъ томамъ своей Bibliothèque spirituelle, какъ будто предвидя нашъ споръ, отвѣчалъ всѣмъ писателямъ одной школы съ Г. Герценомъ:

„Въ философическихъ системахъ, по большей части, меня ужасаетъ то, что желая пояснить основанія, онѣ всего чаще приводятъ къ послѣдствіямъ бѣдственнымъ. Тайна не въ точкѣ отправленія: она въ выводахъ, которые касаются насъ гораздо ближе. Республика Платона, основанная по плану идеальной добродѣтели, требуетъ разрушенія самыхъ священныхъ узъ семейства и оканчивается — общностью женъ. Пантеизмъ, все обоготворяющій, уничтожаетъ различіе между добромъ и зломъ. Сенсуализмъ, по наружности столь простой и ясный, теряется въ грубомъ эгоизмѣ. Скептицизмъ ускользаетъ отъ заблужденій другихъ системъ, но не иначе какъ оставаясь посреди сомнѣнія невозможнаго, и требуя отъ человѣческой природы, которая жаждетъ истины и не можетъ обойтись безъ знанія и вѣрованія, чтобы она только дышала, мыслила, дѣйствовала. Напротивъ, Христіанство, не смо-

тря на то, что нѣкоторые его догматы таинственны, разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія, утверждаетъ всѣ права и обязанности, освѣщаетъ неизмѣримымъ свѣтомъ нравственность, и научаетъ насъ, зная Бога, знать и человѣка и міръ. Эти два познанія тѣсны соединены одно съ другимъ и время, въ своемъ ходѣ и съ своими успѣхами, не поколеблетъ ихъ: человѣкъ и міръ не измѣнятся, такъ же какъ и Христіанство.

„Знаю очень хорошо, что наша эпоха ласкаетъ себя совершенно противоположнымъ, и одно время шло дѣло о преобразованіи вдругъ міра, человѣка и нравственности (Вотъ это прямо идетъ къ нашему дѣлу: рѣчь объ Анфантенѣ, Контѣ и соціализмѣ); но я знаю также, что это требованіе разрѣшилось только безсиліемъ и окончательно сдѣлалось смѣшнымъ. Прежде нежели станемъ преобразовывать небо и землю, мы поступимъ благоразумно, если хоть немного изучимъ сами себя. Мы худо знаемъ себя. Приведу одно доказательство: мы удивляемся себѣ, и чуть не сказалъ я: мы обожаемъ себя. Дурной признакъ! Писатель, который любуется страницею, только что оконченною имъ,

художникъ, который остается въ удивленіи передъ своею картиною или статуею, даютъ мнѣ плохое понятіе о своемъ геніи. Несомнѣнно, что посредственность души не допускаетъ ихъ провидѣть того первообраза красоты, къ которому должно стремиться всегда, и который остается вѣчно недостижимымъ. Я готовъ вѣрить, что это же правило примѣняется и къ различнымъ возрастамъ человѣчества: лучшіе не тѣ, когда человѣкъ такъ доволенъ самъ собой. Я сто разъ предпочту гордому довольству нашего вѣка скромное простодушіе добраго стараго времени, которое всегда ворчало на настоящее, каково бы оно ни было, всегда готово было смириться передъ прошедшимъ, котораго оно невидало. Семнадцатый вѣкъ, право, имѣлъ бы причины погордиться своею образованностью и своими успѣхами, а онъ мало говорилъ о нихъ; недостатки поражали его больше, нежели добрыя качества; понятія его о прекрасномъ, истинномъ, благомъ, оставались гораздо выше немногаго, что успѣлъ онъ осуществить; онъ былъ такъ великъ, что немогъ находить себя великимъ.“

Вотъ истинное сужденіе безпристрастнаго фило-

софа, истинное потому, что оно имѣетъ основаніемъ вѣчную истину: незыблемость ученія Христова. Не тотъ вѣкъ выше на лѣствицѣ нравственнаго просвѣщенія, который выдумалъ гильотину и пароходы, или карабины Минье и электрическіе телеграфы, а который искреннѣе, крѣпче усвоилъ себѣ законъ любви къ ближнему. Вѣкъ матеріяльныхъ успѣховъ и вмѣстѣ духовнаго упадка явно вѣкъ падающій, а не вѣкъ прогресса. Матеріяльные успѣхи прекрасны, необходимы для общественной жизни; но они могутъ превратить человѣка въ звѣря, если онъ будетъ только ими заниматься, ими гордиться, на нихъ основывать свое благополучіе. Тогда въ немъ возродится гордость, самонадѣянность, уже не разъ губившія и ниспровергавшія міръ. Неужели Г. Герценъ станетъ отрицать указанія исторіи? Пусть же разсмотритъ онъ ее и удостовѣрится, что эпохи упадка наставали именно въ то время, когда матеріялизмъ начиналъ господствовать надъ духовною жизнью. Это неизмѣнно и непремѣнно, если онъ не хочетъ осудить всего человѣчества на китайскую неподвижность, оказывающую жизненность только въ матеріяльныхъ успѣхахъ. При нихъ бу-

дутъ дѣлать чудесные атласы, приготовлять душистый чай, разматывать нѣжный шелкъ, скоплять груды золота, потому что матеріялизмъ только это почитаетъ умнымъ прогрессомъ; но нравственныя добродѣтели будутъ оцѣниваемы и объясняемы по кодексу Прудона и Полярной Звѣзды Г. Герцена, который почитаетъ все дозволеннымъ для своего матеріяльнаго блага.

„Узнай самого себя,“ повторимъ мы вмѣстѣ съ древними мудрецами и съ Г. де Саси. Не злоба ли занимаетъ главное мѣсто въ сердцѣ Г. Герцена? Злоба не на кого либо отдѣльно, а на цѣлый міръ, не по его мысли устроенный? Но чему же научился Г. Герценъ, перечитавъ груду книгъ, пересиливъ — какъ выражается онъ — самого Гегеля, послѣдняго смѣлаго философа, который однакожъ остановился въ своихъ выводахъ, когда дошелъ до неразрѣшимаго? Злоба всегда есть слѣдствіе и неизбѣжный плодъ невѣдѣнія, потому что истинное просвѣщеніе ведетъ къ любви, къ примиренію съ видимыми и преходящими неустройствами міра, показывая предуставленную гармонію во всемъ, и даже въ самыхъ бѣдствіяхъ, въ страданіяхъ человѣ-

чества. Если не научился этому Г. Герценъ, то конечно потому, что онъ шелъ путемъ не просвѣщенія, а заблужденія. Погибни та наука, которая ведетъ къ злобѣ и ненависти, и къ печальному выводу, что намъ, послѣднимъ дѣтямъ столькихъ вѣковъ, остается только разрушать все прошедшее, и „ни вочто не вѣрить, кромѣ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей,“ — „ничего не любить въ этомъ мірѣ, кромѣ того, что онъ преслѣдуетъ, ничего не уважать кромѣ того, что онъ казнитъ!“ Это собственныя слова Г. Герцена, крики злобы, вырвавшіеся изъ отчаянной души его, поддавшейся заблужденію. Но пусть само это горькое сознаніе покажетъ ему, что пора узнать самого себя, или, иными словами, одуматься, сознаться въ своихъ заблужденіяхъ, и присоединиться къ истинному, общему просвѣщенію, котораго основаніе въ Христіанствѣ, въ этомъ законѣ, данномъ человѣчеству самимъ Богомъ. Идя путемъ матеріализма, Г. Герценъ дошелъ до отчаянныхъ, гибельныхъ выводовъ, и не видитъ другаго исхода изъ нынѣшнихъ неустройствъ и злоупотребленій, какъ — революція, разрушеніе всего прежняго, и новое устройство міра

по нѣсколькимъ мыслямъ кучки людей. Кучка эта, разумѣется, соціалисты. Но — въ сторону дѣтская или лицемѣрная увѣренность въ нихъ — вѣдь это будетъ только попытка, кровавая, ужасная, и вы рѣшаетесь на нее, безъ увѣренности, что она не повергнетъ міръ въ новый хаосъ? По идеѣ нѣсколькихъ человѣкъ вы хотите передѣлывать весь умственный міръ, все человѣчество? А гдѣ обезпеченіе, что ваша кучка людей не заблуждается, и что горькій опытъ не заставитъ ихъ сознаться въ безсиліи перестроить законы, данные самимъ Богомъ? Подите!... вы или безумецъ или лицемѣръ! Если величайшіе геніи, въ продолженіе тысячелѣтій, нашли, безъ помощи Христіанства, только одинъ вѣрный выводъ: „Мы знаемъ, что ничего не знаемъ,“ то безумныя мечты Прудоновъ и Контовъ могутъ быть причислены единственно къ тысячѣ другихъ заблужденій, съ тою разницею, что онѣ злонамѣренны и потому недостойны даже извиненія и прощенія. Такія идеи и проистекающія изъ нихъ разрушительныя намѣренія подлежатъ не суду философовъ, а суду исправительной полиціи или Вятской

Уголовной Палаты, потому что для обсужденія ихъ довольно обыкновеннаго здраваго смысла. —

Отрицаніе, разрушеніе всегда безплодны, и оставляютъ послѣ себя только пустоту и отчаяніе. Въ такомъ состояніи духа находится теперь Г. Герценъ. Если бы онъ съ инымъ направленіемъ изучалъ исторію и философію, то не дошелъ бы до этого жалкаго состоянія, и увидѣлъ бы, какъ въ событіяхъ исторіи, такъ и въ выводахъ философіи, что уже все есть для блага человѣчества — въ Евангеліи и въ законѣ Христіанскомъ. Онъ увидѣлъ бы тамъ — чего не представляетъ ни одна философская система — законъ, вѣчный и неизмѣнный, тогда какъ система всегда подвержена критикѣ, всегда служитъ предметомъ оспориваній, живетъ не долго и смѣняется другою, словомъ, какъ выразился одинъ философъ: tout système est faux, par ce que il est système. Нелѣпая система соціялизма уже умерла для людей мыслящихъ, какъ умерла система идеальной республики велемудраго Платона, котораго древность наименовала божественнымъ. Перечислите всѣ другія системы — участь ихъ одинакова. Отчего же сами невѣрующіе Христіанскому

ученію сознаются въ глубокой, неисчерпаемой его мудрости и вѣчной непреложности? Христіанскій законъ примѣняется ко всѣмъ вѣкамъ, ко всѣмъ состояніямъ общества, ко всѣмъ людямъ вообще и къ каждому человѣку отдѣльно. Постигните важность и значеніе этихъ словъ: къ каждому человѣку. Если всѣ будутъ, вполнѣ, искренно, исполнять немногія, и столько легкія для исполненія заповѣди Христа Спасителя — тогда еще на землѣ будетъ рай, обѣщаемый намъ въ небесахъ. Потому-то каждый человѣкъ и долженъ стремиться и направлять всѣ свои помышленія, во-первыхъ, къ утвержденію самого себя въ истинахъ Христіанства, и, во-вторыхъ, къ распространенію и утвержденію ихъ во всѣхъ окружающихъ его близкихъ къ нему, не принимая на себя неисполнимаго предпріятія вдругъ преобразовать весь міръ, или хотя бы одинъ народъ. Такія общія, быстрыя преобразованія или революціи, столько же безумны и потому преступны, сколько постепенное воспитаніе людей въ Христіанскомъ законѣ — благодѣтельно, мудро, и вѣрно ведетъ къ цѣли жизни каждаго человѣка. Никогда и никакая система законодательства не можетъ быть неизмѣн-

на и одинакова для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ народовъ, тогда какъ законъ Христіанскій равно примѣнимъ и благодѣтеленъ всегда, вездѣ, и безъ него не можетъ быть никакого законодательства, которое вскорѣ не сдѣлалось бы ложнымъ. Вы находите несовершенство въ настоящемъ общественномъ устройствѣ вездѣ; вы въ отчаяніи, видя тѣ страны, гдѣ мечтали найти законъ и правду? Но какъ же вы не видите, причины этого неизбѣжнаго явленія вездѣ, гдѣ ослабѣваетъ искреннее исполненіе закона Христіанскаго? Все человѣческое — ложь, и только въ божественномъ правда. Вѣкъ матеріялизма не уживается съ Христіанствомъ, и вотъ являются смуты, борьба, ниспроверженіе всего прежняго, которое замѣняетъ грубая сила и тиранство эгоизма, не правительствъ — какъ усиливался доказать вашъ достойный сотрудникъ въ статьѣ: „Что̀ такое Государство?“ — а эгоизма каждаго изъ членовъ общества. Г. Герценъ увозитъ изъ Россіи свое богатство, и великодушно вызывается учить насъ быть людьми, однако позаботившись прежде всего о себѣ, какъ обыкновенно поступаютъ эгоисты: какъ мошенникъ крадетъ кошелекъ изъ кармана, какъ судья

продаетъ свой кривой судъ, какъ лавочникъ обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ, потому что у всѣхъ одна мысль, одна цѣль — удовлетвореніе матеріяльныхъ потребностей своей особы и много если своей семьи, что̀ также признакъ эгоизма, потому что истинно добродѣтельный человѣкъ руководствуется словами Спасителя, Который, указывая на чужихъ ему людей, говорилъ: „Вотъ Моя мать и Моя семья!" Эгоистъ, напротивъ, говоритъ: „Сначала я позабочусь о себѣ, а потомъ уже о другихъ." Для чего воръ крадетъ, судья беретъ взятку? Обезпечиваетъ себя. Если у него будетъ, какъ у Г. Герцена, 500,000 франковъ, онъ смекнетъ, что глупо воровать и брать взятки, а выгоднѣе, слѣдуя мудрому правилу Франклина, быть честнымъ. Замѣчено, что морскіе разбойники, награбившіе себѣ огромныя богатства, дѣлались потомъ превеликодушными людьми, устроивали благотворительныя заведенія, богадѣльни, больницы, училища для бѣдныхъ. У насъ въ Россіи бывали такіе примѣры. Слѣдовательно, въ человѣкѣ нѣтъ собственно желанія грабить, воровать, брать взятки, присвоивать себѣ чужое какимъ бы то ни было способомъ; но есть желаніе обезпечить

себя матеріяльно, а для этого всѣ способы хороши по ученію матеріялистовъ, которые бываютъ добры только до тѣхъ поръ, пока удовлетворяютъ всѣмъ своимъ желаніямъ безъ грабежа, разбоя и революцій. Во Франціи не любятъ революцій — богатые люди. Но они легко дѣлаются революціонерами, когда видятъ въ томъ свои выгоды. Вы думаете, что соціялизмъ устранитъ такое чувство эгоизма? Но почему же? гдѣ граница между необходимымъ и излишнимъ? Одинъ довольствуется тысячью рублей, другому недостаточно десяти тысячь, милліона! А какъ скоро Христіанское чувство не укрощаетъ страстей, то, черезъ годъ послѣ своего учрежденія, ваша соціяльная республика превратится въ скопище звѣрей, которые будутъ терзать другъ друга за кусокъ золота или даже за кусокъ хлѣба, тогда какъ звѣри рѣдко терзаютъ другъ друга для удовлетворенія голода. Ваши соціалисты будутъ хуже ихъ!

Вотъ къ чему непремѣнно ведетъ всякое общественное устройство, неоснованное на Христіанскомъ законѣ.

Это естественно приводитъ насъ къ обсужденію

того устройства, которое Г. Герценъ желаетъ дать Россіи, находя, что въ ней все дурно, ложно, неправедно, что въ ней жить нельзя, отчего онъ и убѣжалъ изъ нея.

Главныя основанія предполагаемаго имъ устройства (по нашему неустройства) заключаются въ двухъ, трехъ положеніяхъ: 1., уничтоженіе Христіанской религіи и особенно Православнаго исповѣданія ея, которое ненавидитъ онъ и готовъ преслѣдовать не хуже самыхъ злыхъ гонителей ученія Христа Спасителя; 2., учрежденіе, вмѣсто нынѣшняго Самодержавнаго Государства — республики, и какъ, по мнѣнію его, нѣтъ республики безъ соціализма, то, 3., господство соціализма, вмѣсто всякаго другаго гражданскаго устройства.

Конечно давно въ лѣтописяхъ человѣчества не встрѣчалось такого безумнаго и вмѣстѣ преступнаго стремленія, выражаемаго съ такимъ дерзкимъ цинизмомъ. Право, жаль, для блага самого Г. Герцена, что Русская полиція не послала его куда нибудь дальше Вятки, и не отняла у него способовъ вредить другимъ и себѣ. На свободѣ, въ Лондонѣ, гдѣ никто не обращаетъ на него вниманія и не по-

нимаетъ языка, на которомъ онъ пишетъ, Г. Герценъ позволяетъ себѣ высказывать самыя смѣшныя и самыя дерзкія нелѣпости, какія могутъ придти въ голову безумца или злодѣя. Онъ срамитъ имя Русскаго, и показываетъ столько же неистовой злобы, сколько пошлаго, невѣроятнаго невѣжества.

Мы довольно объяснили нелѣпость его понятій о Христіанской религіи, незнаніе и безумную дерзость его въ отношеніи къ ней. Полагаемъ, что мы не оказали бы должнаго уваженія къ этому священному предмету, если бы стали защищать его передъ такимъ противникомъ, который искренно или злонамѣренно искажаетъ его и кощунствуетъ изъ корыстныхъ видовъ. Вмѣсто всякаго опроверженія, посовѣтуемъ тѣмъ, которыхъ сколько нибудь могли бы привести въ сомнѣніе дерзкія выходки Г. Герцена — вникнуть въ сущность Христіанскаго ученія, сообразить историческій ходъ другихъ вѣрованій, и убѣдиться еще разъ, что все преходитъ въ мірѣ, слова же Отца Небеснаго не прейдутъ никогда, потому что только въ нихъ божественная истина. И намъ ли предпринимать подвигъ уясненія этого священнаго предмета, когда столько

великихъ, вдохновенныхъ Отцевъ Церкви пояснили его во всѣхъ подробностяхъ, и когда въ наше время видимъ на стражѣ Христова ученія великихъ архипастырей? Уважая великое ихъ смиреніе не называемъ никого, но благочестивые соотечественники наши уже называютъ ихъ, читая эти строки. Христіанская Церковь соболѣзнуетъ о врагахъ своихъ, и съ родительскою любовью заботится не упрекать и преслѣдовать, а образумить ихъ: она, окончательно и достигнетъ своей цѣли.

Но, кромѣ уничтоженія Православной Церкви въ Россіи, Г. Герценъ хочетъ уничтожить и тотъ образъ правленія, который, съ необходимыми измѣненіями, существуетъ въ ней уже тысячу лѣтъ. Подумалъ ли онъ о безуміи этой мысли? Не стыдится ли онъ быть до такой степени мальчишкой, что дерзкой рукой хочетъ вдругъ ниспровергнуть то, чего нельзя ниспровергнуть по волѣ? Не имѣли ли мы права уподобить его несмысленному ребенку, желающему схватить луну за рога? И съ чего, откуда мысль превратить Россію въ республику? изъ историческаго ли хода событій въ ней, изъ постепеннаго ли стремленія народа, изъ знанія ли и

глубокаго изученія природы Русскаго человѣка, изъ географическаго ли ея положенія? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Единственно изъ ребяческаго подражанія тому, что было или есть въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, гдѣ было это слѣдствіемъ необходимости и потому могло существовать — существуетъ и нынѣ, по сообразности такого устройства съ мѣстными и историческими обстоятельствами. Но въ Россіи, послѣ тысячелѣтней ея исторіи, на девятой части всей поверхности земнаго материка, при нынѣшней степени ея образованности — мечта о республикѣ можетъ зародиться или въ головѣ мальчика, начитавшагося революціонныхъ возгласовъ, или въ головѣ безумца, который не боится быть смѣшнымъ.

Чтобы пояснить себѣ этотъ вопросъ, вспомнимъ о главныхъ эпохахъ и событіяхъ нашей исторіи.

На широкой полосѣ, между Чернымъ и Балтійскимъ морями, милліоны народа, Богъ знаетъ сколько лѣтъ прозябали въ первобытной простотѣ и въ дикомъ невѣжествѣ. У нихъ не было никакого общественнаго устройства, ни городовъ, ни дорогъ, никакихъ даже признаковъ образованности. Разу-

мѣется, что такой народъ размножившись, не могъ управиться самъ съ собою, и радъ былъ, что Варяги, по желанію его или насильственно, стали во главѣ и внесли въ среду его устройство власти. Первобытные народы обыкновенно ищутъ этого и избираютъ себѣ предводителей, потому что сами не имѣютъ воли или не умѣютъ управлять ею отъ лѣности ума. Но Варяговъ было такъ мало, что, черезъ нѣсколько поколѣній, они слились съ Славянами, или, лучше сказать, превратились въ Славянъ, оставивъ за собою только власть. Духъ Норманнскій постепенно исчезъ въ нихъ, и черезъ два, три столѣтія видимъ уже не завоевателей, а лѣнивыхъ владѣльцевъ, которые почитаютъ Россію своимъ семейнымъ добромъ, достояніемъ, дерутся между собой за родительское достояніе, но и не думаютъ о государствѣ. И народъ смотритъ на себя какъ на рабовъ того или другаго владѣльца, душевно раздѣляетъ ихъ страсти, защищаетъ ихъ выгоды, все точно такъ во время Владиміра Мономаха, какъ и послѣ, когда помѣщичьи крестьяне и дворовые говорили, да и теперь говорятъ, мы — о своихъ помѣщикахъ, добрыхъ и злыхъ, не раз-

дѣляя отъ нихъ себя. Для спасенія Россіи, для приданія ей перваго единства, явилась въ ней Христіанская религія. По великому милосердію Всемогущаго Бога, конечно такъ было предуставлено свыше и не могло случиться иначе; но вообразите, что̀ было бы съ Россіею, если бы Владиміръ 1^й избралъ не Христіанскую религію для своего народа, а, напримѣръ, Магометанскую? При лѣнивой Славянской природѣ, предки наши исчезли бы съ лица земли, частію истребленные другими воинственными народами, частію превратившіеся въ магометанъ. Но Христіанская религія соединила разрозненныя Русскія княжества, и Русскіе, какъ Православные, утвердили въ себѣ мысль о своемъ единствѣ. Впослѣдствіи, религія же соединяла ихъ и не допускала разъединиться въ эпохи самыхъ величайшихъ государственныхъ бѣдствій. „Безсмысленныя драки Удѣльныхъ Князей,“ какъ справедливо характеризовалъ ихъ Карамзинъ, не кончились бы добромъ, если бы гораздо страшнѣйшее несчастіе не постигло Россію. Нашествіе Батыя превратило въ пустыню половину Россіи, а надъ остальною частью и разрозненными ея княжествами началось господ-

ство царя, какъ называли Русскіе хана, кочевавшаго на нижней Волгѣ. Двѣсти лѣтъ тяготѣло иго татарщины надъ Россіею, покуда власть не перешла къ Великимъ Князьямъ Московскимъ, вскорѣ принявшимъ титулъ и всѣ права Царя, то есть самодержавнаго, неограниченнаго Государя. Тутъ исторія наша дѣлается такъ ясна и такъ одинаково понятна для всѣхъ, что нѣтъ надобности напоминать ея событія. Въ ней было бы непостижимо и необъяснимо одно и самое главное: какъ сохранилась она, какъ могла выдержать такіе страшные удары и угнетенія — нашествіе и иго Татаръ! — если бы и это не объяснялось глубокимъ чувствомъ Вѣры, которая поддерживала, соединяла и сохранила, даже улучшила Русскихъ во время тяжкаго татарскаго ига, улучшила въ крѣпости вѣрованія избранныхъ. Но за то большинство, и особенно близкіе къ власти царедворцы, только по наружности сохранили Христіанство и превратились въ вѣроломныхъ, продажныхъ лицемѣровъ, которые думали только о своихъ личныхъ пользахъ, грабили, губили государство, и всегда готовы были продать своего Царя. Это очень хорошо понималъ Великій

Князь Іоаннъ III, но гораздо лучше понялъ Царь Іоаннъ Грозный, кровожадный тиранъ, но человѣкъ геніяльный. Какъ глубоко постигъ онъ, что всѣ окружавшіе его были враги его и враги Россіи, зараженные члены, которые надобно было отрубить, потому что излечить ихъ было нельзя! Онъ рѣзалъ, душилъ ихъ, травилъ медвѣдями, жарилъ на угольяхъ — все это ужасно и гадко, но политическая мысль его была вѣрна, и онъ справедливо писалъ Курбскому: „Нѣтъ, еще мало губилъ я васъ, крамольниковъ!“ Онъ дѣлалъ тоже, что во Франціи дѣлалъ Ришельё, и потомъ въ Россіи Петръ Великій: вредныхъ людей едва ли можно было оставить и пощадить. Тираннія Іоаннова была одна изъ революцій — которыя любитъ Г. Герценъ — но она была безплодна, потому что Іоаннъ только душилъ и рѣзалъ негодяевъ, а съ ними иногда и честныхъ людей, но не улучшалъ ничего и не замѣнялъ ничѣмъ того, что истреблялъ, такъ, что вскорѣ оправдалось его предвидѣніе: онъ не дорѣзалъ, не додушилъ всѣхъ, и во время Самозванцевъ явилась наружу вся подлость и все вѣроломство Русскихъ бояръ! Они грабили и продавали Россію

первому негодяю, который платилъ за то. Кто и въ эти бѣдственные дни спасъ и поддержалъ Россію? Христіанская вѣра и пастыри ея, пробудившіе чувство любви къ Отечеству и къ Православію въ сердцахъ избранныхъ. Наконецъ, окрѣпла Русь, пользуясь безсиліемъ внѣшнихъ враговъ своихъ, и Петръ принялъ уже довольно могучую державу; но въ какомъ нравственномъ состояніи? Усилія геніяльнаго Никона не могли очистить Вѣры отъ вкравшихся въ нее злоупотребленій, а царедворцы продолжали татарскую роль свою у двухъ слабыхъ Государей и честолюбивой женщины, сестры Петра. Надобно было освободить Россію прежде всего отъ ближайшихъ враговъ, и Петръ исполнилъ это съ жестокосердіемъ Іоанна Грознаго, но и съ великою мыслію ввести новый порядокъ дѣлъ въ своемъ Государствѣ. Какой же новый порядокъ? Не республику ли по мыслямъ Г. Герцена? Нѣтъ, онъ не брался за невозможное, зналъ Россію, и подновилъ Самодержавіе внѣшнею образованностью, устройствомъ регулярныхъ войскъ, и бюрократіею, взявши все это цѣликомъ изъ другихъ Европейскихъ государствъ, и даже переселивши къ себѣ цѣлое населеніе

иноземцевъ — учителей. Многіе упрекаютъ Петра, что онъ не остался при прежнемъ устройствѣ и при дѣдовскихъ обычаяхъ. Но онъ предпочелъ, усмиривъ внутреннія смуты, обезопасить Россію отъ внѣшнихъ враговъ, и думалъ не объ устройствѣ городовъ и обществъ, а объ устройствѣ хорошей арміи и правильной администраціи, хотя бы на нѣмецкій ладъ. Иначе онъ не управился бы съ грозными сосѣдями. Но, какъ многіе геніяльные властители, онъ, кажется, не вспоминалъ, что могъ прожить не сотни лѣтъ, а обыкновенный періодъ человѣческой жизни, въ который нельзя было ему окончить и повершить все, имъ задуманное. Въ этомъ главная ошибка Петра: онъ все началъ, и ничего не кончилъ. Но такъ тверды были основанія недовершеннаго имъ зданія, что оно устояло, хотя во многомъ покривилось, однако устояло до самаго царствованія Великой Екатерины. Эта дѣйствительно великая Государыня, мудрость въ видѣ прекрасной женщины, сдѣлала для Россіи болѣе, нежели всѣ ея предшественники, болѣе нежели Петръ. Она уничтожила язву, грозившую безопасности Россіи: дикую Крымскую Орду. Внутри Россіи она создала

все, и до сихъ поръ мы живемъ тою жизнію, которую вдохнула въ Россію Екатерина. Устройство Губернское и Городовое положеніе теперь уже устарѣли, но въ свое время это было все, что могла сдѣлать для устройства народа Государыня. Извѣстно, что она хотѣла, въ юномъ порывѣ благороднаго самоотверженія, совѣтоваться обо всемъ съ народомъ и даже сдѣлала попытку народнаго представительства въ законосоставительной коммисіи. Но геніяльный умъ ея тотчасъ увидѣлъ, что это было слишкомъ рано. Народъ не оправдалъ ожиданія ея даже въ томъ, что не понялъ ея мысли: дворянскіе и городскіе выборы, установленные для самобытнаго управленія общественными дѣлами, почитаютъ у насъ до сихъ поръ только тягостью, уклоняются отъ нихъ, или занимаются общественными дѣлами иногда съ такимъ невниманіемъ и незнаніемъ дѣла, что безъ секретарей и подъячихъ ничего бы и не-дѣлалось! Державные преемники Екатерины, Александръ Благословенный и почившій въ Бозѣ Николай 1ый продолжили труды Великой Бабки своей, и оставивъ за Россіею высокое мѣсто въ политическомъ составѣ государствъ, улучшили её внутренни-

ми учрежденіями: образованіе появилось и въ хижинахъ земледѣльцевъ — завелись народныя училища, войско увеличено и приняло стройный видъ, дарованъ Законъ, ожидаемый нѣсколько вѣковъ и ограждающій права и собственность каждаго. Нынѣ царствующій, Великодушный **Императоръ Александръ II** уничтожаетъ крѣпостное право, чего желали Его Предшественники и не могли совершить по обстоятельствамъ времени. Августѣйшій Распорядитель предоставилъ помѣщикамъ устроить ихъ отношенія къ крестьянамъ, и образовалъ для сего верховную Коммисію, изъ людей извѣстныхъ знаніями и любовію къ Отечеству. Преобразованіе сіе займетъ свѣтлый отдѣлъ въ нашей исторіи и отразится на всѣ вѣтви государственной жизни. Сѣмена добра, посѣянныя мудростью и благодушіемъ Екатерины въ почву, приготовленную Петромъ Великимъ, возросли и уже приносятъ плоды. Рабъ вычеркнутъ не только изъ кодекса законовъ, но и перестаетъ существовать безъ названія, потому что Екатерина всего больше заботилась превратить раба въ человѣка, дать ему самобытность, права, и если не совершенно успѣла въ томъ, то положила

эту мысль въ основаніе жизни Россіи. И посмотрите: въ концѣ царствованія Императора Александра I^го^, Грибоѣдовъ уже написалъ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Прошло еще сорокъ лѣтъ, и мы можемъ повторить этотъ стихъ о томъ времени, которое Грибоѣдовъ предпочиталъ прошедшему. Г. Герценъ не находитъ довольно оскорбительныхъ эпитетовъ при имени **Императора Николая**: это низко, и несправедливо, потому что **Николай I^й^** былъ человѣкъ честный, рыцарь благородства, оклеветанный предъ смертію за благородную откровенность, съ какою Онъ передавалъ Лорду Сеймуру свои виды объ устройствѣ Турецкой имперіи. Коварная дипломатія воспользовалась Его довѣренностью и стала клеветать на Него, какъ теперь клевещетъ Г. Герценъ. Но онъ сознается, со временемъ, въ своей виновности передъ Нимъ, какъ сознается теперь Европа, что **Императоръ Николай** былъ правъ, называя и почитая Турцію трупомъ умершаго. Г. Герценъ увѣряетъ, что **Николай** задушилъ всякую жизнь въ Россіи, тѣмъ, что преслѣдовалъ революціонныя мысли и сослалъ Г. Герцена въ Вятку. Но онъ не видитъ въ этомъ

милосердія! Въ царствованіе Кроткой Елисаветы его высѣкли бы кнутомъ и сослали бы въ каторжную работу. Въ какомъ бы государствѣ стали гладить по головкѣ революціонеровъ. **Николай** могъ иногда ошибаться, увлекаться, но никогда и никому не сдѣлалъ Онъ зла, не только прямо отъ злобы, но даже отъ невниманія. Судьба каждаго подданнаго была для Него священна, и Онъ исполнялъ долгъ самодержавнаго Государя по крайнему своему разумѣнію. Сколько не исполнилось благихъ Его намѣреній! Не Его вина, что многое у насъ не лучше, и что Западная Европа стала ниже насъ, а Христіанская Греція до сихъ поръ подъ игомъ Турокъ. **Императоръ Николай,** по разнымъ причинамъ, о которыхъ теперь еще нельзя судить, не зная достовѣрно сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ — не могъ предпринять и совершить многаго, что̀ уже началъ, и что̀, при помощи Божіей, довершитъ Августѣйшій Его Преемникъ. Уничтоженіе откупной продажи вина, распространеніе правъ разныхъ сословій, смягченіе и уравненіе уголовныхъ законовъ, облегченіе военной службы, улучшеніе быта государственныхъ крестьянъ, и множество

другихъ не меньше важныхъ предметовъ были безпрерывною заботою Благороднаго **Николая I^{го}**; исторія оправдаетъ Его, когда пояснятся причины, мѣшавшія многимъ Его благимъ намѣреніямъ. Главная причина, и теперь существующая — мы сами, Русскіе, вѣрноподданные Русскихъ Государей. Отъ Рюрика до царствованія Екатерины Великой, мы не только назывались, но и были дѣйствительно рабами того или другаго барина; это особенно закрѣпилось и утвердилось отъ татарскаго ига. Екатерина употребляла всѣ средства очеловѣчить насъ, и, какъ видимъ, она успѣла во многомъ; но не скоро истребятся тысячелѣтнія привычки, обратившіяся въ нашу плоть и кровь, и обладающія нашею нравственною жизнью. Кто изъ насъ, строго наблюдая за собою, не видитъ въ себѣ слѣдовъ татарщины — безпрерывнаго уклоненія отъ законности, коварства, скрытности въ дѣйствіяхъ, и эгоизма, свойственнаго рабамъ? Неужели Г. Герценъ не видитъ этого въ самомъ себѣ? Какъ Русскій чиновникъ, онъ соблюдалъ всю наружность повиновенія, а въ душѣ коварствовалъ и замышлялъ мщеніе; когда же вырвался за границу, то началъ ругаться

какъ лакей противъ своего бывшаго барина, потому только, что теперь не могутъ его высѣчь! Вотъ этотъ гнусный страхъ и есть наслѣдство Татаръ, которое мѣшаетъ добрымъ начинаніямъ въ Россіи. Прежде всего Русскій человѣкъ подумаетъ: „что-то мнѣ будетъ?“ и соглашается на все, сохраняя свою драгоцѣнную особу. Члены губернскихъ Палатъ соглашаются съ предсѣдателями, всѣ чиновники съ губернаторами, и все такъ ниже и выше, отъ лакея ..... до революціонера, который кутитъ и мутитъ скрытно, тайно, а явно принимаетъ какую угодно присягу, обѣщается и клянется во всемъ, и пользуется всѣми вѣковыми злоупотребленіями! ..... Далеко ли же вы ушли отъ татарской нравственности? Г. Герценъ безпрерывно провозглашаетъ революцію; но революція не есть ли оружіе рабовъ, которые не умѣютъ или не смѣютъ идти путемъ законности и жертвовать собою? Къ тому же, гораздо легче, да и безопаснѣе, сдѣлаться на одинъ день революціонеромъ, нежели всегда и мужественно говорить и дѣйствовать по совѣсти. Революціонеръ надѣется вскорѣ быть бариномъ, а за мужественную правду какая награда? Но Апостолы

не такъ дѣйствовали: не думая ниспровергать установленнаго порядка буйною революціею, они только высказывали свои убѣжденія, и не боялись наказаній за правду. Научитесь же у нихъ повиноваться властямъ и дѣйствуйте какъ они, не страшась высказывать то, за что вы должны быть готовы пожертвовать болѣе, нежели мелочными выгодами. Славянская лѣнь, придавленная, искаженная татарскимъ игомъ, запуганная Іоанномъ Грознымъ и Петромъ Великимъ, начала уступать мѣсто общечеловѣчечкимъ чувствованіямъ только со временъ Екатерины Великой, но, съ примѣсью татарщины, еще глубоко нѣдрится въ Русской природѣ. Рановременныя попытки совѣщаться съ народомъ въ важнѣйщихъ дѣлахъ и въ законодательствѣ, не оправдали благихъ намѣреній нашихъ Государей. Что же остается имъ дѣлать? Учить, воспитывать народъ, излечивать его отъ наслѣдственныхъ и прививныхъ недуговъ, но твердо держать бразды правленія въ рукахъ своихъ, не вѣря возгласамъ корыстолюбивыхъ революціонеровъ, которые желаютъ только ловить въ мутной водѣ рыбу.

Къ счастію, въ нашемъ народѣ глубоко хранится религіозное чувство. Оно спасало насъ отъ величайшихъ историческихъ бѣдствій, оно и до сихъ поръ сохранило въ насъ чистоту и благородство духа, которыя проявляются во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Наука невидимо сѣетъ сѣмена просвѣщенія на этой прекрасной почвѣ, и быстрые успѣхи наши въ образованности нравовъ явны. У насъ уже есть множество образованныхъ, благочестивыхъ семействъ, равно чуждыхъ татарскихъ преданій и прививныхъ болѣзней Запада; остается желать, чтобы это росло, распространялось, развивалось, постепенно, безъ насильственныхъ переворотовъ, которые бываютъ всегда равносильны народнымъ бѣдствіямъ. Новое устройство крестьянъ и городскихъ сословій разовьетъ силы средняго и низшаго классовъ народа, какъ можно надѣяться, въ ближайшее время.

Только дерзкій умъ можетъ предсказывать, что̀ именно выработается изъ Русскаго народа при этомъ благомъ направленіи; но несомнѣнно, что все идетъ къ лучшему, и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ,

можетъ быть, придется повторить и о нашемъ времени:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Надобно молить Бога только объ одномъ, чтобы Онъ послалъ нашему Великодушному и Добродѣтельному Государю честныхъ, умныхъ совѣтниковъ и исполнителей Его воли, которая и должна быть нашимъ закономъ, потому что у народа воля еще не созрѣла въ самыхъ образованныхъ умахъ. Наша конституція — въ сердцѣ Государя. Другой не можетъ быть и не должно желать.

Угодно ли видѣть образчикъ, что̀ придумали бы недоученые и недосѣченые фанфароны, которые напрашиваются къ намъ въ законодатели? Вспомните о трехъ, означенныхъ нами, главныхъ требованіяхъ Г. Герцена: 1[е], уничтожьте Христіанскую религію; 2[е], учредите, вмѣсто монархіи, республику, и 3[е], вмѣсто всякаго законодательства — соціялизмъ! Надобно быть безумнымъ, чтобы требовать перваго; надобно быть невѣждой, не знать ни Россіи, ни исторіи ея, ни настоящаго состоянія ея, чтобы желать втораго; трудно даже сказать, какимъ человѣкомъ надобно быть, чтобы желать соціялизма,

не только въ Россіи, но гдѣ бы то ни было. Его берегутся, какъ язвы, даже тѣ народы, которые привыкли къ самымъ безумнымъ государственнымъ переворотамъ. Соціялизмъ предаетъ все въ руки негодяевъ, которые не умѣютъ жить своими трудами. Меньше нежели гдѣ нибудь нуженъ этотъ общій дѣлежъ или грабежъ достояній у насъ, потому что у насъ умираютъ съ голоду развѣ только тѣ разбойники, которые скрываются въ лѣсахъ; а для прокормленія остальныхъ готовы обширныя пространства Сибири. Друзьямъ Прудона тѣсно во Франціи, и конечно потому только хотятъ они владѣть землею вмѣстѣ съ честными людьми. Въ Россіи „Государева земля не клиномъ вышла,“ говоритъ нашъ добрый народъ, неимѣющій и понятія о пауперизмѣ.

А Г. Герценъ желаетъ республики и соціялизма для Россіи!

Послушай: ври, да знай же мѣру!

Если бы съ прямымъ, искреннимъ желаніемъ добра издавалъ онъ за границею книги о Россіи, не такъ и не то помѣщалъ бы онъ въ нихъ. Мы готовы благодарить его за многія обличенія и указа-

нія злоупотребленій, существующихъ у насъ, за анекдоты о нашихъ Тартюфахъ, Загорѣцкихъ, Молчалиныхъ и Фамусовыхъ; открытія эти могли бы приносить пользу, если бы Г. Герценъ не клеветалъ, по своимъ видамъ, на честныхъ людей. Мы всею силою души отвергаемъ его кощунства надъ религіею, его ругательства надъ предметами, которые должны быть священны для самаго закоренѣлаго злодѣя. Ругаться надъ религіею, даже состоящею изъ заблужденій — постыдно и недостойно разумныхъ людей, которые щадятъ иновѣрные храмы, даже когда истребляютъ все остальное. Низко и глупо, пришедши въ мечеть, плевать на священныя для магометанъ изреченія Корана; тѣмъ гнуснѣе и преступнѣе ругаться надъ храмами и служителями истиннаго Бога. — Святотатство не храбрость, а преступленіе: кажется, этого не понимаетъ Г. Герценъ. Не меньше постыдны революціонные возгласы противъ умершаго Царя. Судите о Немъ какъ политикъ, какъ историкъ, но не какъ рыночный возмутитель и безотвѣтный злодѣй. Можетъ быть, и между гнусными клеветами Марата была иногда правда; но мы не желаемъ, чтобы на

нашей родной землѣ могъ родиться Маратъ. Кажется однакожъ, что его славы ищетъ Г. Герценъ. Наконецъ, говоря, въ какомъ бы то ни было отношеніи о Россіи, не должно забывать, что ей обязаны мы всѣмъ, и потому должны съ сыновнимъ чувствомъ любви говорить о самыхъ недостаткахъ ея, не злобствовать, не изрыгать проклятій — противъ Отечества. Этого чувства нѣтъ въ Г. Герценѣ, — и мы жалѣемъ объ немъ. Безъ этого чувства онъ не можетъ быть безпристрастнымъ судьею, ни даже докладчикомъ о Россіи, и по долгу совѣсти долженъ отказаться отъ нынѣшней своей роли, недобросовѣстной, постыдной, оскорбительной для насъ, унизительной для него. Человѣкъ злобствующій, пристрастный, не можетъ говорить правды, хотя бы и желалъ того. Это и видимъ мы во всемъ, что пишетъ Г. Герценъ за границею. Обо всѣхъ его писаніяхъ можно сказать, что въ основаніи ихъ — злоба, ничтожное, оскорбленное самолюбіе, и грубое незнаніе того, что нужно и полезно Россіи. Если бы даже мы не видѣли этого ясно, то могли ли бы вѣрить какимъ бы то ни было показаніямъ — богоотступника, врага Христіанской

вѣры, бѣглеца, ускользнувшаго отъ надзора полиціи, унесшаго съ собою сотни тысячь франковъ и желающаго намъ — республики и соціялизма!... Хороши правила, которыми гордится Г. Герценъ! —

Опечатки.

			Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стран.	4	строк.	3 ггажданскій	гражданскій
–	9	–	1 военные	военныя
–	12	–	10 придастъ	придаетъ
–	29	–	21 Царствіе Небесное,	царствіе небесное,
–	31	–	20 Князья	князья
–	31	–	23 от.	ст.
–	32	–	21 Царствіе Небесное	царствіе небесное
–	32	–	23 впередь	впредь
–	34	–	3 Религіи	религіи
–	35	–	9 Князь	, князь,
–	36	–	2 Царствіе	царствіе
–	36	–	8 Крестъ	крестъ
–	36	–	22 Крестный	крестный
–	39	–	3 миръ	миръ,
–	41	–	6 Царствіе	царствіе
–	44	–	10 Церкви	церкви
–	45	–	3 Храма	храма
–	55	–	4 Вѣра	вѣра
–	55	–	5 Вѣра	вѣра
–	57	–	12 русское	Русское

				Напечатано:	Слѣдуетъ;
Стран.	62	строк.	1	себѣ	себя
–	62	–	6	производитъ	производить
–	76	–	20	Вѣра	вѣра
–	78	–	4	сокровище отраду,	сокровище, отраду
–	87	–	2	Слово	слово
–	96	–	1	священа	священна
–	99	–	9	Храмовъ	храмовъ
–	157	–	10	справелнивы	справедливы
–	159	–	15	свободилъ	свободитъ